

СОФОКЛ—ТРАГЕДИИ

ΣΟΦΟΚΛΗΣ

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

С О Ф О К Л

(497—406 до н. э.).

А С А Д Е М И А
Москва — Ленинград

СОФОКЛ

ТРАГЕДИИ

I

Эдип-царь
Эдип в Колоне
Антигона

Перевод
В. О. Ниландера и С. В. Шервинского
Комментарии
В. О. Ниландер

А С А Д Е М І А
1 9 3 6

ΣΟΦΟΚΛΗΣ
ΤΡΑΓΩΙΔΙΑΙ

Γραβюры на дереве
Α. Гончарова

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Общую характеристику творчества и исторических условий деятельности Софокла читатель найдет в статье второго тома трагедий Софокла, подготавливаемом к печати.

Заметка, предпосланная комментарию первого тома, ставит своей задачей сообщить лишь основные дошедшие до нас факты биографии Софокла и данные об его литературной работе.

Academia

ТРАГЕДИИ

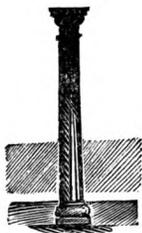

ЭДИП-ЦАРЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Э д и п, царь Фиванский
И о к а с т а, его супруга
А н т и г о н а } их дочери
И с м е н а }
К р е о н т, брат Иокасты
Т и р е с и й, слепец-прорицатель
М а л ь ч и к, поводырь Тиресия
Ж р е ц Зевса
К о р и н ф с к и й г о н е ц
П а с т у х
Д о м о ч а д е ц Эдипа
К о р и ф е й хора
Хор знатных фиванцев
Жрецы богов, телохранители и рабы Эдипа, прислу-
жницы Иокасты, телохранители Креонта, мальчики и
девочки процессии.

*Действие происходит в Фивах Беотийских,
перед дворцом Эдипа.*

ПРОЛОГ

СЦЕНА I

ПАНТОМИМА

(Жрецы, дети и юноши с масличными ветвями, повитыми шерстяными повязками, садятся на ступенях жертвенников перед статуями богов: Зевса, Аполлона, Афины и Гермеса. Из дворца выходит Эдип.)

СЦЕНА II

Э д и п

О дети, Кадма древнего побег молодой!
Зачем пред алтарями восседаете,
Молитвенные ветви принеся с собой,
Меж тем как весь наш город фимиамами,
Пеанами наполнен и стенаньями?
И я, решив, о дети, не от вестников
Чужих узнать об этом, сам пришел сюда,—
У вас Эдипом славным именуемый.

(Жрецу Зевса.)

10

Скажи, о старец, ибо речь тебе вести
За них пристало, что расположились так,
От страха или с просьбой? Все исполню я
Охотно, потому что бессердечием
То было б—не жалеть вас, восседающих.

Ж р е ц З е в с а

Да, о Эдип, владыка над страной моей!
Ты видишь: разных возрастов воссели мы

У жертвенников; эти и летать еще
Не в силах, эти—тяжелы от старости,
Жрецы (я—Зевсов жрец), а с нами—юноши
Отборные; народ же, ветви взяв, сидит
20 На рынках, у Паллады, близ святилищ двух
И возле вещей очагов Исменовых.
Наш город нынче волей волн—сам видишь ты—
Ужасно зыблем, и главы не может он
Из бездны, из кровавых приподнять зыбей.
И чахнут в почве всходы плодоносные,
И чахнет скот, и дети нерожденными
У женщин погибают. Огненосный дух,
Мор ненавистный, поразил и мучит град.
И дом опять пустеет Кадмов, черный же
30 Аид и воплем, и стенаньем полнится.
Затем-то я и чада наши здесь сидим
У алтарей святых—не божеством тебя,
Но всех первейшим и в несчастьях жизненных
Считая и в напастях, свыше посланных.
Ведь, придя в город Кадмов, нас избавил ты
От платежа вещунье той безжалостной,
Хотя наставлен нами не был в деле том,
Научен не был; но при божьей помощи—
40 Что всеми признается—нам восставил жизнь.
И вот,—о самый лучший из мужей,—Эдип,
Тебя все молим мы и обращаемся:
Найди нам оборону, вияв божественных
Вещаний голос или у людей узнав.
Ибо известно, что советы опытных
Всегда счастливый выход указуют нам.
О ты, из смертных лучший, град направь на путь!
О позаботься о себе! Страна тебя
Зовет за рвенье прежнее спасителем.
Да не вспомняем власти никогда твоей
50 Тем, что, поднявшись во весь рост, упали вновь.
Упрочь непоколебимо снова город свой.
По знаменью благому и тогда ведь нам
Ты счастье дал; таким же и теперь пребудь.
Коль ты и впредь странною хочешь властвовать,—
Так лучше людной, чем пустынной властвовать.
А то ведь башня иль корабль—ничто, когда
Покинуты и нет уж никого внутри.

Э д и п

О горестные чада! Вы пришли ко мне
В тоске, с чем—знаю, твердо знаю; все—гляжу—
60 Страдаете, но между вас, страдающих,

Нет никого, кто больше б, нежели я, страдал.
Затем, что ваша скорбь лишь вас касается
И никого другого, а моя душа
За город, за себя (*к жрецу Зевса*) и за тебя болит.
Меня будить не надо, я и сам не сплю.
Нет, знайте, много я о том наплакался,
И много мыслью разных исходил дорог.
Обдумав, я лечение мог одно найти,
Его избрал я: сына Менекеева,
70 Креонта, брата женина, в Пифийское
Послал жилище Феба, чтоб разведал он,
Каким служеньем иль мольбою град спасти.
И день уже подходит и тревожусь я,
В чем дело. Потому, что много долее
Положенного срока он отсутствует.
Когда ж вернется, окажусь поистине
Преступным, не исполнив, что мне бог велит.
(Участники процессии, заметив идущего Креонта, извещают о том жреца Зевса.)

СЦЕНА III

Ж р е ц З е в с а

Сказал ты слово кстати: вот как раз они
Идущего Креонта указуют мне.

Э д и п

(оборачиваясь)

80 О Аполлон-царь! Если б он спасителем
Пришел счастливым—светел сам, как взор его!

Ж р е ц З е в с а

Он радостен, как видно: не явился бы
К нам с головою, лаврами увенчанной.

Э д и п

Сейчас узнаем. Может уж услышать нас.

(Входит Креонт.)

Владыка, мой родимый, Менекея сын!
С каким ты прибыл божиим вещанием?

К р е о н т

С благим. Поверьте: даже злое бедствие,
Когда указан выход, станет счастьем.

Э д и п

90 Какие ж вести? Я еще от слов твоих
Ни бодрости, ни страха не почувствовал.

К р е о н т

Меня при них ли ты желаешь выслушать?
Сказать готов я, но могу и в дом войти.

Э д и п

При всех скажи. Я больше вот о них теперь
Печаль питаю, нежели о своей душе.

К р е о н т

Изволь, открою, что от бога выслушал.

(Вынимает дощечку с письменами и читает.)

Нам ясное владыка Феб веленье дал:
«Страны фиванской скверну, в ней возросшую,
Изгнать, неисцелимой да не вырастет».

Э д и п

Каким же очищением? Как избыть беду?

К р е о н т

(продолжает читать)

100 «За кровь изгнанием отплатив иль кровью же,
Зане обуреваем кровью город сей».

Э д и п

Судьбу, однако, чью же разумеет он?

К р е о н т

О царь, когда-то был у нас владыкою
Лай, сын Лабдака, пред твоим правлением.

Э д и п

По слухам знаю. Но в глаза не видывал.

К р е о н т

Раз он убит был, ясно волит бог теперь
Тем отомстить убийцам, кто бы ни были.

Э д и п

Но где они? В пределах чьих? Где сыщется
След неприметный преступленья давнего?

К р е о н т

110 В пределах наших, он сказал.

(Читает по памяти.)

«Что ищете,
Найдете, но избегнет небреженое».

Э д и п

Но у себя ли в доме или в поле пал,
Или в чужих пределах убиенный Лай?

К р е о н т

Да говорят, что к богу шел паломником
И что обратно в дом свой не вернулся он.

Э д и п

Ужель не знал ни вестник, ни попутчики
Такого, что уликой послужило б вам?

К р е о н т

Погибли, кроме одного; тот в ужасе
Бежал,—и знал и видел, да сказать не мог.

Э д и п

120 О чем? Одно нас навело б на многое,
Когда б надежды малость получили мы.

К р е о н т

Разбойники, сказал он,—не одна рука—
Его убили, но напало много их.

Э д и п

Но как разбойник—если не был деньгами
Он здесь подкуплен—мог на то отважиться?

К р е о н т

И нам казалось. Но как Лай погиб, тогда
Заступника средь бедствий не нашлось ему.

Э д и п

Какие ж беды, ежели подобный пал
Владыка, помешали вашим розыскам?

К р е о н т

130 Нас понуждала Сфинкс, загадки певшая,
Забуть про розыск и смотреть лишь под ноги.

Э д и п

Но вновь, сначала все я разобрать хочу,
Затем, что Феб достойно и достойно ты
Вновь вызвали о мертвом попечение.
Во мне по праву узрите союзника,—
Я буду и за землю и за бога мстить.
Ведь я забочусь не о дальном ком-нибудь,
Но скверну отвращаю от своей главы.
Ведь кто б его убийца ни был, тою же
140 И мне рукою мстить, пожалуй, вздумает.
И Лаю угождая, сам себе я друг.

(Участникам процессии.)

Итак, немедля, дети, от подножия
Вставайте, ветви вознося молебные.

(Креонту.)

Да кто-нибудь пусть Кадмов соберет народ.
Готов я все исполнить; или счастливы
Мы будем волей божьей иль совсем падем.

(Уходит во дворец. Приближается хор.)

Ж р е ц З е в с а

О дети, встанем, ибо мы пришли сюда
Того лишь ради, что сейчас поведал он.
А Феб, пославший эти нам пророчества,
150 Спасителем да придет истребить болезнь.
*(Участники процессии поднимают опущенные ветви
и уходят.)*

ПАРОД

Х о р

СТРОФА 1

Зевса глаголы сладчайшие! С чем из обильного златом
Пифона в славные пришли вы
Фивы? Трепещет испуганно, страхом напряжено,
Делиец, Пеан-Исцелитель! сердце!
Внемля тебе, я колеблюсь: по-новому ль
Ныне внушаешь служить иль по-старому,
В должные сроки? Скажи мне, бессмертная,
Чадю Надежды златое, Молва!

АНТИСТРОФА 1

Первой тебя призываю, дочь Зевса, богиня Афина.
160 И Земледержицу Сестру
Артемиду, на торге сидящую круглом, на троне пресла-
вном,

И Стрелометателя Феба.
Три отразителя, мне объявитесь!
Если при прежних несчастьях, над городом
Нашим круживших, от нас отстраняли вы
Пламя напастей, придите и днесь!

СТРОФА 2

Увы! Напастей без конца
Терплю: недужен весь народ,
170 И мысли мои безоружны
Смерть отразить. И не множатся более
Земли порождения славной, и жены
Вопят в мучениях родов и выплыть не могут.
Посмотри на нас: один за другим быстрокрылою птицей
Мчатся скорей полыхающей молнии
К брегам, где бог вечерний.

АНТИСТРОФА 2

По граду жертвам нет числа,
180 Тела без жалости лежат,
Неоплаканы, смерть рассевая.
Жены меж тем и с сестрами матери
У брега алтарного,—всюду,—стена,
Молят от пагубных мук избавления,
И пеан сияет. Рядом—голос звучит сорыданья.
Ради того, о золотая дочь Диева,
Ясноликой встань защитой!

СТРОФА 3

Арея жгучего, что нас
190 Без медяного щита
Опалает, в бег попятный—молю!—
Внемля воплям,—обрати за предел
Отчий, кинь его в огромный
Терем Амфитриты
Иль к неприимным пристанищам
Под прибой фракийский!
Ибо то, что ночь оставит,
200 Забирает данью день.
Его—Арея—ты, о молний
Огненосных властелин,
О Зевс-Отец, твоим перуном порази!

АНТИСТРОФА 3

Ликийский царь,—молю!—направь
Со златокрученных тетив
Стрелы необорные во все концы!
А ты свои, о Артемида, светочи
Огненосные, чей пламень

Мчишь в горах ликийских!
Зову и тебя, златоповязный—
210 Краю давший имя—
Винноокий Вакх, спутник
Восклицательниц Менад!
Выйди со своей палящей
Ослепительной смолою
В бой на духа, всех презренней из духов!

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

Э д и п

(корифею)

Ты просишь? И что просишь,—если речь мою
Уважить пожелаешь, тем и бога чтя,—
Получишь: оборону и облегченье бед.
220 Вести речь буду, чужд рассказу этому,
Как чужд был и злодейству. Я искал бы след
Недолго, если б мне улику дали вы.
Теперь же—раз я позже гражданином стал—
Вот что я вам, кадмейцы, объявляю всем:
Кто бы из вас ни видел человека, чьей
Рукой повержен, Лай погиб, Лабдака сын,
Я вам повелеваю мне поведать все.
И если кто боится указать, винась,
На самого себя, верь, не претерпит он
Ни в чем худого, невредим уйдет от нас.
230 Еще: коль кто чужого, из чужой страны
Убийцу видел, пусть не промолчит,—его
Я награжу казною, да и милостью.
Еще же: коль смолчите, за себя страшась
Или за друга, и приказ отринете,—
Как с непослушным поступлю, послушайте:
Приказываю: чтоб его, кто б ни был он,
В земле, в которой я царю и властвую,
Не принимали, речь не заводили с ним,
К молитвам богу, к жертвоприношениям
240 Не допускали общим, ни к воде святой;
Но гнали бы из дому все, поскольку он
Стал скверной нашей—как пифийский бог открыл
Своим мне вещим прорицаньем только что.
Итак, отныне становлюсь поборником
Владыки Феба и царя покойного.
Я проклиная тайного преступника,
Один ли скрылся он иль вместе с многими:

Пусть жалкий жалко горестную жизнь влачит.
Клянусь, что если с моего он ведома
250 В моем же доме возле очага сидит,
Пусть претерплю я так же, как сказал сейчас!
И это все исполнить поручаю вам
Ради меня и бога и земли родной,
В бесплодии под божьим гневом страждущей.
Но если б долг тот даже не от бога шел,
То все ж вам подобало б очищение,
Затем, что доблестнейший муж и царь погиб.
Так разыщите же его! Поскольку я
Имею власть, какую прежде он имел,
260 И ложе и супругу ту же самую,
То и детей, с ним общих,—если б не был он
В потомстве незадачен—воспитал бы я.
Теперь постигло бедствие главу его,—
Так вместо них я за него вступлюсь теперь,
Как за отца родного, и раскрою все,
Чтоб захватить убийцу, чьей рукой убит
[Лабдака сын, Полидора внук, которому
Отец был Кадм, сын древнего Агёнора.]
270 К богам я обращаюсь: пусть ослушнику
Посева урожая не вернет земля,
Жена потомства не родит, но в бедствии
Он нынешнем да сгинет иль в ужаснейшем!
А вам всем, дети Кадмовы, которые
Все это одобряют, пусть поборницей
Вам Правда будет и вовеки боги все!

К о р и ф е й

Твоим проклятьем связан, я скажу, о царь:
Не убивал я Лая, и убившего
Я указать не в силах; что ж до розысков,—
Феб рекший пусть и скажет, кто свершитель был.

Э д и п

280 Сказал ты верно. Но богов к чему-нибудь
Никто ведь не принудит против воли их.

В т о р о й х о р е в т

А я скажу другое, что мне кажется.

Э д и п

Хотя б и третье, напрямик лишь выскажи.

В т о р о й х о р е в т

Я знаю: царь Тиресий прозорливостью
Царя не меньше Феба; ты всего ясней
Через него в том деле вразумишься, царь.

Э д и п

Я и не медлил, сделал это самое:
Послушавшись Креонта, двух послов подряд
Послал. И странно, что его так долго нет.

Т р е т и й х о р е в т

290 [Но есть другая, давняя, глухая молвь.

Э д и п

Какая? Слово каждое в расчет беру.

Т р е т и й х о р е в т

Толкуют, будто был убит прохожими.

Э д и п

Слышал, да что-то не видать видавшего.

Т р е т и й х о р е в т

Но если он способен страх испытывать,
Не устоит, услышав о возмездии.

Э д и п

Кто не трепещет дела, не боится слов!]

СЦЕНА II

К о р и ф е й

Но вот и тот, кто может обличить его.
Ведут божественного прорицателя,
Что с правдой дружен из людей единственный.
(*Входит Тиресий, ведомый мальчиком-поводырем.*)

Э д и п

300 О зрящий все Тиресий, и доступное
И тайное—земное и небесное.
Хоть сам не видишь, ведаешь, недуг какой
В столице нашей; от него заступника,
Спасителя мы чаем лишь в тебе одном.
Ведь Феб—когда б ты и не слышал вестников—
Пославшим нам ответил: лишь тогда для нас
Наступит от болезни избавление,
310 Когда, все вызнав об убийцах Лаевых,
Их мы уьем иль вышлем из земли своей.
Теперь, у вещей соизволив птиц спросить,
Или иные применив гадания,
Спаси себя и град наш и избавь меня!
Очисти нас от скверны, что от мертвого;
В твоих руках мы; помощь подавать другим
Чем можешь и умеешь — труд прекраснейший.

Т и р е с и й

Увы! Увы! Как страшно знать, коль пользы нет
От знания. Об этом крепко помнил я
И все ж забыл—иначе не явился бы.

Э д и п

320 Но что случилось? Отчего смущен ты так?

Т и р е с и й

Пусти меня обратно,—будет легче несть—
Коль согласишься—мне свое, свое—тебе.

Э д и п

Не по закону молвишь и не любишь ты
Родного града, коль таишь вещание.

Т и р е с и й

Не вижу: не на благо самому тебе
Та речь, чтоб не случилось и со мной того ж...

Х о р

(становясь на колени)

Ради богов, все зная, не отказывай.
Тебя мы умоляем, пав к ногам твоим.

Т и р е с и й

Безумцы! Не скажу я никогда того,
К чему ты принуждаешь,—про беду твою.

Э д и п

330 Что говоришь ты? Знаешь и не скажешь? Нас
Предать ты помышляешь и разрушить град?

Т и р е с и й

Себя не стану мучить, ни тебя. К чему
Зря попрекаешь? Все равно не выведать.

Э д и п

Нет, худший меж худыми, ты и камень бы
Разгневать мог. Да скажешь ли когда-нибудь?
Иль все упорным будешь и бесчувственным?

Т и р е с и й

Меня за нрав коришь ты, своего меж тем
Не примечаешь вовсе и меня бранишь.

Э д и п

340 Кто ж на слова такие не разгневался б,
Услышав, как позоришь град бессовестно?

Т и р е с и й

Откроется, хотя бы я молчал, тая.

Э д и п

Так вот и должен ты об этом мне сказать

Т и р е с и й

Ни слова боле не скажу. Пылай теперь,
Коли желаешь, гневом самым яростным.

Э д и п

Скажу я непременно, ибо гневаюсь,
О том, что вижу: знай, мне представляется,
Что ты замешан в деле и участвовал,
Хоть сам не приложил рук. А когда бы ты
Был зряч, сказал бы, что твое и дело все.

Т и р е с и й

350 Взаправду? Я же приговор твой выполнить
Тебе повелеваю самому и впредь
Ни к ним не обращаться, ни ко мне, затем,
Что сей земли безбожный осквернитель—ты!

Э д и п

И столь бесстыдно слово ты извергнуть мог
Такое и избегнуть кары думаешь?

Т и р е с и й

Уже избег я кары: правдой силен я.

Э д и п

[Кем ты научен? Не твое искусство тут.

Т и р е с и й

Тобой. Насильно ты меня сказать подвиг.

Э д и п

Что? Повтори-ка, чтобы лучше понял я!

Т и р е с и й

360 Еще ль не понял? Иль дознаться пробуешь?

Э д и п

Не столько понял, чтобы знать, — так вновь скажи.

Т и р е с и й

Я говорю: безвестный тот убийца — ты.

Э д и п

Себе на радость дважды злых не скажешь слов!

Т и р е с и й

Сказать еще ли, чтоб ты больше в гнев пришел?

Э д и п

Сколько угодно — все ведь будет попусту.

Т и р е с и й

Скажу: не зная, с самыми ты близкими
В срамной связи, не видишь сам беды своей.

Э д и п

Так говорить ты мыслишь безнаказанно?

Т и р е с и й]

Да, ежели у правды малость силы есть.

Э д и п

370 Но не в тебе, который правды чужд, — затем
Что ты лишен и слуха, и ума, и глаз.

Т и р е с и й

А ты несчастен, ежели хулишь меня,
За что услышишь сам хулу от каждого.

Э д и п

Питомец вечной ночи, никому, кто свет
Дня видит, ты не можешь повредить, ни мне!

Т и р е с и й

Конечно, рок твой — пасть не от моей руки;
Но станет Аполлона, чтоб исполнилось.

Э д и п

Креонта иль твои все это выдумки?

Т и р е с и й

Креонт тебе не горе, но ты сам себе.

Э д и п

380 О деньги! О державство! О искусство, всех
Искусств превыше в жизни соревнительной!
Как же в вас много зависти скрывается, —
Что ради этой власти, нашим городом
Мне в виде дара, не по просьбе вверенной,
Креонт, спервоначалу друг мне преданный,
Подползши тайно, пожелал изгнать меня,
Его, волхва мне подослав лукавого,
Обманщика, бродягу, что в корысти лишь
Зряч, а в своем искусстве слеп. Скажи-ка мне,
390 Когда он ясно что-нибудь разгадывал?
Когда вещунья-птица появилась — ты
Хоть слово молвил во спасенье гражданам?
Меж тем не первый встречный разгадать бы мог
Загадку — волхвованье было надобно, —
А ты не оказался вразумлен ни птиц
Полетом, ни от бога знаньем. Я ж пришел,
Эдип, не вещей вовсе, усмирил ее,
Умом постигнув, птиц не изучав полет, —
А ты меня желаешь из страны изгнать,
400 Мечтая ближе к трону стать Креонтову.
Заплачете, надеюсь, ты и тот, другой
Зачинщик очищенья. И под пыткой,
Не будь ты старцем, свой признал бы умысел

К о р и ф е й

Но, говоря по правде, и его слова
Промолвлены во гневе, и твои, Эдип.
И не об этом, но как лучше выполнить
Вещанье, надо вót о чем заботиться.

Т и р е с и й

Хоть ты властитель, все же одинаково
Ответствовать мы можем. И моя тут власть.
410 Затем что раб я не тебе, но Локсию,
И к подзащитным не причтуть Креонтовым.
Услышав, как поносишь слепоту мою,
Скажу: ты смотришь, да не видишь, сам в какой
Беде, и обитаешь где и муж кому.
Ты знаешь, кем рожден ты? Позабыл, что стал
Врагом своих, здесь, на земле, и там, внизу,
И что двойная — и отца и матери —
Тебя изгонит Ара грозноногая.
Свет ныне видишь; будешь видеть — мрак один.
420 Твоими вскоре воплями какой залив,
Какой не огласится Киферон, когда
Узнаешь ты о браке, для которого

В дом не как в пристань ты пришлел, плыв счастливо!
Ты и других не знаешь бедствий множества—
Что станешь равен сам себе и детям ты.
После того—Креонта и мои уста
В грязь втаптывай. А все же нет меж смертными
Таких, кого ждала бы гибель худшая.

Э д и п

(*корифею*)

Ужели ж слушать речь его несносную?!

(*Тиресию.*)

430

Сгинь пропадом! Скорее! Что стоишь? Назад
От моего ты дома удалишься ли?

Т и р е с и й

Но сам я не пришел бы, если б ты не звал.

Э д и п

Не знал, что будешь говорить нелепости,
А то тебя едва ли пригласил бы в дом.

Т и р е с и й

Нас глупыми считаешь, а родителям
Твоим казались мы весьма разумными.

Э д и п

Кому? Останься! Кто же породил меня?

Т и р е с и й

Тебе рожденье этот день и смерть сулит.

Э д и п

Все говоришь неясно и загадочно.

Т и р е с и й

440

В делах подобных ты ли не находчив был?

Э д и п

Глумись! Признаешь все же, что велик я был.

Т и р е с и й

Однако же успех твой и сгубил тебя.

Э д и п

Но ежели спас я город, все ничто потом.

Т и р е с и й

Итак, иду.

(*Мальчику.*)

Ты, мальчик, проводи меня.

Э д и п

Пусть провожает: мне твое присутствие
Докучно; как уйдешь ты, станет легче мне.

[Т и р е с и й

Скажу, пожалуй, для чего пришел. Твой лик
Не страшен мне. Не в силах ты сгубить меня.
Скажу тебе: тот самый муж, которого
450 С угрозами ты ищешь, как пролившего
Кровь Лая,—этот муж вот здесь находится.
Переселенец, будто, чужанин,—но он
Окажется фиванцем и не будет рад
Такому счастью. Став слепым из зрячего
И нищим из богатых, шаря посохом
Перед собою, в край чужой отправится.
Окажется зараз он для детей своих
И братом и отцом их, а для женщины,
460 Его родившей,—сыном и супругом,—сам
Отца соложник и убийца. Идя в дом,
О том размысли. Если ж я солгал тебе—
Скажи, что я не смыслю в прорицаниях.]

(*Уходит, ведомый мальчиком.*)

СТАСИМ I

Х о р

СТРОФА 1

Кто он, что боговещей Дельфийской
Скалою нам указан?
Кто несказанно свершил несказанный
Грех рукой кровавой?
В побеге пора б ему,
Ретивых быстрее коней,
470 От нас уносить стопу!
Всеоружный бросается сам на него
С пламенеющей молнией Зевсов сын,
И вслед ему—грозны,
Беспощадны—Керы!

АНТИСТРОФА 1

Затем, что воссиял от Парнаса
Снежного недавно

520 Но если в бедах он признал, что я ему
Вред приношу словами иль поступками,
То мне уже и долго жить не хочется
С такой молвой на шее. И ущерб к тому ж
Не малый обещает мне попрек такой,—
Нет, превеликий, если я и в городе
Злодеем буду назван, и у вас—друзей.

К о р и ф е й

Но право же, возникла эта брань скорей
От гнева, чем по здоровом размышлении.

К р е о н т

Нет, заявил он, будто бы совет я дал
Гадателю вести здесь речи лживые!

К о р и ф е й

Сказал он, но не знаю, что за цель была.

К р е о н т

И без зазренья совести, в своем уме,
Меня таким наветом обвинять он смел?

К о р и ф е й

530 Не знаю. Мне не видно, что цари творят,
Но вот он кстати сам выходит из дому.

(Входит Эдип.)

СЦЕНА II

Э д и п

540 Как, это ты? Явиться смел сюда? Иль так
Твои глаза бесстыжи, что под кров ко мне
Вошел—его убийца несомнительный,
Грабитель явный нашей власти царственной?
Скажи мне, ради бога, трусость, глупость ли
Во мне ты видел, чтоб посметь так действовать?
Иль думал, что об этом не узнаю я—
Хоть ты и вполз лукаво—и стерплю, узнав?
Не глупое то разве предприятие—
Без близких и без денег власть захватывать,
Что требует и злата и сторонников?

К р е о н т

Ты лучше вот что сделай: сам сказал, теперь
И выслушай взаимно, а суди потом.

Э д и п

Ты говорить искусник, но внимать тебе
Не стану: потому что ты мне лютой враг.

К р е о н т

Об этом самом ты меня и выслушай.

Э д и п

Но только не толкуй мне—что не злостен ты.

К р е о н т

550 Коль полагаешь, будто самомнение
Без разума—прибыток, заблуждаешься.

Э д и п

Коль полагаешь, что, родному зло творя,
За это не потерпишь—заблуждаешься.

К р е о н т

Согласен, что сказал ты справедливо. Но
Какой убыток ты понес, открой, прошу.

Э д и п

Советовал ты мне или не советовал
Послать за тем преславным прорицателем?

К р е о н т

Я мнения такого ж и сейчас держусь.

Э д и п

А много ль лет минуло с той поры, как Лай...

К р е о н т

Так что же с ним случилось?.. Не пойму тебя...

Э д и п

560 ...пропал бесследно под ударом гибельным?

К р е о н т

Считай—большой и долгий промежуток лет.

Э д и п

Тогда уже при деле был гадатель твой?

К р е о н т

И так же мудр был, и в такой же почести.

Э д и п

Что ж, обо мне в те годы вспоминал ли он?

К р е о н т

При мне, по крайней мере, никогда, нигде.

Э д и п

Но следствие вели вы об убийстве том?

К р е о н т

Вели, а как же? Только не дозналися.

Э д и п

Так что ж тогда об этом не сказал мудрец?

К р е о н т

Не знаю. А не знаю,—так молчу всегда.

Э д и п

570 Но то, что знаешь, ты по дружбе скажешь мне.

К р е о н т

Что? Если знаю, отрицать не вздумаяю.

Э д и п

А что, не будь вы в сговоре, навряд бы он
Сказал, что гибель Лая—дело рук моих.

К р е о н т

Что говорил он—знать тебе, но я теперь
Спросить себя считаю вправе в свой черед.

Э д и п

Спроси. В убийстве ты не уличишь меня.

К р е о н т

Послушай. На моей ведь ты сестре женат?

Э д и п

Того, что вопрошаешь, отрицать нельзя.

К р е о н т

И поровну с ней делишь над странною власть?

Э д и п

580 Чего желает, мною исполняется.

К р е о н т

А к вам двоим я, третий, не приравнен ли?

Э д и п

Вот тут-то и сказался злостный друг в тебе!

К р е о н т

Нет,—если только дашь себе, как я, отчет,—
Сам поразмысли: неужели кто-нибудь
Искал бы власти, с коей связан страх, когда
Он спать спокойно может, так же властвуя?
Я ж не стремился зваться никогда царем
И быть предпочитал лишь соправителем,—
590 Да так и каждый судит здравомыслящий.
Теперь без страха всё беру, что даришь мне,
А правя, много против воли делал бы.
Так почему ж державство слаще было бы
Мне беспечальной власти и могущества?
Еще не столько я обижен разумом,
Чтоб благ иных и пользы мне иной искать.
Все говорят мне «здравствуй», мне привет от всех,
К тебе имея просьбу, все ко мне идут,
Затем, что их желанья у меня в руках.
600 Так как же, это бросив, то я выберу?
Худым не станет разум здравомыслящий.
Наклонностей подобных я всегда был чужд
И не дерзну другому быть пособником.
А чтоб проверить, сам в Пифон пойдя, спроси,
О прорицаньях ясно ль извещен ты мной?
И коль меня ты уличишь, что в заговор
С гадателем вступил я, то не попросту
Казни, но дважды распишусь и сам во всем.
Не обвиняй неясным подозрением
610 Меня, затем, что как несправедливо звать
Злых добрыми, так злыми добрых, попусту.
Отринуть друга верного—равно, скажу,
Что и того лишиться, чем вся жизнь красна.
Со временем в том убедишься: время лишь
Нам указывает человека честного.
Дурного же признаешь ты и в день один.

К о р и ф е й

Для тех, кто сам разумен, он добро сказал,
О царь: что слишком скорый ненадежен суд.

Э д и п

Коль быстро будет козни строить тайные
Мой недруг, должен быстро тут и я решать.
А коль в покое буду пребывать—уже
Он дело сделал, а мое—потеряно.

К р е о н т

Так, значит, не отступишь и не веришь мне?

Э д и п

Узнаешь ты, что значит быть завистником.

К р е о н т

Чего же хочешь? Из страны изгнать меня?

Э д и п

Нимало. Умертвить, а не изгнать хочу.

К р е о н т

<О Зевс, ты слышишь?

Э д и п

Не кричи бессмысленно!>

К р е о н т

Да ты и впрямь безумен!

Э д и п

Не в своих делах.

К р е о н т

Попомни тож о моих.

Э д и п

Преступник ты!

К р е о н т

А вдруг ошибся?

Э д и п

Все-таки покорствуй мне!

К р е о н т

О нет, когда правитель плох!

Э д и п

О град, о град!

К р е о н т

И я во граде кто-нибудь, не ты один.

К о р и ф е й

Довольно, государи: в пору, вижу я,
К вам шествует Иокаста из дворца; при ней
Добром кончайте брань, меж вас возникшую.

СЦЕНА III

КОММОС

ВСТУПЛЕНИЕ

И о к а с т а

(*входя*)

Что тут за спор безумный, о злосчастные,
Язык ваш поднял? И страны не стыдно вам,
Столь страждущей,—что ваши счета сводите?

(*Эдипу.*)

Домой ты шел бы лучше, да и ты, Креонт.
Пустой обиды раздувать не вздумайте.

ЭПИРРЕМА

К р е о н т

Сестра! Ужасным делом мне Эдип грозит,
Супруг твой,—к бедам двум приговорив меня:
[Или изгнать из града, иль казнить, схватив.]

Э д и п

Все так, жена. Но мною уличен он был,
Что умышляет на меня, злокозненный.

К р е о н т

Пусть я не знаю счастья, будь я проклят, пусть
Я сгину, если сделал, в чем винишь меня!

И о к а с т а

Ради богов бессмертных, верь, Эдип, ему,
И пуще ради этой клятвы—чтя богов,—
Ради меня и старцев, предстоящих здесь!

СТРОФА

К о р и ф е й

О внемли нам, гнев оставь! И рассуди, царь, молю!

Э д и п

А в чем я должен уступить?

К о р и ф е й

Его, что был мудр всегда
И поклялся клятвой, царь,
Уважь, прошу.

Э д и п

Чего ты просишь, знаешь?

К о р и ф е й

Знаю.

Э д и п

Сказывай.

К о р и ф е й

Твой брат чист, а ты, из-за неясных слов,
Не станешь никогда друзей зря винить.

Э д и п

Так знай: желая этого, желаешь ты,
Чтоб я погиб иль изгнан был из города.

К о р и ф е й

660 О услышь, богов бог бессмертных, Гелий-вождь!
И пусть—бога чужд, друзей чужд—во срам
Себе смерть найду, ежели мыслю так.
Нет, страны гибель, вот чем болит
Моя душа. Что, коль бед давнишних ряд
Приумножит нам новый ряд неожиданных бед?

АНТИЭПИРРЕМА

Э д и п

(Иокасте)

670 Пускай идет, хотя бы мне вконец пришлось
Погибнуть или быть позорно изгнанным,
Затем, что речью я твоею жалобной
Смягчен, а не словами ненавистного.

К р е о н т

Ты с ненавистью уступил. Но сам себе,
Лишь гнев пройдет, несносен будешь. Нрав, как твой,
Себе же в тягость, и по справедливости.

Э д и п

Прочь, наконец, уйдешь ты?

К р е о н т

Удаляюсь—пусть
Тобой не признан, но для них все тот же я.

АНТИСТРОФА

К о р и ф е й

Жена, зачем медлишь ты в дом с собой весть его?

И о к а с т а

680 Я лишь узнаю все сперва.

К о р и ф е й

Закралось подозренье вдруг.
Мучит все ж нас—будь он
И лжив—навет.

И о к а с т а

Грозили оба?

К о р и ф е й

Да.

И о к а с т а

О чем же речь была?

К о р и ф е й

По мне, лучше так: коль наш в бедах край—
Где речь смолкла, там клади ей конец.

Э д и п

Вот до чего дошел ты, благоумный муж!—
Ко мне ты безучастен стал и сердцем глух.

К о р и ф е й

690 О царь, о том я не раз твердил тебе.
Но знай: был бы я и впрямь глуп, умом
Совсем пуст, когда б тебя бросить мог.
Ты ведь мой милый край, что потрясен
Страданиями, смог навесьть на верный путь.
И теперь благим кормчим нам, коль можешь, будь!

СЦЕНА IV

И о к а с т а

Ради богов, поведай ты, о царь, и мне,
В тебе что возбудило столь ужасный гнев?

Э д и п

700 Изволь, тебя я больше чту, чем их, жена.
Креонт—злоумышляет он на жизнь мою.

И о к а с т а

Скажи,—коль ссоры знаешь повод подлинный.

Э д и п

Он утверждает, будто я царя убил.

И о к а с т а

Сам знает или же научен кем-нибудь?

Э д и п

Гадателя он подослал коварного,
А за собой не хочет признавать вины.

И о к а с т а

710 Ты перестань об этом размышлять, о царь!
Меня послушай и узнай: меж смертными
Причастных нет к искусству прорицания.
И тотчас это кратко докажу тебе:
Давно вещанье Лаю было—Феб ли сам
Рек, не скажу,—но было от жрецов его,
Что рок его свершится, и погибнет Лай
Через сына, мною от него рожденного.
А между тем—как молвят—от разбойников
Чужих на перепутье трех дорог он пал.
А мальчику—который был трех дней всего—
Отец суставы ног связал, потом велел
720 Его швырнуть на кручу недоступную.
Так, значит, не исполнил Аполлон того,
Чтоб стал отца убийцей, чтоб изведал Лай
От сына ужас—твой извечный страх, Эдип.
А это все вещанья напророчили.
Им не внимай нимало; если бог сочтет
Что-либо нужным, сам объявит с легкостью.

Э д и п

Как от всего, что слышал я сейчас, жена,
Душа тревожна и разволновался дух!

И о к а с т а

Какой заботой мучим, говоришь ты так?

Э д и п

730 Послышалось мне, ты сказала: мертвым пал
Лай там, где вместе три дороги сходятся?

И о к а с т а

Так говорили, и не прекращался слух.

Э д и п

А что за место, где случился ужас тот?

И о к а с т а

Зовется край Фокидой, и дороги там
Три сходятся на Дельфы и на Давлию.

Э д и п

А как же много времени прошло с тех пор?

И о к а с т а

То было незадолго до принятия
Тобою власти: тут оповестили град.

Э д и п

О Зевс, что надо мною ты свершить решил?!

И о к а с т а

Но что такое, чем ты так смущен, Эдип?

Э д и п

740 Не вопрошай, довольно. Но каков был Лай
Наружностью и в лётах был каких, скажи?

И о к а с т а

Высок, курчав, уж волос сединой блеснул,
Немногим отличался от тебя на вид.

Э д и п

Увы мне! Вижу я, что сам ужасные
Призвал проклятья на себя, в неведение.

И о к а с т а

О чем ты? Страшно на тебя глядеть мне, царь.

Э д и п

Боюсь, кудесник зряч не оказался бы..
Ясней все станет, коль еще ответишь мне.

И о к а с т а

Мне очень страшно, но, что знаю, все скажу.

Э д и п

750 Он с несколькими был в пути иль с многими
Телохраниителями, как царю подстать?

И о к а с т а

Всего пять было, и меж них глашатай тот,—
Сам Лай же ехал на возке единственном.

Э д и п

Увы! Вполне все стало ясно. Кто же мог,
Однако, вам известье принести, жена?

И о к а с т а

Слуга, который, спасшись, убежал один.

Э д и п

И в нашем доме он теперь находится?

И о к а с т а

760 О нет! Сюда добравшись и узнав, что власть
Тебе досталась после смерти Лаевой,
К моей руке припал он и упросил пустить
Его в деревню, к пастбищам пастушеским,
Чтобы как можно дальше от столицы быть.
Его я отпустила. И не будь он раб,
Достоин был бы он и большей милости.

Э д и п

Не мог бы поскорее он притти сюда?

И о к а с т а

Да, мог бы. Но зачем ты хочешь этого?

Э д и п

Боюсь, жена, что слишком много в речи той
Наговорил я, чтоб желать с ним видеться.

И о к а с т а

770 Нет, он придет наверно,—но достойна знать
И я, какой заботой угнетен ты, царь.

Э д и п

Тебе не откажу я, раз я сам теперь
В такой тревоге. И кому ж, как не тебе, жена,
Сказать бы мог я, находясь в беде такой.
Итак, отцом мне Пóлиб был коринфянин,

А матерью—Меропа, родом дорянка.
 И в граде слыл я всех первой до случая,
 Который удивленья хоть достоин был,
 Но моего вниманья недостойн был:
 780 На пире некий муж, напившись дѳьяна,
 Сказал, что мнимый будто бы я сын отцу.
 И этим удрученный, я с трудом в тот день
 Сдержался и наутро лишь к отцу пошел
 И к матери с вопросом, и обидчиком,
 То слово проронившим, возмутился.
 Их огорченью был я рад, но все-таки
 Меня сомненья грызли: тайно молвь ползла.
 И потихоньку от отца и матери
 В Пифоң иду я, но не удостоил Феб
 790 Меня ответом, отпустил и множество
 Ужасных и злосчастных объявил мне бед:
 Что с матерью смешаться дѳжно мне; родить
 Потомство, чье ужасно будет всем лицо.
 Еще ж убийцей стать отца родимого.
 Услышав это, я решил Коринфскую
 К небесным звездам землю приравнять, бежал
 Туда, где никогда бы увидеть не мог,
 Как предреченный мне позор исполнится.
 И вот пошел я и пришел в то место, где,
 800 Как говоришь ты, был ваш государь убит.
 Тебе, жена, всю правду расскажу: когда
 Я подходил к распутью трех дорог, бредя,
 Глашатай и в повозке, при конях младых,
 Сидящий старец—как передавала ты—
 Мне повстречались. Колесничий стал с пути
 Сгонять меня, и старец тоже, силою.
 И, осердясь, возницу, что толкать посмел
 Меня, я ударяю. А старик меж тем,
 Приметив, что к повозке я приблизился,
 819 Двойным стрекалом в голову хватил меня.
 Неравным было воздаянье: тотчас же
 Дубиной пораженный, от моей руки,
 Он с середины колесницы катится.
 И всех я убиваю... И коль есть меж ним
 И Лаем... родственная связь... то кто—скажи—
 Теперь меня несчастней между смертными?
 Кто для богов на свете ненавистнее?
 «Кого ни чужестранец, ни согражданин
 Принять к себе не может, ни приветствовать,
 820 Но должен гнать из дома...» То не кто иной,
 Как я, проклятья на себя обрушивший.
 И вот я оскверняю ложе мертвого
 Кровавыми руками. Не злодей ли я?

Я не вполне ли нечестив? Бежать бы мог...
Но коль бегу, нельзя мне зреть родителей,
Ни в край входить родимый, а не то вступить
В брак с матерью придется иль отца убить
[Полиба, кем рожден я и воспитан был.]
Но что каким-то божеством мне послано
Случившееся, сомневаться можно ли?
830 Нет! Нет! Богов святыня, солнце ясное!
Да не увижу дня того, исчезну пусть
Из мира смертных без следа! Но только бы
Таким нечестьем мне не запятнать себя!

К о р и ф е й

И мы, о царь, робеем; но всего еще
От очевидца не узнал, в надежде будь.

Э д и п

Немного остается для надежды мне:
Единственно дожидаться, чтоб пастух пришел.

И о к а с т а

Но чем его прибытие облегчит тебя?

Э д и п

840 Отвечу: если будет говорить с тобой
Одно, так, значит, избежал я ужаса.

И о к а с т а

Но что ж ты слышал от меня столь важного?

Э д и п

Ты говоришь: сказал он, что разбойники
Царя убили; если подтвердит он вновь,
Что несколько их было, то не я убил.
Один ведь быть не может равен множеству.
А если он укажет, что один там был,
То ясно обвиненье на меня падет.

И о к а с т а

850 О нет,—как раз сказал он это самое,
И это слово изменить нельзя ему.
Его весь город слышал, а не я одна.
А если и отступит он от прежних слов,
О царь, все ж не докажет тем, что Локсиев
Правдив и верен голос, по которому
Лай должен был от сына моего пропасть.
Его ведь мой несчастный—разумеется—
Не мог убить: он раньше сам погиб—дитя.
Вот почему не верю я ни этому
Богов вещанью, ни любому в будущем.

Э д и п

860 Прекрасно судишь. Все-таки кого-нибудь
Пошли за селянином, не откладывая.

И о к а с т а

Пошлю немедля. Но пойдем же в дом... Тебе
Ведь я не стану делать неугодного.

(Уходят во дворец.)

СТАСИМ II

Х о р

СТРОФА 1

Пошли, судьба, в удел мне: многочтимую
Блюсти всечасно святость слов
И дел во всем и вышние законы чтить,
Что в лоне Правды, в выси небес
Порождены эфиром; им Олимп—отец
Единый. Не род земной
Обреченных на смерть людей
870 Породил их и никогда
Не усыпит забвеньем,
Но живет в них бог всемогущий, старости чужд.

АНТИСТРОФА 1

Гордыню порождает власть. Гордыня же,
Пресыщена безумно всем,
Ни в чем не зная меры, пользы чуждая,
К вершине счастья взойдя, стремглав
Вдруг в пропасть роковую низвергается.
Уж твердою нельзя стопой
880 Опереться спесивцу там.
Молю, чтоб Локсий-бог не прервал
В граде благого сыска
И сам заступником вечным мне был,—бог!

СТРОФА 2

Если ж кто высокомерен
Или словом или делом
И не трепещет Правды,
И не чтит богов престола,
Пусть злая судьба постигнет
Его за чванство роковое!
890 Если выгоды неправдой ищет он,
Касается в безумье тайн,
Не старается бежать безбожных дел,
Разве может он хвалиться, что стрелу

Гнева божья отразил?
Ибо если таковым деяньям честь,—
Что богу мне гимн петь?

АНТИСТРОФА 2

900 Не итти уж мне к святому
Пупу той земли с поклоном,
В храм не пойду Абайский,
Ни в Олимпии страну,—
Раз то, что от бога явно,
Не вершится для людей.
Но, могучий,—если вправду ты могуч,—о Зевс,
Над всеми властный! От твоей
Бессмертной власти да не сможет скрыться он!
Прорицанья гибнут Локсия,
Перестали быть на свете,
910 И нигде не имеет чести Аполлон,—
Забывается божье!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

СЦЕНА I

И о к а с т а

(входит, неся масличную ветвь, повитую шерстью, и ларчик с ладаном. За ней следует прислужница.)

Страны владыки, в голову мне мысль пришла,
Отправиться по храмам божьим, свежие
Венки неся с собою и куренья взяв.
Душа Эдипа слишком разволнована
От дум печальных, и в своем безумии
О будущем не судит он по прошлому
И тем лишь внемлет, кто вещает ужасы.
И так как я бессильна убедить его,

(простирает руки к статуе Аполлона)

920 К тебе, Ликейский Аполлон,—ближайший нам—
С мольбой иду я, лучшие дары неся,
Чтоб нам послал благое разрешение,
Затем, что все мы—в страхе, на смятенного
Смотря, как в бурю смотрим мы на кормщика.

(Кладет ветвь к подножью статуи. Затем берет несколько зерен ладана и бросает их на уголья.)

СЦЕНА II

(Входит коринфский гонец.)

К о р и н ф с к и й г о н е ц

От вас, о чужестранцы, не могу ль узнать,
Царя Эдипа где дворец находится?
Всего же лучше сообщите, сам он где.

К о р и ф е й

Жилище—вот, а сам он там внутри, о гость,
А вот его супруга, мать детей его.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

(Иокасте)

930 Пусть счастливо и вечно со счастливыми
Живет царя супруга благодетная!

И о к а с т а

И ты, о гость, достоин пожелания
За свой привет любезный. Но скажи, с какой
Нуждой ты прибыл иль какую весть принес?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Добро для дома и для мужа твоего, жена!

И о к а с т а

Но что такое? От кого к нам послан ты?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Я из Коринфа. А мои слова тебя
Обрадуют—еще бы!—или ввергнут в скорбь.

И о к а с т а

О чем ты? В речи смысл двойной бывает ли?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

940 Хотят истмийцы у себя владыкою
Его поставить,—так приговорили там.

И о к а с т а

Как! Старец Пóлиб там уже не властвует?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Нет, ибо смерть в могилу забрала его.

И о к а с т а

Что ты сказал? Так умер Пóлиб?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Если я

Сказал неправду, сам достоин смерть принять.

И о к а с т а

(*служанке*)

Служанка, поскорее побегу, зови
Сюда владыку! О богов пророчества,
Где вы? Боялся царь Эдип убить его
И прочь бежал; а ныне Пóлиб сам погиб
По воле рока, а не от его руки.

СЦЕНА III

Э д и п

(*входит, Иокасте*)

950

Иокаста, о супруга драгоценная,
Зачем меня обратно из дворца зовешь?

И о к а с т а

А вот: послушай и подумай, где они,
Твои святые божи вещания?

Э д и п

Кто он? О чем он хочет говорить со мной?

И о к а с т а

Он из Коринфа, с вестью, что родитель твой,
Царь Пóлиб, жизнь покинул, что скончался он.

Э д и п

(*Коринфскому гонцу*)

Что говоришь ты, гость? Но сам поведай мне.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Коль объявить я должен эту весть сперва,
Знай, что дорóгой мертвых он отправился.

Э д и п

960

Убит был? Иль, случайно заболев, погиб?

К о р и н ф с к и й г о н е ц
Немного нужно старцу, чтобы кончился.

Э д и п
Несчастный от болезни умер, видимо?

К о р и н ф с к и й г о н е ц
И оттого, что в лётах он преклонных был.

Э д и п
Увы! Увы! Зачем же свято чтить, жена,
Пифийский вещий жертвенник и птиц глагол
В поднёбесье, гласивших, будто должен я
Отца убить родного? Ныне мертвый он
Лежит в земле глубоко. Я же здесь, к мечу
970 Не прикасался,—разве что с тоски по мне
Старик скончался,—то есть от меня погиб.
Итак, забрав с собою прорицанья все,
В Аиде Пблиб,—а они лишь звук пустой.

И о к а с т а
Тебе давно об этом не твердила ль я?

Э д и п
Да, сказывала, только страх смущал меня.

И о к а с т а
Не принимай же к сердцу ничего теперь.

Э д и п
Но как мне не бояться брака с матерью?

И о к а с т а
Тому ль страшиться, кто под властью случая
Живет и не имеет сам предвиденья?
980 Всем надо наудачу жить, как может кто.
И с матерью уз брачных не страшись теперь.
Во сне видали многие, что будто бы
Спят с матерями. Эти сны, однако же,
Для них ничто, и после жизнь легко несут.

Э д и п
Прекрасно ты сказала, но в живых еще
Мать, и поскольку до сих пор жива, хоть ты
И говоришь прекрасно,—неизбежен страх.

И о к а с т а

Тебе великим утешеньем—гроб отцов.

Э д и п

Великим, правда,—но ее, живой, боюсь.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Какой, однако, вы боитесь женщины?

Э д и п

Меропы, старец, Пóлиба-царя жены.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Какую же внушает вам боязнь она?

Э д и п

Ужасное от бога предсказанье, гость...

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Сказать ты мог бы? Иль не след другому знать?

Э д и п

Изволь, скажу: когда-то был от Локсия
Мне глас, что разделю я ложе с матерью
И кровь отцову собственной рукой пролью.
Затем-то от Коринфа и живу вдали,
По доброй воле, и хотя я счастлив тут,
Родительские очи все ж милей всего.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

1000 И этого боясь, ты стал изгнанником?

Э д и п

Отцеубийцей не желая стать, старик.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Пожалуй, что от страха я тебя, о царь,—
Избавлю, раз явился добрым вестником.

Э д и п

И награжден ты будешь по достоинству.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Затем-то и пришел я, чтоб вернулся ты
Домой и оказал мне милость чем-нибудь.

Э д и п

Нет, никогда я не вернусь к родителям.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

О сын, не знаешь, видно, сам, что делаешь...

Э д и п

О чем ты, старец? Ради всех богов, скажи.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

1010 ...Из-за нее вернуться избегая в дом.

Э д и п

Боюсь, вещанья не сбылись бы Фебовы.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Не хочешь оскверниться ложем матери?

Э д и п

О да, почтенный, этого всегда страшусь.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

А знаешь ли,—по правде, твой напрасен страх.

Э д и п

Как нет, когда дитя я тех родителей?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

А так, что Пóлиб вовсе не в родстве с тобой.

Э д и п

Что говоришь? Рожден я не от Пóлиба?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Не более чем я, но ровно столько же.

Э д и п

[Но как же оказалось бы, что нет отца?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

1020 И все ж ни им, ни мною не рожден ты, царь.]

Э д и п

Но сыном почему ж он называл меня?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

А потому, что раньше сам бездетен был.

Э д и п

Из рук принявши чуждых, так любить он мог?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Узнай, что дар тот принял из моих он рук.

Э д и п

Меня, купив, ты отдал, или так найдя?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Нашел в ущельях Киферона, в заросли.

Э д и п

А странствовал зачем ты в этой местности?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Поставлен был я горные стада пасти.

Э д и п

Так пастухом бродячим был и в наймах жил?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

1030 Твоим в ту пору был я, сын,—спасителем.

Э д и п

А чем болел я, как в беде подобран был?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Тому суставы ног твоих свидетели.

Э д и п

Увы, зачем о старой поминать беде!

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Освободил ступни я просверленные.

Э д и п

[Едва с пленок, злой позор изведал я.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

И назван сообразно этой участи.]

Э д и п

О боги! Кто ж виновник? Мать? Отец? Скажи!

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Не знаю; лучше сведом тот, кто передал.

Э д и п

Ты от другого взял меня, не сам нашел?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

1040 Нет; но тебя мне передал другой пастух.

Э д и п

Кто он? Ты можешь и о нем поведать мне?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Слугой как будто он назвался Лаевым.

Э д и п

Не прежнего ли государя здешнего?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Как раз; он в волопасах у царя служил.

Э д и п

Еще он жив ли?—Увидать бы мне его.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Вам знать о том всех лучше, люди местные.

Э д и п

(Хору)

Из вас, из старцев, кто-нибудь осведомлен

О волопасе, о котором молвил он?

И кто в деревне или здесь видал его,

1050 Пусть скажет, ибо дело нам раскрыть пора.

К о р и ф е й

Да он тот самый деревенский, думаю,

Которого ты видеть так желал. Но всех

Скорей Иокаста рассказать могла б тебе.

Э д и п

(Иокасте)

Жена, не полагаешь, что пастух, за кем

Послали мы,—тот самый, им помянутый?

И о к а с т а

Кто тот? О нет, не обращай внимания.

Пустых не слушай слов, не вспоминай о них.

Э д и п

Того не будет, чтоб с такой уликою

Я своего рожденья не раскрыл теперь.

1060 И о к а с т а
Молю богами! Если жизнь мила тебе,
Не домогайся; и моих довольно мук.

Э д и п
Мужайся. Если даже я рабыни внук,
Раб трижды, ты незнатной не окажешься.

И о к а с т а
Меня послушай и не делай этого.

Э д и п
Меня не убедишь ты—всё разведая.

И о к а с т а
Но, зная дело, лучший я совет даю.

Э д и п
Меня давно уж мучит это «лучшее».

И о к а с т а
Несчастный! Если б ввек ты не узнал, кто ты!

Э д и п
(телохранителям)
1070 Сейчас же приведите волопаса мне.
Ее ж оставьте веселиться знатностью.

И о к а с т а
Увы! Увы! Злосчастный!.. Лишь одно могу
Тебе сказать... Иного ввек не выскажу...
(Уходит.)

СЦЕНА IV

К о р и ф е й
Что ж удалилась, о Эдип, жена твоя,
Жестокою гонима скорбью? Страшно мне,
Бедой не разразилось бы молчание!

Э д и п
1080 Пусть разразится чем угодно. Я ж свое—
Хотя б и низко было—семя знать хочу.
Она гордится—все тщеславны женщины,—
Позорного рожденья моего стыдятся.
А я—сын счастья, мне добро дарившего,—
И не боюсь ничем быть обесчещенным.
Так вот кто мать мне. Месяцы—отцы мои—
Меня и малым и великим сделали.
Взращенный ими, стать уж не могу теперь
Иным и должен о своем рожденье знать.

СТАСИМ III

СТРОФА

Ежели я—прорицатель,
Ежель вещей дух во мне—
Горним клянуся Олимпом!—
Киферон: услышишь,—завтра
1090 Станем в полнолуние
Славить тебя, ибо подлинно
Ты Эдипа
Край родной и мать и пестун!
Станем славить хороводом,—
Ибо принес ты отраду
В дом царей Фиванских.
О Феб-Милостивец, тебе честь!
Ты ее приемли!

АНТИСТРОФА

Какая ж тебя родила, младенец,
Из живущих долго дев?
1100 Пана ль, отца-гороходца,
Подпустила, иль меж ними
Взял супругу Локсий,
Которому любы пустынные
Кручи гор?
Повелитель ли Киллены,
Или Вахх, на диких высях
Гор обитающий, принял
В дар тебя—ребенка—
От нимф Геликона, с которыми
Всех чаще игры правит?

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Э д и п

(Хору)

1110 Коль должно мне—ни разу не встречавшись с ним—
Догадываться, старцы,—вижу; вон пастух,
Которого мы долго ждали.

(Указывая на Коринфского гонца.)

Старостью

Глубокой с ним он равен, с ним одних он лет,
А в провожатых признаю как будто бы
Я слуг своих,—точнее можешь ты сказать,
Пожалуй, ибо видел пастуха не раз.

К о р и ф е й

Не сомневайся, ибо если был пастух
У Лая верный, так вот этот именно.

Э д и п

(Коринфскому гонцу)

1200 Тебя я первым спрашиваю, коринфский гость,
О нем ли говорил ты?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Да, не иначе.

(Входит пастух, ведомый двумя слугами.)

Э д и п

(пастуху)

Эй, старец, отвечай же, мне в глаза смотря,
На все. Принадлежал ты Лаю некогда?

П а с т у х

Был раб ему, но куплен не был, в доме рос.

Э д и п

Каким ты занимался ремеслом, чем жил?

П а с т у х

Я большую часть жизни со скотом ходил.

Э д и п

Ну, а в каких же чаще ты местах жил?

П а с т у х

На Кифероне и его окрестностях.

Э д и п

(указывая на Коринфского гонца)

Его ты знаешь? С ним знаком ты не был ли?

П а с т у х

А что он делал? И о ком ты речь ведешь?

Э д и п

1130 О том, кто пред тобою. Ты встречался с ним?

П а с т у х

Не столько, чтобы тотчас же припомнить мог.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

В том нету чуда, государь. Но ясно все
Непомнящего я заставлю вспомнить. Он,
Поверь мне, знает, как по Киферону мы
Бродили: он два стада пас, а я тогда
Одно, неподалеку три подряд, с весны
И до Арктура, летних полугодия.
Зимой же угонял я с гор свои стада
В хлева, а он на Лаев скотный двор—свой.
Так говорю я, было то иль нё было?

1140

П а с т у х

Сказал ты правду,—хоть прошло немало лет.

К о р и н ф с к и й г о н е ц

Теперь скажи-ка: помнишь, ты мне пёредал
Дитя, чтоб воспитал я, как свое, его?

П а с т у х

В чем дело? Для чего бы это спрашивать?

К о р и н ф с к и й г о н е ц

(указывая на Эдипа)

Вот он, дружище, кто тогда малюткой был.

П а с т у х

Пропасть тебе на месте! Замолчишь ли ты?

Э д и п

Ах, на него ты, старец, не бранись, затем
Что речь твоя достойна брани более.

П а с т у х

Чем, о почтенный господин, повинен я?

Э д и п

1150

Тем, что умалчиваешь о дитяти том.

П а с т у х

Что говорит,—не знает; зря лишь трудится.

Э д и п

Добром не хочешь, так под плетью выскажешь.

П а с т у х

Нет, ради бога, старого не бей меня!

Э д и п

(телохранителям)

Связать ему сейчас же руки за спину!

П а с т у х

О я, злосчастный! Что узнать желаешь ты?

Э д и п

Того младенца ты передавал ему?

П а с т у х

Передавал... Уж лучше б я погиб в тот день!..

Э д и п

Того добьешься, коль не скажешь правды мне.

П а с т у х

О нет,—тебе ответив, я верней погиб...

Э д и п

(телохранителям)

1160

Он, как я вижу, увильнуть пытается!

П а с т у х

Да нет! Сказал ведь, что когда-то передал.

Э д и п

А взял откуда? Свой был или чей-нибудь?

П а с т у х

Не свой... Я от другого получил его.

Э д и п

А из какого дома? От кого из них?

П а с т у х

Ради богов, владыка, прекрати расспрос!

Э д и п

Погиб ты, коль заставишь еще раз спросить!

П а с т у х

Ну, знай, что был он домочадцем Лаевым.

Э д и п

Был из рабов он или царский родственник?

П а с т у х

Увы, придется мне весь ужас высказать...

Э д и п

1170 А мне—услышать... Все ж я должен выслушать.

П а с т у х

Его ребенком назывался он. Но, царь,
Та, в доме, лучше разъяснит,—жена твоя.

Э д и п

Тебе младенца, значит, отдала она?

П а с т у х

Да, царь.

Э д и п

Зачем?

П а с т у х

Велела умертвить его.

Э д и п

Злосчастная! Мать—сына!..

П а с т у х

Предвещаний злых

Страшась.

Э д и п

Каких?

П а с т у х

Был голос, что отца убьет.

Э д и п

Так как же дал его ты старцу этому?

П а с т у х

1180 Из жалости, владыка. Думал: в дальний край
Его снесет, откуда сам. Но спас его
Для бедствий я великих; ибо если ты—
Тот самый мальчик, знай: рожден ты бедственным!

Э д и п

Увы! Увы! Все явственно к концу течет...
О свет, да узрю я тебя в последний раз!
Рожден я теми—кем не должно; плòтски жил
С той—с кем не должно, и, кого нельзя,—убил...

(Покрывает голову плащом и уходит.)

СТАСИМ IV

Х о р

СТРОФА 1

И-о! Человеков род,
Люди смертные! Вы—ничто
Все, доколе вы живы.
Кто, о кто из людей достиг
Счастья прочного? Нет, себя
1190 Он счастливым взомнит едва —
И, взомнив, пропадает.
Вот пред нами и твой пример.
Рок твой ныне познав, скажу:
О Эдип злополучный! Нет
Между смертных—блаженных.

АНТИСТРОФА 1

Сколь он выстрелил метко в цель,
Счастьем всем овладеть сумел,
Он коггистую деву
Тайнопевную смог, о Зевс,
Уничтожить! Против смертей
1200 Для моей он родной страны
Встал надежной твердыней!
С той зовешься поры у нас
Государем и выше всех
Был оказан тебе почет,
Фив великих властитель!

СТРОФА 2

А ныне есть ли кто несчастней меж людей?
Кто больше связан пагубой жестоких мук,
Наследьем прежних дней своих?
И-о! Достолавный наш Эдип!
Принят был одной
Пристанью любви
1210 Вслед отцу и сын,
Чтобы, в брак вступив, пропасть.
Как же могла терпеть тебя
Столько доньше долгих лет
Нива отца—о несчастный!—молча?

АНТИСТРОФА 2

Тебя настигло время, видящее все.
И суд вершит над тобой за горький брак,
Затем, что ты—отец и сын.
И-о! Если б, Лаево дитя,
Мне вовек, вовек
Не видать тебя!
Ибо вот скорблю
Я безмерно, и кричат

1220

В горе уста! Свершилось так:
Я чрез тебя вздохнул легко,
И чрез тебя мрак покрыл мне очи!

ЭКСОД

СЦЕНА I

Д о м о ч а д е ц

О вы, всех боле в нашем крае чтимые,
Что услышать придется вам, увидеть что!
И как вопить начнете, если древняя
Еще к семье Лабдака есть в вас преданность!
Я думаю, не смогут Истр и Фасис дом
Его, омыв, очистить,—столь в нем много зол
Таится (скоро новые объявятся!)
1230 И вольных и невольных. Из страданий же
Всех горше—добровольно понесенные.

К о р и ф е й

Нет ничего тяжелее бед, которые
Уже мы знаем. Но о чем ты молвишь им?

Д о м о ч а д е ц

Увы, недолго вымолвить и выслушать
Весть: умерла Иокаста богоравная.

К о р и ф е й

О бедственная! Что ж тому причиною?

Д о м о ч а д е ц

Сама себе причиной. Все же скорбь твоя
Не может быть столь сильной: сам не видел ты.
А у меня все это живо в памяти.
1240 Узнай же, как страдала злополучная.
Когда вошла, объята исступленьем, внутрь
Сеней,—к постели брачной тотчас ринулась,
Двумя руками вырывая волосы.
И дверь захлопнув,—лишь войти успела внутрь—
Супруга стала звать давно умершего,
Упомянув сына их проклятого,
Кем Лай убит был—и досталась сыну мать
Родному для рождений слишком горестных.
И над двубрачным ложем, выла, бедная,
1250 Где муж рожден от мужа и от сына сын.
И вот она погибла, но не знаю, как.

4*

Затем, что с воплем ворвался Эдип, и я
Следить не мог уж за ее мученьями,
Но на него смотрел я, как метался он.
Шатаясь, меч просил он дать,—настичь стремясь
Супругу-несупругу, ниву с семенем
Двояким,—мать родную, мать детей его.
Метался он, неистов,—видно, бог ему
1260 Казал дорогу, но никто из бывших там.
И с диким криком, словно бы ведомый чем,
На дверь двустворчатую налетел, и ось
Из гнезд исторгнул и вломился в комнату.
И там повесившейся увидали мы
Жену,—она качалась в петле скрученной.
И так ее он видит. И несчастный, взыв,
Веревку раскрутил он. Злополучная
Упала наземь. После—дело страшное!—
Сорвав с одежды царственной убор ее,
1270 Он златокованную пряжку поднял вдруг
И стал вонзять [во впадины очей своих,
И восклицал, что ни его не должно им
Впредь видеть, ни страданий, ни свершенных зол,
Но в мраке до скончанья дней зреть тех, кого
Не должно, а желанных не видеть вовек.
Так, убиваясь, он не раз, но много раз
Разил свои глазницы,] и на бороду
Из глаз его струилась кровь, стекала же
Не каплями густыми, но один сплошной
Кровавый черный ливень орошал ее.
1280 [Тому причина—двое; из-за двух беда,
Что над женой и мужем приключилася.]
Поистине, им счастье минувшее
Завидным было счастьем. На сегодня же—
Стенанье, гибель, смерть, позор, все бедствия,
Какие есть на свете,—все собрались вдруг.

К о р и ф е й

А что теперь с несчастным, он пришел в себя?

Д о м о ч а д е ц

Кричит, чтоб дверь открыли и кадмейцам всем
Отцеубийцу показали тотчас же,
Который мать... бесстыдных слов не вымолвлю...
1290 Что сам себя изгонит из страны, что жить
Не будет дома, проклят, сам себя прокляв...
Но в помощи, конечно, в провожатом он
Нуждается. Страдает он превыше сил.
Сейчас тебе покажут. Вот дверей засов
Отодвигают, и увидишь зрелище
Такое, что врага, и то разжалобит.

СЦЕНА II

КОММОС

(Из дворца выходит ослепивший себя Эдип.)

ВСТУПЛЕНИЕ

К о р и ф е й

1300 О, страшно взирать на страдания людей!
О, страшнейшее ты из страданий, что мне
Приводилось встречать! О несчастный, каким
Ты безумьем объят? И какой наскочил
Превеликий меж духов свирепым прыжком
На твою злополучную долю?
[Но, увы, горемычный,]
Смотреть на тебя
Не могу, хоть желаю [о многом спросить,
И о многом узнать, и о многом пытаться,]—
Такой ты внушаешь мне трепет!

Э д и п

1310 Ай! Ай! Ай! Ай! О несчастнейший я!
Горемычного в землю какую ведут?
Мой уносится голос куда?
Дух, куда я тобою повергнут?

К о р и ф е й

В невиданное, в страшное, что свыше сил.

СТРОФА I

Э д и п

Что туча,—мрак...
И-о! Ужас мой невыразим для уст,
Неодолима тьма непроницаемая!
О горе мне!
О горе дважды! Как меня язвит—увы!—
И этих ран боль жгучая, и память бед.

К о р и ф е й

1320 В том нету чуда, что в таких страданиях
Вдвойне горюешь, о беде вдвойне крича.

АНТИСТРОФА I

Э д и п

И-о, мой друг!
Один близкий ты остался мне слуга
Со мной, здесь еще,—ты пожалел слепца!
Увы! Увы!
Ты скрыт не вовсе от меня, и явственно,
Хотя и темен, узнаю я голос твой.

К о р и ф е й

О ты, свершивший ужас! Как решиться мог
Ты загасить зеницы? Дух внушил какой?

СТРОФА 2

Э д и п

1330 Так Аполлон велел, сам Аполлон, друзья!
Мои беды бед он завершил сполна!
Никто мне глаз не поражал, — несчастный саморучно я.
На что мне смотреть,
Когда ничто уж для очей не сладостно?

К о р и ф е й

И было так, как молвишь ты?

Э д и п

1340 На что еще мне взирать?
Что любить, кому дарить
Привет? Кого
Слушать с радостью, друзья?
Вы уведите прочь меня, прочь скорей!
Вы уведите прочь, друзья, этот срам,
Меня, проклятого и ненавистнейшего
Среди людей — богам!

К о р и ф е й

О, жалкий равно от ума и бедствия!
Как я желал бы сроду не звать тебя!

АНТИСТРОФА 2

Э д и п

1350 О, сгинь тот навек, кто снял с ног моих
На пастбище ремни тугих пут, от мук
Освободил меня и спас, — не на веселье мне, увы!
Умри я тогда,
Родным и мне такого горя не было б!

К о р и ф е й

И я того же чаял бы.

Э д и п

1360 Сюда бы не пришел убить
Отца, и не могли б меня
Звать мужем той,
От которой я рожден.
Теперь, бога чужд, преступницы дитя,
Делил ложе с ней, рожден ею сам.
О, если на земле есть зло горше зла,
Вкусил все Эдип.

К о р и ф е й

Не знаю, похвалить ли мне поступок твой!
Но лучше не родиться, чем слепому жить.

СЦЕНА III

Э д и п

(Корифею)

1370 О том, что сделал я не наилучшее,
Ты не тверди мне, перестань советовать.
Не знаю сам, глазами я какими бы
К Аиду снидя, стал отцу смотреть в лицо
Иль матери несчастной, коль пред ними я
Виновен так, что мало быть повешенным!
Ужели был бы и детей желанен вид—
Рожденных, как родились,—для очей моих?
Конечно, взор мой этого не вынес бы.
Или столица, башни, изваяния
1380 Богов святые, коих, несчастливцев, я,
Знатнейший между всеми, в Фивах жившими,
Себя лишил, сам приказав гнать всякого
Безбожника, в ком явит от богов глагол
Нам нечестивца и страны сквернителя?
Пятно такое на себе заметивши,
Как мог бы там я прямо им в глаза смотреть?
О нет! И если б только мог я, слышащий,
Источник слуха преградить, наверное
Ему закрыл бы доступ в плоть несчастную,
1390 Чтобы, слепому, ничего не слышать. Жить,
Не сознавая бедствий,—вот что сладостно.
И-о! Киферон! Воспринял ты зачем меня
Иль не убил тотчас же, чтоб явиться здесь
Не мог я людям, от которых жизнь обрел.
О Пóлиб, о Коринф, о кров отеческий,—
Так все воображал я! И какую же
В красе наружной язву возрастили вы!
[Затем, что ныне злой я и от злых зачат.]
О три дороги, и ущелье скрытое,
1400 [Дубовый бор и узких трех путей проход,]
Вы, что испили кровь мою горячую,—
Ее своей рукой я пролил—помните ль,
Дела какие я свершил у вас; придя,
И по приходе, продолжал. О брак двойной!
Меня и породил ты и, родив, опять
Воспринял то же семя, от которого—
Отцы, сыны и братья—кровь родимая,
Невесты, жены, матери—позорнее
Не происходит дела между смертными.

1410 Однако ж речь не должно о срамных делах
Вести, молю богами! Поскорей меня
[Сокройте иль убейте, или за море]
Навек отправьте, чтоб меня не видели.
Приблизьтесь, удостойте вы несчастного
Прикосновеньем, не страшитесь; бед моих
Никто снести не в силах,—только я один.

К о р и ф е й

Но вот идет в час добрый наш Креонт—твой
Исполнить просьбы и совет подать, затем,
Что он один остался ныне град блюсти.

(Входит в царском облачении Креонт.)

СЦЕНА IV

Э д и п

1420 Увы, с какою ж речью обращаюсь к нему?
Как ждать доверья мне и справедливости,—
Мне, что недавно поступал так дурно с ним?

К р е о н т

Не насмехаться я, Эдип, пришел сюда,
Не за обиду укорять недавнюю.

(Хору.)

Но, если вам не стыдно рода смертного,
Так Гелия владыку, жизнь дарующий
Огонь, уважьте,—грех такой возможно ли
Показывать открыто! Грех, которого
Земля не примет, ни священный дождь, ни свет!
1430 Вы поскорее отведите в дом его,
Затем, что родственников горе ближним лишь
Родным внимать и видеть позволительно.

Э д и п

Ради богов, раз ты отвел боязнь мою,
Прекраснейшим явившись мне, гнуснейшему,
О внемли, о тебе я, не о себе пекусь.

(Кормилица выводит Антигону и Исмену.)

К р е о н т

[Какой услуги молишь так настойчиво?

Э д и п

Скорей как можно изгони туда меня,
Где я привета от людей не слышал бы.

К р е о н т

Знай, так я поступил бы, если б ранее
Узнать от бога не желал, что́ делать нам.

Э д и п

1440 Но несомненен был глагол: «Карать его—
Отцеубийцу, нечестивца—гибелью».

К р е о н т

Такое было слово, все ж наставиться
При затрудненье лучше, как нам действовать.

Э д и п

И о таком несчастном бога спрашивать?

К р е о н т

И ты поверить божеству готов теперь.

Э д и п

Тебе же поручаю и молю тебя:]
Той, что в дому, любое погребение
Устрой. Исполнишь этим долг свой родственный.
1450 А мне пусть не окажет чести град родной
Тем, чтобы впредь при жизни пребывал я в нем.
Позволь уйти мне в горы, на Кифероне жить
Моем, который мне живому мать с отцом
Законною могилой предназначили,—
Пусть, где меня желали погубить, умру.
Но твердо знаю, что не умертвит меня
Недуг, ни что иное: умиравший, я
Спасен бы не был, если б не для страшных бед.
Но как идет, так пусть идет судьба моя...
1460 О старших детях, о моих сынах, Креонт,
Не прилагай заботы,—возросли они.
Теперь нигде не будет недостатка им.
Но о моих несчастных, бедных девочках,
Которым никогда-то для трапéзы стол
Не ставился отдельно от отца, но все,
К чему я прикасался, их в том часть была,—
О них заботься, для меня. Позволь теперь
Мне прикоснуться к ним и горе выплакать.
Дозволь, о царь!
Дозволь, о благородный! К ним притронувшись,
1470 Я их сочту своими, словно зряч еще.
Что говорю?
Клянусь богами. Разве я не слышу, вот—
Мои рыдают милые. Ко мне Креонт
Их вывел—два мне самых милых детища.
Так говорю?

Креонт

Да, так. Тебе я предоставил с ними быть,
Поняв, как ты отрады этой ждешь, Эдип.
(Кормилица с Антигоною и Исменою подходит к Эдипу.)

Эдип

О будь благословенным и в путях своих
Храним будь лучшим духом, нежелъ я храним!
1480 О дети, где вы? Подойдите, ближе, так;
Рук братниных коснитесь, чьей виною вы
Родителя такими ныне видите
Блоставшие когда-то очи—взор отца,—
Который, и не видя и не ведаю,
От той, кем сам был порожден, и вас родил.
О вас я плачу: не могу взглянуть на вас,
Едва остаток горестных представлю дней,
Которые придется вам с людьми прожить.
1490 И с кем из граждан вам сидеть на сборищах?
Где празднества, откуда возвратитесь вы
Домой не с плачем вместо ликования?
Когда ж вы обе в возраст брачный вступите,
О, кто в ту пору согласится, дочери,
Принять позор тот на себя, которым я
И вас отметил и детей, сужденных вам?
Каких недостает вам бед еще? Отец
Отца убил; любил он мать, которая
Его родила, от нее ж впоследствии
Вас приобрел он, ею же зачатый сам.
1500 Так будут укорять вас. Кто ж присвагает?
Такого не найдется, и, наверное,
Безбрачными, сироты, вы увянете.
Сын Менекея! Как один остался ты
Отец у них, затем что мы—родители—
Погибли оба, их не допусти блуждать
Без мужа, нищих и без крова по свету,
Моим не сделай их несчастья равными.
Их пожалей, столь юных; ничего у них
Нет более; им в помощь ныне ты один.
1510 Дай клятву, благородный, и рукой коснись!

(Креонт подает ему руку; к Антигоне и Исмене.)

А вам, о дети, будь вы зрелы разумом,
Советов дал бы много. Но желаю вам
Жить, как судьба позволит. И чтоб в будущем
Вам жизнь досталась лучше, чем отцовская.

(Обнимает дочерей, прощается с Креонтом и Корифеем.
Пастух подает ему посох. Эдип кладет ему руку на плечо
и, шаря посохом, уходит во дворец.)

К р е о н т

[Полно исходить слезами, удалися во дворец!

Э д и п

Повинуюсь, хоть несладко.

К р е о н т

Все, что в пору,—хорошо.

Э д и п

А мое условие знаешь?

К р е о н т

Говори. Узнаю, вняв.

Э д и п

Изгони меня из края.

К р е о н т

Нужен бога приговёр.

Э д и п

Но богам я ненавистен!

К р е о н т

Тем скорей свершится он.

Э д и п

1520 Вправду так?

К р е о н т

Чего не знаю, не люблю о том речей.

Э д и п

Уведи ж меня отсюда!

К р е о н т

(указывая на Антигону и Исмену)

Уходи, но их оставь.

Э д и п

У меня не отнимай их!

К р е о н т

Не желай же всем владеть.

Чем владел ты, за тобою в жизни следом не пойдет.]

Х о р

О насельцы Фив родимых! Посмотрите: вот Эдип,
Разрешитель тех загадок и властительнейший муж,
Тот, на чей удел, бывало, каждый с завистью глядел, —
В сколь ужасную пучину он несчастья упал!
Так, нам, смертным, вечно помня о последнем нашем
дне,

Никого считать не должно за счастливец, если он
1530 Не прейдет порога жизни, не изведав в ней беды.

(Все уходят.)

ЭДИИ В КОЛОНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдип, бывший царь Фив, слепец

Антигона }
Исмена } его дети

Полиник

Фесея, царь Афин

Креонт, вельможа, шурина Эдипа

Страж колонский

Слуга Исмены

Хор колонцев

Телохранители Фесея, телохранители Креонта.

Действие происходит в Колоне—селенье возле Афин.

ПРОЛОГ

СЦЕНА I

(Входят слепец-Эдип и ведущая его Антигона.)

Э д и п

Дитя слепого старца, Антигона, в край
Какой пришли мы ныне, в град каких людей?
И кто-то здесь Эдипа бесприютного
Сегодня скудным встретит подаянием?
Он о немногом молит, меньше малого
Сбирает; но и этим удовольствован.
К терпению приучен я страданиями
И долгим веком и природной доблестью.
Но, о дитя, коль видишь где седалище
В неогражденной роще иль в божественной,
10 Останови и дай мне сесть. Пора бы нам
Узнать, где мы. Нам, чужестранцам, следует
Спросить у граждан и, узнав, исполнить все.

А н т и г о н а

Эдип, отец злосчастный, стены города,
Насколько видно глазу, далеки еще.
А место свято, несомненно: много в нем
Маслины, лавра, винограда; сладостно
Бесчисленные соловьи поют в ветвях.
20 Склонись на этот камень необтесанный;
Для старца слишком долгий совершил ты путь.

Э д и п

Так посади же и берегай слепца.

А н т и г о н а

Я к этому привыкла, мне не в первый раз.

(Усаживает Эдипа на обломок скалы.)

Э д и п

Но пояснишь ли, где остановились мы?

А н т и г о н а

Афины вижу, но не знаю местности.

Э д и п

Нам то же говорили ведь и путники.

А н т и г о н а

Но что это за местность, не разведать ли?

Э д и п

Да, ежели и вправду обитаема.

А н т и г о н а

Здесь явно обитают; нужды нет итти, —
Неподалеку вижу человека я.

Э д и п

30 Скажи мне, он подходит? К нам сюда спешит?

(Входит колонский страж.)

А н т и г о н а

Стоит уж рядом; все, что ты сказать теперь
Находишь нужным, говори, — он здесь уже.

СЦЕНА II

Э д и п

(стражу)

О чужеземец, слыша от нее — она
Ведь за обоих видит, — что разведчиком
Подходишь кстати и поведать можешь нам...

С т р а ж

(прерывая Эдипа)

Но прежде, нежели спрашивать, сойти изволь
И место нечестиво поспирать не смей.

Э д и п

Что здесь за место? Бог какой владеет им?

С т р а ж

40 И заповедно и необитаемо:
Богинь ужасных, тех Земли и Мрака Дев.

Э д и п

Но чье честное имя я призвать бы мог?

С т р а ж

Их здесь всевидящими Евменидами
Зовут народ, в иных же странах—иначе.

Э д и п

(простирая руки в сторону рощи)

Пусть—милостивы—примут умолителя,—
Уж не сойду я с этого седалища.

С т р а ж

Что это значит?

Э д и п

Разрешился жребий мой.

С т р а ж

Тебя без граждан выгнать не решаюсь я,
Пока не развзную, как мне действовать.

Э д и п

50 Молю богами, странника несчастного
Не презри, чужеземец, но ответь ему.

С т р а ж

Откройся, и не буду презирать тебя.

Э д и п

Но что ж это за местность, где находимся?

С т р а ж

60 В чем сам я сведом, то узнаешь, выслушав.
Все место свято. Посейдон владеет им
Честной, еще же древний Прометей-Титан,
Бог-огненосец. Место, где ступаешь ты,
У нас Порогом Медным именуется,—
Афин твердыня. А поля соседние
Гордятся, что когда-то их прапрадедом
Колон был конник,—имя носим в честь его

Мы общее—все равню именованы.
Вот каково, о странник, место,—чтимое
Не по преданьям, а в святом общении.

Э д и п

И в этом месте проживает кто-нибудь?

С т р а ж

Само собою,—бога соименники.

Э д и п

Кто-либо правит, иль за большинством вся власть?

С т р а ж

Царем в столице местность управляется.

Э д и п

Но кто ж тут словом властен и могуществен?

С т р а ж

Фесей, Эгея сын, царя покойного.

Э д и п

70 А кто-нибудь не сходит посланцом к нему?

С т р а ж

Зачем? Сказать иль сделать так, чтоб прибыл он?

Э д и п

Чтоб, помогая в малом, много выгадать.

С т р а ж

Какая же помога от незрячего?

Э д и п

Хоть я и слеп, но зрячей будет речь моя.

С т р а ж

Ты знаешь, странник?.. Чтоб не впасть в беду, тебе...

(Ты, видно, благороден, хоть и бедствуешь)

Тут подожди, где появился; я, меж тем,

Не горожанам, лучше землякам своим

Пойду скажу об этом, и они решат,

Тебе здесь оставаться или прочь итти.

80

(Уходит.)

СЦЕНА III

Э д и п

Дитя, что чужеземец—отошел от нас?

А н т и г о н а

Да, отошел,—спокойно обо всем, отец,
Нам говорить возможно, я одна вблизи.

*(Встает и, молитвенно воздевая руки, обращается
в сторону рощи.)*

Э д и п

Владычицы со взором грозным! Ежели
У вас у первых ныне преклонился я,
Не будьте к Фебу и ко мне суровыми!—
То он, предрекши мне страданий множество,
Об этом упокое мне вещал: что в край
90 Придя последний, через долгий срок, займу
Честных богинь сиденье—место странничье,—
Что здесь окончу жизнь свою злосчастную—
На пользу тем, кто примет, и на пагубу
Тем, кто, отвергнув, выгонит пришедшего.
И знамения будут;—мне объявлены:
Землетрясение, гром и божья молния.
Отныне знаю, что путем единственным
Не иначе, как верным вашим промыслом,
Я в эту рощу приведен. Вовеки вас
100 Не повстречал бы первых на пути своем,
Я, трезвый,—вас, бесхмельных,—и не сел бы здесь,
На заповедном камне необтесанном.
Здесь мне, богини,—как то Аполлон вещал—
Кончину дайте,—жизни разрешение,
Коли достойным не кажусь вам меньшего,
Я, несший бремя тяжелей, чем люди все.
О сладостные чада Мрака древнего!
И вы, чье имя от Паллады велией,
Афины, между всеми досточтимый град!
110 Вы сжальтесь над несчастным этим призраком
Эдипа-мужа. Ибо я—не прѣжний я.

А н т и г о н а

Молчи. Сюда подходят люди некие,
Почтенные летами,—где сидишь, узнать.

Э д и п

Молчать я буду, только уведи меня
С пути и скрой в дубраве, чтоб узнать я мог,

Что́ будет говоритья, —ибо зная лишь,
В своих поступках будем осматрительны.
(Скрываются оба в роще.)

ПАРОД

СТРОФА 1

Х о р

Смотри! Кто ж тут был? Где же он?
Тот, что вот с этого места скрылся, —
120 Он, из смертных всех самый наглый муж?
Разведай, сыщи его,
Кругом погляди везде!—
Странник, странник, некий старец, и притом
Чужой, —свой не войдет сюда,
В недоступную рощу дев
Необоримых, которых нам
130 Именовать грешно—
Мимо которых мы,
Не подымая глаз, молча здесь идем,
Благоговейную мысль храня
В устах... Ныне же некий муж,
Говорят, вошел, нечестивый!.. Весь
Озирая участок святой, не могу
Распознать, где же он пребывает?

СИСТЕМА I

Э д и п

Вот я: вижу по голосу, —как у людей
Поговорка гласит.

Х о р

140

И-о! И-о!

Ужасно видеть, ужасно внимать!

Э д и п

Святотатцем, молю, не сочтите меня!

Х о р

Зевс-Защитник! Да кто же он, этот старик?

Э д и п

Зная долю мою; не сочли бы меня
За счастливец, блюстители здешней земли.
То и ясно; затем, что не стал бы брести
При чужих я очах
И не влекся б за слабыми, сильный.

АНТИСТРОФА I

Х о р

150 Э! Э!.. Слепорожденным ли ты
Сроду был? Что-то не верю я,—
О ты, скорбный век, долгий живший век!
Но все ж по моей вине
Ты своих не умножишь мук.
Бредешь, знай бредешь... А под безмолвный кров
Рощи богинь входить нельзя,
Где обильно растет трава,
160 Полн водою кратер и мед
Смешан с ее струей.
Страдалец-чуженин!
Страшись! Выйди вон! Прочь ступай! О пусть
Длинный путь ты свершил до них.
Слышишь, многострадальный странник?
Если хочешь беседы со мною, сойди
С места свята и там, где обычай велит,
Говори, а покамест немотствуй...

СИСТЕМА II

Э д и п

170 Дочь, к чему же заботу теперь приложить?

А н т и г о н а

О отец, удовлетворить граждан вполне
Надо нам, уступая и слушая их.

Э д и п

Прикоснись же ко мне.

А н т и г о н а

Вот уже я взялась.

(Поддерживает его.)

Э д и п

Чужеземцы, но вы не обидьте меня,
Если, вам я поверив, сейчас же сойду.

Х о р

Нет, отсюда тебя никогда и никто,
О старец, не сгонит насильно.

(Эдип сходит со своего места).

СТРОФА 2

Э д и п

(продвигаясь вперед)

Еще?

Х о р

Подвигайся же дальше.

Э д и п

(продвигаясь дальше)

180

Еще?

Х о р

Веди его вперед,
Дева. Ты видишь путь.

А н т и г о н а

(продолжает вести Эдипа).

<| ~ | ~ | ~ |>

Э д и п

(отходит вместе с нею ст Медного Порога)

< ~ | ~ | >

А н т и г о н а

<| ~ | ~ | ~ |>

Следуй, следуй слепой стопой,
Отец, куда поведу я тебя.

Э д и п

<О, о злосчастнейший я!>

(Отходит дальше).

Х о р

Ты, чужак, на чужой земле,
О терпеливец, терпи: наш град
Бежит людей бездружных, чья
Тех, кто богат друзьями.

СИСТЕМА III

Э д и п

Так веди же, дитя,
Туда, где, храня благочестие, мы
И сами могли б говорить, и внимать,
И в борьбу не вступать с неизбежным.

190

(Антигона отводит Эдипа к каменной ступени.)

70

Х о р

Сюда. Не далее каменной той
Ступени стопы направляй ты.

АНТИСТРОФА 2

Э д и п

Вот так?

Х о р

Хорошо,—ты слышишь?

Э д и п

Сесть?

Х о р

В стороне, где камня край,
Рядом, там вон, присядь.

А н т и г о н а

Мне, отец, предоставь. Спокойно...

Э д и п

Увы!.. Увы!..

А н т и г о н а

200

...к ступени ступню приладь,
Дряхлым телом ко мне склонись.
Вот родная моя рука!

Э д и п

Увы! Мой грех безрассудный!

Х о р

Коль уступил, терпеливец, ты,
Сам скажи, кто родил тебя?
Чем, многострадный, ты гоним?
Что про отчизну молвишь?

ЭПОД

Э д и п

Изгнан я, но...

Х о р

Замалчиваешь ты...

Э д и п

210

Нет, нет... Не домогайся, кто я!..
Нет, не спрашивай!..

Х о р

Кто ж ты?

Э д и п
Род страшен...

Х о р
Все сказывай.

Э д и п
(Антигоне)

О, увы, как мне теперь быть?

Х о р
От чьего семени ты,
Чуженин? Чей по отцу?

Э д и п
Ждут нас страданья, дитяtko мое.

А н т и г о н а
Говори,—до предела дошел ты.

Э д и п
Да, отвечу,—не в силах я больше скрывать.

Х о р
Долго медлишь ты, поторопись же!

Э д и п
220 Лая знаком ли вам сын?..

Х о р
Увы! Увы!

Э д и п
...порожденье Лабдаково?

Х о р
О Зевс!

Э д и п
Тот злополучный Эдип?..

Х о р.
Так это ты?

Э д и п
Слов моих не страшитесь нимало.

Х о р
О, о!..

Э д и п

Горемычный...

Х о р

О! О! О!

Э д и п

О дитя, что же станется с нами теперь?

Х о р

Вón идите подальше из нашей страны!

Э д и п

Но где же твое обещанье?

Х о р

230 Рок никогда не карает отмстителя,
Если отмстит он за то, что испытано;
Если ж обманом обман умножается,
Горе, не радость,—возмездье обманщику.
Стало быть, место оставив священное,
Выйди из этого края немедленно,
Чтобы на город мой
Не мог ты впредь навлечь беды.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

А н т и г о н а

(Песня со сцены.)

[О сострадательные
Чужестранцы! Если
Вы моего отца—
240 Старца терпеть не смогли,
Слыша рассказ о делах невольных,—
Ради хоть горькой меня умоляю вас—
О чужестранцы!—Пожалейте!
За горемыку-отца умоляю я,
Я умоляю, смотря неослепшими
В очи очами тебе, будто вашу
Кровью рожденная: пусть сострадание
Бедный узнает!.. На вас, как на бога, ведь
Мы уповаем,—кивните же, дайте нам
Милости знак нежданный!
Всем, что любезно тебе, умоляю я:
250 [Чадом, супругой, имуществом, даймоном!]
Ибо никто не видал, чтобы смертные,—
Коль гонит бог,
Избегали бедствий...

К о р и ф е й

Но знай, дитя Эдипа, что тебя равно,
Как и его, нам жалко, — в ваших бедствиях;
Боясь богов, однако, не могли бы мы
Прибавить слова ко всему, что сказано.]

Э д и п

От славы иль от доброй молвы, льющей
Напрасно, много ль проку?—А везде твердят,
260 Что град Афины—всех благочестивее
И что они лишь чужеземца бедного
Спасли могли б, они лишь—оградить его.
Но сбудется ли это, если странника
Теперь, низведши со ступеней,—гоните,
Лишь имени страшася?—Самого ж меня
Едва ли, дел—тем меньше, — все дела мои
Скорее выстраданы, чем содеяны,—
Уж если молвить об отце и матери,
270 Из-за которых ты питаешь страх ко мне.
Прекрасно это знаю. Но порочен ли
Я от природы, злом за зло воздавший им?
И с умыслом то сделав, все же не был бы
Порочен,—шел, не зная сам, куда иду.
А муку принял и погиб от знавших все.
Затем-то, чужестранцы, я богами вас
Молю—коль встать велели мне—спасти меня.
И раз богов вы чтите, то во всем богов
Чтить не переставайте и запомните,
280 Что видят благочестных между смертными
И видят нечестивых; что бежать от них
Никто не мог, безбожный, между смертными.
Не омрачай же, если так, блаженных ты
Афин безбожным делом, злу содействуя.
Но как с порукой принял ты молящего,
Так охрани и вызволь; на главу мою
Безликую взирая, не клейми — молю —
Меня презреньем! Свят и благочестья полн,
Для пользы этих граждан я пришел. Когда
290 К нам подойдет владыка—повелитель ваш,
То все узнаешь, услышав. Покамест же
Ко мне не окажись ты зложелательным.

К о р и ф е й

Робеть, о старец, мне благоговейною
Приходится душою от речей твоих,
Затем, что не без веса в них слова,—но пусть
Владыки наши в этом разбираются.

Э д и п

Но где ж, о чужеземцы, государь страны?

К о р и ф е й

В столице отчей пребывает. Страж, сюда
Меня приславший, и за ним отправился.

Э д и п

300 Вы думаете, правда, что проявит он
К слепцу вниманье и заботу, сам придя?

К о р и ф е й

Да, несомненно,—имя услышав твое.

Э д и п

Но обо мне кто мог бы возвестить ему?

К о р и ф е й

Длинна дорога; и хоть часто путников
Слова бывают сбивчивы, от них узнав,—
Поверь—придет он. Старец, ты по имени
Известен всюду; пусть он ходит медленно,
Но про тебя заслышав, в тот же час придет.

Э д и п

О пусть придет на счастье и страны своей,
И на мое: да кто же сам себе не друг?

А н т и г о н а

(всматривается в даль)

310 О Зевс! Что мне промолвить, вздумать что, отец?

Э д и п

Что там, дочь Антигона?

А н т и г о н а

Вижу женщину,—

На муле на этнейском подъезжает к нам

Все ближе; и от солнца защищая, ей

Лицо закрыла шляпа фессалийская.

Что мне сказать?

Она ли? Не она ли? Иль мутится мысль?

И да и нет... Не знаю, что же молвить мне,

Несчастной?

Она и не иная. Взор сияющий

320 Меня ласкает, приближаясь: явный знак,

Что то сестра Исмена, друг единственный.

Э д и п
Как ты, дитя, сказала?
А н т и г о н а
Что дитя твое,
Мою сестру я вижу. И уж речь слышна.
(*Входит Исмена; за нею следует слуга.*)

СЦЕНА II

И с м е н а
Два величанья для меня сладчайшие:
Отец, сестра! Как еле я сыскала вас,
Так от печали вижу вас едва теперь.
Э д и п
О дочка, здесь ты?
И с м е н а
О отец, как жалок ты!
Э д и п
Явилась, дочка?
И с м е н а
Хоть не без труда, отец.
Э д и п
Дитя, дотронься!
И с м е н а
Вот касаюсь: оба тут.
Э д и п
О плоть моя!
И с м е н а
О дети мы злосчастные!
Э д и п
Она и я.
И с м е н а
И третьей я, злосчастливая.
Э д и п
Что, дочь, пришла?
И с м е н а
В заботе о тебе, отец!
Э д и п
Не от тоски ли?

И с м е н а

И к тому же вестницей,
С рабом единым, верным мне по-прежнему.

Э д и п

А где же братья? Им трудиться надо бы!

И с м е н а

Все там, где были. Страшно,—что у них теперь.

Э д и п

340 О как Египта навыкам во всем они
И нрав и жизни образ уподобили!
Ведь там мужчины век сидят под кровлями
За ткацкими станками, а супруги их
Вне дома добывают пропитание.
Так вы, о дети: те, кому бы труд подстать,
Домовствуют при доме, словно женщины,
А вы две вместо них все беды терпите
Со мной, несчастным.

(Указывая на Антигону.)

350 Та, из ранних лет едва
Успела выйти и окрепла с возрастом,
При мне, злосчастном, по миру скитается,
Все старца водит, все-то по лесам глухим
Со мной без пищи и босая странствует,
И частый ливень, и палящий зной терпя.
Последним делом почитает, бедная,
Удобства жизни, только бы отец был сыт.

(Исмене.)

360 А ты, о дочка, и в тот раз к отцу пришла,
Таясь от кадмейцев, прорицания
Неся, что были про него; и стражем мне
В тот день осталась верным, как я изгнан был.
Теперь, Исмена, что за весть несешь отцу?
Тебя в дорогу что из дома подняло?
Пришла ведь ты недаром—это ясно мне,—
Но с тем, чтоб ужас принести какой-нибудь.

И с м е н а

О всех страданьях, выстраданных мной, отец,
Пока искала, где находишь хлеб и кров,
Пройду молчаньем. Дважды не хотела бы,
Передавая, снова все испытывать.

О том же, что за беды сыновей твоих
Злосчастнейших постигли, — объявить пришла.
Сперва меж ними спор был, не отдать ли трон
Креонту, чтобы града не сквернить собой,
370 Благоразумно помня рода древнего
Погибель, что одержит дом твой бедственный.
Но волей бога и сердец преступных их
Теперь в несчастных трижды злой раздор вошел, —
Кому иметь господство с властью царскою.
И вот юнейший и поздней родившийся,
Чем ранее рожденный Полиник, его
Лишает трона брат, изгнав из родины.
А этот — как в народе слух прошел о нем —
В долинный Аргос удалясь в изгнание, там
Родство приобретает и соратников,
380 Чтоб взять не медля Аргос и Кадмейскую
Равнину или до небес прославиться.
То не слова пустые, но и впрямь, отец,
Дела ужасны. Как же боги сжалятся
Над муками твоими, и не ведаю.

Э д и п

А ты уже в надежде, что богам еще
Есть обо мне забота и спастись могу?

И с м е н а

Да, по недавним, о отец, вещаниям.

Э д и п

Каким? И что же в них предречено, дитя?

И с м е н а

Тебя сыскать-де надо людям тамошним,
Живого или мертвого, для блага их.

Э д и п

390 Такой, как я, кому же мог бы счастье дать?

И с м е н а

В тебе, как молвят, вся их мощь заложена.

Э д и п

Когда меня не станет, тут и стану быть?

И с м е н а

Тебя возносят боги, прежде гнавшие.

Э д и п

Не стоит старца возносить, что юным пал.

И с м е н а

И знай, того же ради сам Креонт сюда
К тебе придет, и в очень скором времени.

Э д и п

Дочь, для чего же? Все мне разъясни, прошу.

И с м е н а

400 С землей Кадмейской рядом водворить тебя,
Чтоб был в их власти, не вступая в землю их.

Э д и п

Что ж пользы им, коль буду я вне стен лежать?

И с м е н а

Твоя могила скорбная—беда для них.

Э д и п

Но это и без бога разумеется.

И с м е н а

Вот и желают поместить поблизости
Страны, не там, где б волю ты свою имел.

Э д и п

Что ж,—и покроют перстию фиванскою?

И с м е н а

О нет, родная не дозволит кровь, отец.

Э д и п

Коль так, вовек не будут мною властвовать!

И с м е н а

Для них твой гроб несчастный станет бедствием.

Э д и п

410 Тому, о дочь, что ж будет оказательством?

И с м е н а

Твой гнев,—лишь встанут у холма могильного.

Э д и п

Но то, что молвишь, от кого слыхала, дочь?

И с м е н а

От тех, что в Дельфы были к богу посланы.

Э д и п

И в самом деле про меня так Феб сказал?

И с м е н а

Так утверждают в Фивы к нам прибывшие.

Э д и п

О том слышал кто-либо из сынов моих?

И с м е н а

Да, оба равны и отлично сведомы.

Э д и п

И это слыша, мерзкие, могли они
Сыновним чувствам предпочесть владычество?

И с м е н а

420 Хоть больно это слышать,—подтвердить должна.

Э д и п

Так пусть же боги оной предназначенной
Вражды взаимной не погасят; пусть для них
Исход зависит от меня в усобице,
Ради которой ныне копья подняли.
Ни тот, в чьем обладанье трон со скипетром,
Не устоит, ни этот, что бежал, вовек
Назад не возвратится; ведь родителя,
Меня, позорно с родины гонимого,
Не удержали и не защитили; я
430 Чрез них был выслан и объявлен изгнанным.
В то время—скажешь—я и сам желал того,
И город справедливо одарил меня.
Оно не так нимало, ибо в этот день,
Когда пылал я духом и всего милей
Мне смерть была бы—побиенье камнями,
Никто долг не исполнил из любви ко мне.
Когда ж затихла мука вся впоследствии
И понял я, что гнев мой, вдруг прорвавшийся,
440 Всех прежних преступлений тяжелей карал,
Тогда уже не только город силой стал
Вон гнать меня, но вскоре те, кто мог помочь—
Родителю родные дети—помощи
Не оказали, слова не замолвили,
И стал безродным, нищим я изгнанником.

Напротив, в этих девушках, насколько им
Природа позволяет, нахожу везде
И хлеб, и безопасность, и заботливость.
А те отцу родному предпочли престол
И скипетр, чтобы править и владеть страной.
450 Во мне, однако, не найдут союзника,
И никогда от власти над Кадмеей им
Не будет проку. Знаю, от нее сейчас
О тех вещаньях слышав и припомнивши,
Что древле Фебом было мне объявлено.
Так пусть же ныне шлют они искать меня
Креонта или другого в граде сильного.
Ведь если, чужеземцы, захотите вы—
Помимо странодержиц трисвятых богинь
460 Мне дать защиту,—мощного спасителя
Приобретете, и беду—страны врагам.

К о р и ф е й

Да, ты, Эдип, достоин сострадания,
И сам, и девы. Но, когда себя в речи
Спасителем назвал ты края нашего,
Тебе полезный я хочу совет подать.

Э д и п

О дорогой мой, все исполню,—сказывай.

К о р и ф е й

Сверши ты очищенье пред богинями,
На коих землю—первую—вступил, придя.

Э д и п

Но как, о чужеземцы? Научите же.

К о р и ф е й

470 Сначала из криницы вечно льющейся
Черпни руками набожно струи святой...

Э д и п

Потом, когда достану влагу чистую?..

К о р и ф е й

Там есть кувшины, дело рук художника,—
Края и обе ручки увенчай у них.

Э д и п

Ветвями или шерстью, или чем еще?

Х о р

Руном овечки, в первый раз остриженной.

Э д и п

Так. Остальное как исполнить должно мне?

Х о р

Лить возлиянья, став чем свет к заре лицом.

Э д и п

Лить из сосудов, о которых молвил ты?

Х о р

Тремя струями; третью без остатка лей...

Э д и п

480 А чем сосуд наполнить?—Научи меня.

Х о р

Водой и медом; но не подбавляй вина.

Э д и п

Когда ж земля воспримет чернолистная?..

Х о р

На землю трижды девять, из обеих рук,
Ветвей маслины положи и так молись:

Э д и п

Как, я хочу услышать: то всего важней!

Х о р

«Да благосклонны сердцем Благосклонные
Спасительного примут умопителя!»
Так сам молись ты иль другой взамен тебя,
Шепча неслышно и беззвучным голосом.
490 Затем, не обращая взора, прочь иди.
Исполнишь,—буду смело за тебя стоять,—
Не то, о странник, за тебя мне боязно.

Э д и п

(*Антигоне и Исмене*)

О дети, чужеземцев слову внимлете?

А н т и г о н а

И слышим, и, что делать, воли ждем твоей.

Э д и п

Мне это не исполнить самому: всегда
При мне и немощь, и незрячесть—две беды:
Одна из вас, отправясь, пусть исполнит все.

500 Довольно,—полагаю,—чтоб одна душа
За многих уплатила, если преданна.
И тотчас пусть исполнит. Одного меня
Не оставляйте только. Не под силу мне
Влачиться одиноко без вожатого.

И с м е н а

Так я пойду, исполню дело. Место лишь
Как отыскать мне, я узнать хотела бы.

Х о р

За рощей, чужестранка. Если что-нибудь
Понадобится, страж там есть, расскажет он.

И с м е н а

Туда отправлюсь.

(*Антигоне.*)

Антигона, ты, меж тем,
С отцом останься. Тот, кто для родителей
Несет труды, не должен их за труд считать.

СЦЕНА III

АМЕЙБЕЙОН

СТРОФА 1

Х о р

510 Хоть и боязно мне давнишнюю притаенную ту беду
вновь пробуждать, гость,
Но все же хочу услышать.

Э д и п

О чем же?..

Х о р

О горчайшем страдании том, которым ты
Столь был оборен когда-то.

Э д и п

Ради гостеприимства, друг мой,
Дел ты не раскрывай постыдных!..

Х о р

И однако же надлежит мне познать точно все
О немолкнувшей всенародной той людской молве.

Э д и п

Горе мне!..

Х о р

Покорись, я прошу, гость.

Э д и п

Ах! Ах!

520 Вѣрь мнѣ. Я поведаю, что́ знать тебе след.

АНТИСТРОФА 1

Э д и п

Претерпел зло, о чужбинники, не по воле я, претерпел
тяжкое, зрѣт бѣг.

И сам я ни в чем не повинен.

Х о р

Но как же?..

Э д и п

На преступной постели меня,—я сам не знал—
Град пагубой опутал брака.

Х о р

Ты не с матерью ль—молвь такая—
Тот ославленный брак изведаль?

Э д и п

530 О горе мне! Поистине, смерть мне слышать,
О чужбинники,—о нем. Мои ведь—обе...

Х о р

Что ты молвил?

Э д и п

...дочери,—мой грех сугубый.

Х о р

О Зевс!

Э д и п

Всех трех мать общая со страданьями нас родила.

СТРОФА 2

Х о р

Так эти отпрыски твои...

Э д и п

Они—и сестры же отцу.

Х о р

И-о!

Э д и п

И-о! Поистине, круговорот злосчастных бед!

Ты вынес... Х о р
 Э д и п
 Вынес свыше сил...
 Свершил ты... Х о р
 Э д и п
 Не свершал я...
 Х о р
 Как же так?
 Э д и п
 540 Дар, но его никогда терпеливцу мне
 Не надлежало принимать от города.
 АНТИСТРОФА 2
 Х о р
 Несчастный! Все ли?.. Умертвил...
 Э д и п
 О чем? Что хочешь ты сказать?..
 Х о р
 ...отца...
 Э д и п
 Ох, ох, вторично ты меня ударил,—к боли боль...
 Х о р
 Убил?..
 Э д и п
 Убил, но у меня...
 Х о р
 Что?
 Э д и п
 Всё же оправданье.
 Х о р
 Что же?
 Э д и п
 Все скажу.
 Я без сознания убил и сгубил.
 Чист пред законом: сам не знал, что делаю...

СЦЕНА IV

(Входит Фесей.)

Х о р

550 А вот и царь наш к нам идет, Эгея сын,
Фесей сюда на зов твой, приглашенью вняв.

Ф е с е й

От многих слышав и во время прежде
О той кровавой гибели очей твоих,
Тебя узнал я, Лая сын, и вот, придя
И видя сам, лишь боле убеждаюсь в том.
Ведь и наряд твой и глава ужасная
Показывают, кто ты; и жалеючи,
Хочу, Эдип злосчастный, спросить тебя:
С какою просьбой к граду и ко мне предстал
560 Ты со своею спутницей злосчастною?
Скажи: твоя, о старец, просьба быть должна
Необычайной, чтобы я не выполнил.
Я сам воспитан, как и ты, в доме чужом,
И больше, чем другие, по краям чужим
Опасного свершил я для главы своей.
Так, значит, от скитальца—вот как ты теперь—
Не отвернусь я, но его спасу,—затем,
Что знаю: человек я и не более
На завтра прав имею, нежелъ ты, Эдип.

Э д и п

570 Фесей, так благороден в малой речи ты,
Что мне лишь кратко надлежит ответ держать,—
Кто я такой, каким я был отцом рожден
Да и пришел откуда, верно молвил ты.
И мне теперь осталось только высказать
То, что мне нужно,—вот конец и речи всей.

Ф е с е й

Об этом и осведомь, чтоб узнать я мог.

Э д и п

Придя, несу я тело горемычное
Тебе, как дар: не важно с виду—все-таки
В нем больше пользы, чем в прекрасном облике.

Ф е с е й

Какою же ты пользой похваляешься?

Э д и п

580 Со временем узнаешь, не теперь еще.

Ф е с е й

Когда же твой подарок обнаружится?

Э д и п

Когда умру и буду схоронен тобой.

Ф е с е й

Ты о последнем просишь,—но забыл, что жить
Еще придется, или жизнь ничто тебе?

Э д и п

Мне тем и остальное устроится.

Ф е с е й

О невеликой же услуге просишь ты!

Э д и п

Смотри, однако: будет немала борьба.

Ф е с е й

О сыновьях ли, обо мне ли речь ведешь?

Э д и п

Они меня насильно взять хотят туда.

Ф е с е й

590

Против их воли худо и в чужбине быть.

Э д и п

Когда того желал я, не дозволили.

Ф е с е й

О ты, безумный! В горе не полезен гнев.

Э д и п

Когда узнаешь, назидай,—теперь же нет.

Ф е с е й

Открой: без знанья говорить не должно мне.

Э д и п

Фесей, терпел я беды—много страшных бед.

Ф е с е й

Не о несчастье ль древнем рода молвишь ты?

Э д и п

Нет, ибо каждый эллин, всё кричат о том.

Ф е с е й

Что ж, страждешь свыше силы человеческой?

Э д и п

600 Такое дело: изгнан из земли родной
Я собственным потомством, и нельзя уже
Вовек вернуться мне, отца убившему.

Ф е с е й

Зачем же приглашают, чтобы порознь жить?

Э д и п

Но божи принуждают их уста к тому.

Ф е с е й

Каких же бед страшатся по вещаниям?

Э д и п

Что неизбежно в той земле падут они.

Ф е с е й

Но как могла бы наша связь недружной стать?

Э д и п

610 О милый сын Эгеев! У богов одних
Ни старости, ни смерти не бывает ввек,
Все ж остальное—время мчит всеильное,
И сякнет сила почвы, сякнет тела мощь,
И гибнет верность, и растет предательство.
Взаимно неизменных не питают чувств
Ни близкие друг к другу, ни ко граду град.
Одним—сегодня, а другим—со временем
Что любо—станет горьким, после—милым вновь,
И Фивы—смотришь—ныне благосклонствуют,
Но лишь бесчетных время несосчетное
В своем теченье породит ночей и дней,
Согласный ныне свой союз когда-нибудь
Копьем рассеют по пустому поводу.
Тогда мой прах, в могиле упокоенный,
Напыется, хладный, их горячей кровию,—
620 Коль Зевс есть Зевс и правду возвестил мне Феб.
Но не пригоже о священном речь вести.
Дозволь остаться при своем; ты только бы
Был верен, и—не скажешь никогда, что здесь
Насельником ненужным принят был тобой
Эдип,—коль боги не введут в обман меня.

К о р и ф е й

630 Царь! Так же иль подобно речь давно ведет
О том, что сделать для страны собирается.

Ф е с е й

Такого мужа кто же благосклонностью
Пренебрежет? Во-первых, наш соратничий
Ему до века будет пусть родным очаг.
Еще же—умолитель, к божествам пришед,—
Земле и мне немалый он налог несет.
И чтя за это, не отвергну милости
Его,—напротив, поселю в стране у нас.

(Корифею.)

640 Коль гостю здесь приятно быть, тебя к нему
Приставлю для охраны; иль со мною пусть
Идет он.

(Эдипу.)

Что приятней, обсуди, Эдип,
И пользуйся, во всем я соглашусь с тобой.

Э д и п

О Зевс, пошли подобным благо всякое!

Ф е с е й

Воспользуешься чем же? В дом пойдешь ко мне?

Э д и п

Когда бы только мог я! Но то место, где...

Ф е с е й

Здесь будешь делать, что же? Не противлюсь я.

Э д и п

Здесь тех я одолею, кто изгнал меня.

Ф е с е й

Великий дар сулишь ты за сожительство,

Э д и п

Но только твердо помни слово данное.

Ф е с е й

Во всем мне доверяйся. Не предам тебя.

Э д и п

650 С тебя я клятвы, как с дурных, не буду брать.

Ф е с е й

Не больше, чем от слова, и обрел бы ты.

Э д и п
 Поступишь как же?
 Ф е с е й
 Чтò тебе страшней всего?
 Э д и п
 Они придут.
 Ф е с е й
 Забота будет мнè о том.
 Э д и п
 Меня покинув...
 Ф е с е й
 Не учи, что делать мне.
 Э д и п
 Страшусь невольно.
 Ф е с е й
 Сердцем не страшусь же я!
 Э д и п
 Угроз не знаешь.
 Ф е с е й
 Знаю, что никто тебя,
 Мне вопреки, не сможет увести отсель.
 Словами часто угрожают попусту,
 Во гневе угрожая. Но едва придет
 660 В себя их разум—пропадут угрозы все.
 Но равню, если молвить кто осмелится
 Про твой увод отсюда, то покажется
 Ему огромным море и опасным путь.
 Итак, и без приказа моего, совет
 Тебе: мужайся,—если Феб послал тебя.
 И если ухожу я, знай, что, именем
 Моим храним, худого не потерпишь ты.
 (*Уходит.*)

СТАСИМ I

Х о р

СТРОФА I

670 Доброконной страны в предел
 Наилучший, о гость, пришел ты ныне,
 В наш Колон белоснежный, где
 Звонкий жалобно песнь свою
 День и ночь соловей свистит

В чаще дебри зеленой,
В темнолистных ютятся плющах
И в святой божества листве
Тысячеплодной и вечно бессолнечной,
Неовеваемой зимой,
Где неустанный гуляет Вакх—
Дионис, многошумным провождаем
Хороводом богинь-кормилиц.

АНТИСТРОФА 1

И, небесной впоен росой,
Беспреданно цветет прекрасногроздый
Здесь нарцисс, превеликих двух
Стародавний венец богинь,
И златистый шафран; ключи
Здесь не сякнут—бессонны,—
В вечном беге струя Кефис,
И его непрестанно ток
Плодотворящий в равнину сливается
Страны сей двоегрудой,
Влагу чистую мча; и Муз
Не гнушается ею хор, и с ними
Златовожжая Афродита.

СТРОФА 2

И еще здесь—во всей Азии о подобных я и не слы-
хивал—
Ни на острове, всех обширнее, на Пелоповом, у
дорян тех,—не насажено,
Есть древо, самородок, саморосток,
Враждебных устрашенье копий,
Преизобильно в той стране возросшее:
Голубой маслины ветвь чадохранящая;
Ее ни юный властелин, ни старый век,
Порубив, дланью не сокрушат; но, с небес вечно
смотря, око блюдет ее
Зевса-Масличника и взор
Голубоглазой Афины.

АНТИСТРОФА 2

И кроме той получил честь величайшую этот
мать-град—
Превеликого божества дар,—разумею я, то, чем
край наш искони горд,—
И коней, и племя, и мореходство.
О Крона сын, возвел ее
Ты до толикой чести, Посейдон-царь,

Всех более во граде о беде его.

(Эдипу.)

740 Но, о злосчастный ты, Эдип! Послушайся,
Отправься к дому. Всей Кадмеи граждане
Зовут тебя по праву,—первый я из них.
Поскольку человеком не из худших я
Рожден, о старец,—о твоих всегда скорблю
Скорбях, тебя несчастным видя странником,
Скитальцем вечным, с ней, одной прислужницей,
Идущим без имения. Ввек мне, бедному,
Не мнилось, что дойдет до унижения
Такого,—как злосчастной довелось дойти,
750 Все о тебе заботясь и главе твоей,
Живя даяньем,—в этих летах, брачных уз
Не ведав, беззащитна от обидчика.
Не гнусным ли позором—о несчастье мне!—
И ты, и я, и весь наш опозорен род?
Нет, раз уж явных не укроешь дел, Эдип,
Богов, родимых ради, мне доверившись,
Сам скройся и, в столицу возжелав пойти
И в дом родимый, с этим градом дружески
Простись: привета стоит. Свой же все-таки
760 Чтить боле надо б,—он кормилец истари.

Э д и п

О ты, на все дерзатель, из всего плести
Могущий слов правдивых хитрость пеструю—
Что затеваешь? Иль меня ты вновь решил
Поймать, чтоб—пойман—я как никогда скорбел?
И раньше ведь, когда я от домашних бед
Страдал и мне изгнанье было б радостью,
Желавшему не пожелал ты милость дать.
Когда ж негодованьем я насытился
И дома стало жить мне усладительно,
770 Меня ты выгнал, вытеснив; родство тогда
Ничуть не показалось дорогим тебе.
А ныне, видя, что ко мне и этот град
Питает дружелюбие—и народ его,—
Извлечь затеял, мягко молвя жесткое?
Но что ж за радость—тех, кто не хотят того,
Любить?—Как если б просьбу неотступную
Не выполняли б, не желав помочь тебе,
А сытому душою,—в чем нуждался ты,
Вдруг дали б, и не в милость были б милости:
80 Не зрящее ль то было б удовольствию?
Как раз такое ты и преподносишь мне,
Добро на слове, а на деле зло одно.

Скажу при них, чтоб знали все, сколь злостен ты:
Не в дом меня желаешь увести, придя,
А поселить в соседстве, чтоб от бедствий град
Упасся, с этой вот землей разделавшись!
Нет, этого не будет; вот что сбудется:
Мой дух-отмститель станет жить в стране у них.
790 Моим сынам же столько от земли моей
Достанется, чтоб было где погибнуть им.
Не лучше ль я о Фивах вразумлен, чем ты?
Да, больше, ибо внемлю достовернейшим
И Фебу я и Зевсу,—что отец ему.
А ты с притворной речью подступил сюда,
С отменно заостренной, но избытком слов
Приобретешь зла больше, нежели счастья.
Но что тебя мне в этом убеждать,—ступай,
А нам позволь остаться; право, в трудностях
Подобных жить не худо там, где нравится.

К р е о н т

800 Ты полагаешь, что, такую речь ведя,
Твоей не вижу пользы иль своей,—скажи?

Э д и п

Всего мне слаще будет, коль меня ни в чем
Ты убедить не сможешь, ни стоящих здесь.

К р е о н т

Несчастный, видно, ты не стал со временем
Разумней, но срамишься, старым будучи.

Э д и п

Язык твой ловок, но таких не знаю я,
Кто, честный, за любое б говорил красно.

К р е о н т

Не то же—много говорить иль дельное.

Э д и п

Вот ты—так мало говоришь, да кстати все!

К р е о н т

810 Для тех лишь, кто рассудком не тебе подстать!

Э д и п

Уйди же—заявляю и от их лица,—
Не стой дозорным судном, глядя, где мне жить.

К р е о н т

Свидетельствуюсь ими, не тобой. Каким
Ответишь другу словом, коль схвачу тебя?..

Э д и п

Кто ж схватит против воли их,—союзников?

К р е о н т

Да огорчишься и помимо этого.

Э д и п

Каким же угрожаешь мне деянием?

К р е о н т

Уже схватил я у тебя дочь младшую
И отослал, другую ж уведу сейчас.

Э д и п

820

Увы мне!

К р е о н т

Скоро громче завопишь «увы!».

Э д и п

Дочь взял мою?

К р е о н т

(указывая на Антигону)

Да, скоро и ее возьму.

Э д и п

О чужестранцы! Что ж вы? Иль измените
И прочь не изженете нечестивого?

К о р и ф е й

Уйди же, чужестранец, поскорей: творишь
Неправедное,—теперь и ранее!

К р е о н т

(телохранителям)

А вам ее, пожалуй, увести пора
Насильно, если не пойдет сама добром.

А н т и г о н а

О, горе мне, несчастной! Как бежать? Где ждать
Богов иль смертных помощи?

К о р и ф е й

(Креонту)

Что делаешь?

К р е о н т

Его не трону,—лишь ее, свою.

Э д и п

(простирая руки к хору)

Земли

Владыки!

К о р и ф е й

(Креонту)

Пришлый, не по праву действуешь!

К р е о н т

По праву.

К о р и ф е й

Как по праву?

К р е о н т

Я своих веду.

(Схватывает Эдипа и Антигону за руки и пытается увести.)

СЦЕНА III

АМЕЙБЕЙОН

СТРОФА

Э д и п

И-о! Народ!

К о р и ф е й

Что делаешь, пришлец? Их отпусти!.. Пора пытаться
силу рук!

К р е о н т

Сдержись!

К о р и ф е й

Нет, когда злоумышляешь впрямь!

(Обнажает меч.)

К р е о н т

С народом повоюешь, причинив мне вред.

Э д и п

Не заявлял ли всем я?

К о р и ф е й
(телохранителю Креонта)

Тотчас выпусти
Девицу!

К р е о н т
В чем не властен,—не предписывай.

К о р и ф е й
(телохранителю)

840 Оставь же, говорю я!

К р е о н т
(ему же)

Говорю—ступай!

К о р и ф е й
Скорей все сюда! Скорей, люди, к нам!
Тут град рушат мой, силóm ломают град!
Сюда все ко мне!

(Телохранители схватывают Антигону.)

А н т и г о н а
Меня уводят силой, о друзья, друзья!

Э д и п
Где ты, дитя родное?

А н т и г о н а
Не сама иду!..

Э д и п
Дочь, протяни мне руки!

А н т и г о н а
Не могу никак.

К р е о н т
(телохранителям)

Да уведете, что ли?

Э д и п
Горе, горе мне!

К р е о н т
Итак, при этих посохах вовек тебе
Уж не ходить. Но если супротів итти
850 Отчизны хочешь и родных, по воле чьей
Все это совершаю—хоть владыка я,—

Иди; но после, знаю верно, сам поймешь,
Что ты себе и ныне не принес добра,
Борясь, как и прежде, супротив родных,
В усладе гнева, что тебя всегда сквернит.

(Хочет уйти.)

К о р и ф е й

Пришлец, на место!

К р е о н т

Не касаться, сказано!

К о р и ф е й

Тебя не отпущу я, если их лишусь.

К р е о н т

И большой выкуп город в срором времени
Уплатит. Захватчу я и не только их.

К о р и ф е й

Что ты намерен сделать?

К р е о н т

(указывая на Эдипа)

Увести его!

К о р и ф е й

Ужасное ты молвил!

К р е о н т

Но свершится так.

К о р и ф е й

Коль здешний государь не воспрепятствует.

Э д и п

Бессовестный! Коснешься и меня, ужель?

К р е о н т

Молчать!—сказал я.

Э д и п

(простирая руки к роце Езменид)

Пусть же божества си

Уст не сомкнут мне, чтоб еще проклясть тебя,
Негоднейший, что, глаз единый силой взяв
У глаз моих,—дотоле зревших,—прочь идешь!—
Так пусть тебе и роду твоему всему
Бог Гелиос-всевидец жизнь такую же
Пошлет, какую старый ныне я живу.

Креонт

Вы видите все это, люди здешние?

Эдип

Тебя, меня все видят, и понятно им,
Что, претерпев на деле, я словами мщу.

Креонт

(хору)

Нет, не сдержу я гнева, уведу его
Силком,—хоть и один я и от лет не резв.

(Подступает к Эдипу.)

АНТИСТРОФА

Эдип

О, горе мне!

Корифей

Сколь нагл ты, чужак, пришел к нам, когда так
поступать готов!

Креонт

Готов.

Корифей

Этот град я не почту за град.

Креонт

880 Но слабый сладит с сильным, прав он ежели.

Эдип

Вы слышите, что молвит?

Корифей

Но не сделает.

Креонт

Знать Зевс лишь может, но не ты.

Корифей

Но это ж дерзость!

Креонт

Дерзость, но стерши ее.

Корифей

И-о! Весь народ! Земли всей бойцы!
Скорей всё сюда! Скорей, вон уже
И впрямь их ведут.

(Телохранители уводят Антигону и схватывают Эдипа.)

СЦЕНА IV

Ф е с е й

(входит)

Что за крики? В чем тут дело? Что за страх, чтоб помешать

890 Мне быков морскому богу убивать на алтаре,—
Мне, предстателю Колона? Говорите, чтобы сам
Знал я все, зачем сюда я, не жалея ног, спешил.

Э д и п

О милый,—ибо голос узнаю я твой—
Сейчас стерпел я от него ужасное.

Ф е с е й

Но что такое? Кто, скажи, обидчик твой?

Э д и п

Креонт—его ты видишь,—прочь уходит он,
Детей единых у меня отняв чегу.

Ф е с е й

Что ты сказал?

Э д и п

Ты слышал, как обижен я.

Ф е с е й

(слугам)

900 Эй, поскорее кто-нибудь из слуг беги
К тем жертвенникам, побудить народ, чтоб все—
И конный и не конный,—приношения
Оставив, поспешали б во весь дух туда,
Где две дороги сходятся проезжие,
Чтоб не прошли юницы и посмешником
Для чужеземца я не стал бы,—силой взят.
Идите ж быстро, как велью!

(Указывая на Креонта.)

А этого—

910 Впади я в гнев, какого и достоин он,—
Я невредимым бы из рук не выпустил!
С какою сам он выступил управою,
Такою ж, не иную, применю к нему,
И из моей не выйдет он страны, пока
Их не поставит, приведя, пред очи мне.

(Креонту.)

Ты недостойно поступил страны моей,
Своей и тех, от коих уродился сам.
Ты, придя в город, чтущий правосудие,
Поступков незаконных не свершающий,—
Страны уставом пренебрег и, вторгшись так,
Уводишь то, что хочешь, взяв насильственно.
Иль что мой град безлюден, что какой-нибудь
Он раб, ты мыслишь? И что я и сам ничто?
Хоть ты воспитан не худым на родине,—
920 Не любят в Фивах возвращать неправедных,—
Тебя не похвалили б там, узнав, что ты
Мое и божье силою грабительски
Уводишь,—этих бедных умолителей.
Конечно, приведись мне быть в твоей стране,
Когда б я право полное на все имел,
То все ж без государя, кто бы ни был он,
Не уводил бы, их схватив, но ведал бы,
Как у столичных чужаку вести себя.
Ты ж недостойно сам позоришь город свой,
930 А прибывающее время сделало
Тебя уж старцем,—только лишь с пустым умом.
Итак, что говорил я, то и вновь скажу:
Чтоб дёв скорее кто-нибудь привел сюда,
Коль не желаешь против воли стать у нас
В стране переселенцем. Это все тебе
Я говорю в согласье уст и разума.

К о р и ф е й

Пришелец, видишь, до чего дошел ты? Сам
По роду честен, а в поступках мерзостен.

К р е о н т

(Фесею)

Безлюдным не считаю я твой град, о сын
940 Эгея, ни безумным,—как ты сказывал.
И это дело совершил я, думая,
Что не охватит их такое рвение
К моей родне, чтоб стали их силком держать.
Я был уверен, что отцеубийца-муж
Отнюдь не будет принят здесь—запятнанный
И уличенный в браке нечестивейшем.
Что столь премудрый и Ареопг в стране—
Я знал—поместный есть, что не позволит он
Подобным побродягам в вашем граде жить.
950 В уверенности этой я улов забрал.
Того не сделал бы, когда б он горькими
Меня не проклял и мой род проклятьями.

Но, потерпев, я вправе счел себя—воздать.
Не существует ведь у гнева старости,—
Лишь смерть, а мертвых вовсе не коснется скорбь.
Поэтому, как хочешь, поступай. Меня
Беспомощность—хоть говорю законное—
Ввергает в слабость. Но за эти действия,
Хотя и стар я, все ж воздам когда-нибудь.

Э д и п

- 960 Бесстыднейшая дерзость! Ты кого хулишь?
 Меня ли, старца, или самого себя?
 Ведь и в убийстве, браке и напастях всех
 Меня своими укорил устами ты.
 А я в них был неволен: боги волили—
 Гневясь, быть может, издавна на весь наш род.
 Но не нашел бы ты во мне самом греха
 Или позора, коим пред собой самим
 Или перед родными прегрешил бы я.
970 Подумай, если было суждено отцу
 Вещаньем, что погибнет чрез детей своих,
 То справедливо ль в этом упрекать меня,
 Который нё был зарожден отцом тогда
 И не был, нерожденный, зачат матерью?
 Но если уж злосчастливым оказался я
 И, в рукопашной встретившись, отца убил,
 Не зная, что творил я и над кем творил,—
 То как по праву за невольный шаг корить?
 Про ложе, дерзкий, с матерью, сестрой твоей,
 Меня заставить говорить не стыд тебе?
980 Скажу о том я тотчас, не смолчу, поверь,
 Раз к этому безбожный твой привел язык.
 Родила, да, род`ла—о беда моя!—
 Не знавшего, не зная, а потом, родив,
 Себя позоря, мне же принесла детей.
 Одно лишь знаю твердо: добровольно ты
 Меня злословишь и ее; я ж в брак вступил
 Не волей и не волей речь веду о нем.
 Нет, я злодеем не могу за брак прослыть
 Или за это... в чем меня коришь всегда,
990 Отцеубийством горько попрекаючи.
 Единый только на вопрос ответ мне дай:
 Когда б тебя кто-либо неповинного
 Убить задумал, стал бы ты расспрашивать,
 Отец он, нет ли, или б отомстить спешил?
 Не правда ль, если жизнь мила, виновнику
 Ты отомстил бы, и не глядя, прав ли ты?
 Вот в таковую точно впал и я беду,
 Богами предводимый; с этим, думаю,

1000 Душа отца—будь жив он—согласилась бы!
Тебе ж—несправедливец—слово всякое
Подходит, можно ль, нет ли говорить его.
Меня коришь за это в их присутствии.
Льстить имени Фесея хорошо тебе
Или Афинам—что хорош порядок в них,—
Но, похваляя много, ты забыл о том,
Что коль страна какая почитать богов
Умеет,—эта превзошла в том прочие;
И из нее ты старца-умолителя,
1010 Меня забрав и этих дев, уходишь прочь.
Вот почему я ныне, сих богинь призвав,
К ним прибегаю и гляжу с мольбой на них,
Чтоб, нам союзны, нас оборонили бы
И знал ты, что за мужи этот град блюдут.

К о р и ф е й

Царь, честен этот странник; и хоть гибельны
Его страданья, помощи достоин он.

Ф е с е й

Довольно разговоров: похитители
Спят, а мы тут медлим,—пострадавшие.

К р е о н т

Но слабому мне как же поступать велишь?

Ф е с е й

1020 Иди дорогой той же; за тобой пойду
И я; и если где-нибудь находятся
Юницы наши,—покажи их; если же
Бегут похитившие, то и нужды нет:
Спешат другие вслед,—и убегающим
Не приведется возносить хвалу богам.
Итак, веди; знай верно: ты, пленив, пленен,
Охотник сам, судьбою пойман,—памятуй,
Что взятого коварством не сберечь никак.
И дело будешь ты не со слепцом иметь:
Ведь знаю, что не голый, без оружия,
1030 Ты на такую дерзость вдруг отважился,
Но в чем-то был уверен, поступая так.
Следить за тем я должен, чтобы город наш
Не оказался мужа одного слабей.
Ты понял, или и теперь слова мои
Сочтешь пустыми—как при кознях давешних?

К р е о н т

Ты здесь владыка, и не буду спорить я,
Но дома знать мы будем всё, что делать нам.
(Уходит вместе с телохранителями.)

Ф е с е й

1040 Грози же, удаляясь! Ты же здесь, Эдип,
Спокойно оставайся и уверен будь:
Пока я жив, покою не найду себе,
Доколь не станешь господином чад своих.

Э д и п

За дух высокий будь благословен, Фесей,
И за твою заботу справедливую!

СТАСИМ II

Х о р

СТРОФА 1

О, быть бы мне там, где строй
Враждебных мужей готов
Вступить в меднозвонный бой!
Там, на Пифийском берегу,
На том ли, где светы
1050 Честные, где Владычиц тайны правятся
Для смертных,—ключ же их золотой
Сослужащим Евмолпидам заповожен на уста?—
Верно там боебодрый
Царь наш Фесей и две сестры,
Нерушенных девы,
С победоносным кликом скоро в бой войдут
В наших пределах!

АНТИСТРОФА 1

1060 Или к западу, может быть,
От снежной скалы они
В округе Эатской мчат
На конях взапуски, или
На скорых колесах?
Враг будет схвачен, грозен здешних мест Арей,
Грозна и фесеидов мощь.
И у всех сверкают узды словно молния, и вскачь
Летят, бросив поводья,—
1070 Конная рать мужей, что чтит
Богиню Афины
И с ней морского земледержца, милого
Рейна сына!

СТРОФА 2

Ведут ли бой иль ждут еще?
 Предчувствует душа,
 Что скоро разрешится срок
 Ужасных бед, ужасных мук, двух дев постигших от
 родных!
 Свершит, свершит, что должно, Зевс
 1080 Днесь, прорицаю славную борьбу; когда б
 Я быстрым голубем, что вихрь,
 Под облак небесный взлетел вдруг,—быстрым лётom
 мчась,
 И мог бы взор насытить свой борьбой той!

АНТИСТРОФА 2

И-о! Зевс, властелин богов
 Всевидящий! Бойцам,
 Сей обитателям земли,
 Победительной их силе ты пошли удачный лов!
 И ты, его честная дочь,
 1090 Афина! Ловчий Аполлон! Сестра его,
 Что гонит крапчатых в лесу
 Оленей! Любовно молю вас к нам притти двойною
 Помогую—и сей земле и гражданам!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

К о р и ф е й

О гость-скиталец, лжепророком зрячего
 Не назовешь ты, ибо дев завидел я,
 Что к нам, при слугах, вновь поспешно шествуют.

Э д и п

Где? Где? Что молвил? Что сказал?
 (Входят Антигона и Исмена в сопровождении Фесея и слуг.)

А н т и г о н а

Отец, отец!
 1100 Когда б тебе столь доблестного мужа зреть
 Послали боги, нас к тебе ведущего!

Э д и п

О дети, дети, где вы обе?

А н т и г о н а

Нас спасла
 Рука Фесея и любезных спутников.

Э д и п

К отцу приблизьтесь, о дитя, чтоб мог он вас
 Обнять, возврата более не чаявший.

Антигона

Как хочешь, так и будет. Рада выполнить.
(Идут обе.)

Эдип

Где вы, где обе?

Антигона

Вот мы, подошли уже.
(Подходят обе.)

Эдип

(обнимает их)

О милые вы дети!

Антигона

Мило все отцам.

Эдип

О посохи для старца!

Антигона

Для несчастного

1110

Несчастных два.

Эдип

Что мило, все со мной при вас,

И умереть мне не было бы горестно.

Дитя, прижмитесь вы плечьми обоими

К родителю—родные, дайте отдых мне

От горького блужданья одинокого.

И мне о бывшем расскажите вкратце,—вам,

Столь юным, слова малого достаточно.

Антигона

(указывая на Фесея)

Вот наш спаситель; от него узнай, отец,

О том, что совершил он,—я же кончу речь!

Эдип

(Фесею)

1120

О друг, не удивляйся, что беседую

С детьми так долго,—их я и не ждал уже.

Но знаю,—тем, что ими наслаждаюсь вновь,

Поистине, другому не обязан я,—

Ведь ты же спас их, и не кто иной, и пусть

Тебе исполнят боги все, как я хочу,—

С твоей землею вместе! Благодетель

У вас единых я обрел из всех людей,
И человеколюбье, и правдивость уст.
Изведав это, словом воздаю тебе.
Все даровал мне ты один из всех людей.
1130 И мне свою десную протяни,—о царь!—
Пожать. И, если можно, поцелую лоб.
Но что сказал я? Как же я, столь бедственный,
Хочу коснуться мужа, у которого
Нет и пятна дурного? Да и сам того
Не допущу я. Только тот меж смертными,
Кто так же изувечен,—сострадаец мне.
А ты прими отсюда мой привет и впредь
Меня блюди по чести, как доньше блюл.

Ф е с е й

Тому, что ты столь длинной сделал речь, детьми
1140 Своими услаждаясь, не дивлюсь отнюдь,
Ни что беседу с ними предпочел моей,—
Нималого мне в этом огорченья нет.
Ведь не речами жизнь свою стараемся
Мы сделать достославной, но поступками.
И докажу: тебя ни разу, клятву дав,
Не обманул я, старец; их привел сюда
Живых, не пострадали от угроз они.
А как победу одержал я, попусту
1150 Что хвастать?—Сам узнаешь, с ними будучи...
Но об известье, что на нас свалилось вдруг,
Как шел сюда я, поразмысли; пусть о нем
Сказать недолго, подивиться есть чему.
Пренебрегать же делом никому не след.

Э д и п

О чем ты, сын Эгея? Объясни скорей,—
Не знаю вовсе, что тобой услышано?

Ф е с е й

Муж некий—молвят,—не из земляков твоих,
Но сродников, зачем-то к алтарю припав,
Сидит у Посейдона, там, где жертвою
Я бога чтил в то время, как спешил сюда.

Э д и п

1160 Кто он? Чего же просит, восседая там?

Ф е с е й

Одно лишь знаю: что с тобой—сказали так—
Беседы краткой и не важной требует.

Э д и п

Какой же? Не ничтожно то седалище!

Ф е с е й

К тебе для разговора—молвят—просится
Притти и безопасно вновь отбыть потом.

Э д и п

Но кто же он, сидящий на ступенях тех?

Ф е с е й

Подумай, нет ли в Аргосе родных у вас,
Которые бы домогались этого?

Э д и п

О милый, слов не надо боле.

Ф е с е й

Что с тобой?

Э д и п

1170 Нет, не проси напрасно.

Ф е с е й

Но о чем—скажи?

Э д и п

(указывая на Антигону и Исмену)

Уже от них узнал я, кто проситель тот.

Ф е с е й

Кто ж он, кого хулить я должен, видимо?

Э д и п

Царь,—сын мой ненавистный, чьим всегда словам
Без боли величайшей не могу внимать.

Ф е с е й

Почто ж? Ведь можно слушать, и не делая,
Чего не хочешь. Разве тяжело выслушать?

Э д и п

Невыносимы, царь, отцу слова его,
И согласиться ты не принуждай меня.

Ф е с е й

1180 Но ежели понуждает то, что сел он там?
Смотри,—не должно ль с богом осторожней быть?

Антигона

Отец, меня послушай, хоть совет давать
Я молода: себе пусть угождение
Доставит царь и богу, как желает сам;
Ты уступи нам,—брату разреши притти.
Твоих—не бойся!—не нарушит силою
Решений и не скажет бесполезного.
Слова же слушать—разве вредно? Всякое
Злоумышленье в слове обнаружится.
1190 Его родил ты; ежели он против тебя
И худшее б нечестье учинил, отец,
Тебе чинить не должно зла за зло ему.
Так уступи! Бывают дети злы подчас
И вспыльчивы; но близких увещания,
Как заговор волшебный, исцеляют их.
На бывшие когда-то—не теперь—воззри
Свои страданья от отца и матери,
И, вновь увидев,—знаю,—ты поймешь, как зол
Исход бывает, если в гневе злобствуем.
4200 Немалое имеешь ты свидетельство
Тому, с тех пор как зренье потерял свое.
Так уступи! Негоже быть упорным с тем,
Кто о законном просит; самому познав
Благое, не воздать им благодателю.

Эдип

Дитя, победа ваших слов—мне тяжкая
Услада, но пусть будет так, как мило вам.

(Фесею.)

Одно, хозяин: если он придет сюда,
Никто да не посмеет жизнь отнять мою.

Фесей

1210 Раз молви это,—дважды мне не след внимать
О старец! Я хвалиться не хочу, но ты
Здрав будешь, если боги здравье мне пошлют.

(Уходит.)

СТАСИМ III

Хор

СТРОФА

Тот, кто долгого века здесь
Чает, кто пренебрег людской
Жизни мерою, явно тот
Кажется мне неразумья полным.
Ибо длинные дни,—они

Много раз приводили к нам
Сонм печалей, а радость где,
Вовсе знать не дано тому,
Кто хочет больше сроку взять,
1220 Чем дано. Помощница ж для всех одна,
Предстоит подземных Дева,
Песен, плясок, лир чужда,—
Смерть, всему скончанье.

АНТИСТРОФА

Не родиться—удел из всех
Лучший; жребий второй: родясь,
В край, откуда явился ты,
Снова уйти—и скорей как можно!
1230 Так, лишь юность прошла, с собой
Время легких умчав безумств,
Тут каких не познаешь мук?
Тут не встретишь каких тягот?—
Завида, смута, ссоры, брань
И убийства. И презренна—под конец—
И бессильна, и угрюма,
Старость выпадет немилая,
С ней же беды, беды!

эпод

И ими сей несчастный—не один я,—
1240 Как будто бы на севере зимою брег
Волнами отовсюду,—потрясен и он.
Вот так его всего,
Как злых волн грозные валы,
Бедствий прибой потрясает вечно:
То набегут от восхода солнца,
То набегут от заката,
То от луча полуденного,
То от рифейских полнощных гор!

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА I

Антигона

И в самом деле, вон тот гость, как будто бы,
1250 Один, без провожатых, о отец, из глаз
Лия ручьями слезы, приближается.

Эдип

Кто он?

Антигона

Он самый, тот, кого всегда в душе
Мы носим,—к нам подходит Полиник сюда.

(Входит Полиник.)

П о л и н и к

(Антигоне и Исмене)

Увы! Что делать? Бедствия ль свои сперва
Оплачу, сестры, или же отца беду,
Его увидев, старца, на земле чужой,
И вместе с вами здесь найдя—изгнанника
В одеже этой, на которой мерзостна,
1260 На старике состарясь, с телом грязь срослась
И сушит ребра; с головой безокою,
С нечесаными волосами на ветру,
И думаю, не лучше он в суме несет
Несчастливого желудка пропитание,—
Что слишком поздно узнаю пропащий я!

(Эдипу.)

Да, меж людьми я—худший, если так твою
Питаю старость! Про меня не спрашивай.
Но с Зевсом на престоле Воссидящая
1270 Есть Милость,—рядом да стоит с тобой, отец!
Еще от преступлений исцелиться мне
Возможно, но прибавить к ним нельзя уже.
Молчишь ты?
Скажи хоть слово и не отвращай лица!
Не отвечаешь, но позорно плешь меня
Обратно, молча, не сказав, за что гневясь?

(Антигоне и Исмене.)

О вы,—его же дети!—мне родные две
Сестры, да попытались бы хоть вы раскрыть
Отца суровый и неумолимый рот,
Чтоб он с позором, богу предстоявшего,
1280 Меня не гнал, ни словом не обмолвившись.

А н т и г о н а

Зачем явился, о несчастный, сам скажи!
1280 Ведь может речь, усладу вызывая в нас,
Иль недовольство, или сострадание,
Исторгнуть голос даже из безгласных уст.

П о л и н и к

(Антигоне)

Все расскажу. Прекрасно надоумила.
Сперва же бога призову заступником,
От коего велел мне к вам притти сюда
Властитель здешний, позволенье молвить дав
И внять и безопасно прочь отправиться.

(Хору.)

1290 И вот, о чужестранцы: так да сбудется,—
Вас ныне, и сестер я, и отца прошу.

(*Эдипу.*)

Теперь скажу я, для чего пришел, отец.
Бежал из отчей я земли изгнанныком,—
Затем, что я на царский твой престол воссесть
Хотел, рождением старше брата будучи.
Но Этеокл, моложе быв по возрасту,
Меня прогнал, ни словом не побив меня,
Ни силою со мною не померявшись;
Но город убедил он. И первой всего
Твой, утверждаю, Мститель-дух виной тому.
1300 Я то же слышал и от прорицателей.
И вот, когда я прибыл в Аргос, к дорянам,—
Адраста сделав тестем, заключил союз
Я клятвенный со всеми, что в земле слывут
Апийской в первых и копьем прославлены,
Чтоб семиратным нам походом двинуться
На Фивы, чтобы умереть в честном бою
Или виновных из родной земли изгнать.
Довольно. Для чего же я пришел сюда?
1310 С мольбою о защите я к тебе, отец,
Сам обращаюсь и мои соратники,
Семью полками ныне с копьяносцами
Семью равнину фивскую занявшие.
Копьёметатель Амфиарай там всех первой
Копьем и птиц полета разумением.
Второй же этолиец, Оинея сын,
Тидей; а третий Этеокл аргивянин,
Четвертым Гиппомедонта в бой послал отец,
Талай; а пятый Капаней, что хвалится
Разрушить город Фивы, их огнем спалив.
1320 Шестым аркадец Партенопей подьмелется,
От матери—что в девах долгий срок была—
Привыший имя,—верный Аталанты сын.
А я, твой отпрыск—нет, не твой, но роком злым
Рожденный и твоим лишь именуемый—
Веду на Фивы Аргоса бесстрашный строй.
И дочерьми твоими и душой твоей,
Отец, и заклинаем мы и просим все:
Сложи гнев тяжкий с сына, устремленного
Отмстить родному брату, что изгнал его
1330 И грабежом похитил землю отчую.
Ведь если достоверны прорицанья те,
И их скрепишь ты,—значит—мы одержим верх.
Так, родниками и богами нашими
Прошу, склонися и сложи свой гнев!—Ведь я

И нищий и чужой здесь, как и ты чужой.
Ведь людям угождая, мы живем,—и ты
И я, один и тот же получив удел.
А он владыкой в доме—о несчастный я!—
Над нами насмехаясь, величается.
1340 Но если будешь за одно со мной стоять—
Я без труда и скоро разнесу его.
И, приведя, восставлю во дворце тебя
И сам себя восставлю, вон изгнав врага.
С твоим согласьем я могу заранее
Хвалиться, без тебя же нет спасенья мне.

К о р и ф е й

Ради того, кем послан он, сказав ему
На пользу слово, отпусти пришедшего.

Э д и п

(*хору*)

Нет, мужи, если б этим краем правящий
Его сюда случайно не прислал ко мне—
1350 Фесей,—считая, что ему я должен внять,
Век от меня он звука не услышал бы.
Теперь же удалится, удостоившись
Такое слышать, что не будет жизни рад.

(*Полинику.*)

Ты, о негодный, чьими были скиптр и трон,
Которыми владеет брат твой в Фивах,—сам
Отца изгнал ты и виновен сам, что он—
Без родины и носит эти рубища,
Смотря на кои, плачешь, в тяготу попав
1360 Таковую ж, оказавшись, как и я, в беде.
Но должно мне не плакать, но терпеть всю жизнь,
Тебя, убийцу, в мыслях поминаючи.
Через тебя ведь я с несчастьем сведался,
Тобою изгнан, чрез тебя скитальцем стал
И дневной пищи у чужих людей прошу.
И если б я кормилиц не родил себе,—
Их, дочерей,—с тобою, верно, умер бы.
Теперь меня спасают две кормилицы.
Они—мужи, не жены при страде моей.
1370 Вы ж двое—от другого, не мои сыны.
Поэтому и даймон на тебя воззрит
Еще не так, лишь войско ваше двинется
К столице Фивам. Ибо никогда ты град
Не сможешь ниспровергнуть, но падешь сперва,
Запятнан кровью, и родной твой брат равно.
На вас и раньше призывал я Ар и вновь

Сюда союзницами их предстать зову,—
Чтоб вы за долг считали чтить родителей,
Себе в позор не ставя, что слепцом-отцом
Вы рождены. Другое дело—дочери!

(Указывая в сторону Антигоны и Исмены.)

1380 И ныне Ары град твой и престол займут,
Ежели в небе Правда есть исконная,
Законов древних Зевса сопрестольница.
Ты ж прочь ступай, презренный, отрешен отцом,
Из злых всех злейший, вместе с теми Арами,
Которых призываю,—чтоб земли родной
Копьем не занял ты и не вернулся бы
В долинный Аргос, но от длани братниной
Пал и того убил бы, кем был изгнан сам.
Так проклиная и зову из Тартара
1390 Отца-Эреба страшного приять тебя.
Зову и этих я богинь, зову на вас
Арея, что внушил вам злую ненависть.
Прослушав это, уходи; туда ж приди,
Ты всем кадмейцам возвести и верным всем
Союзникам-аргосцам, что Эдип-слепец
Такими-то дарами оделил их всех.

К о р и ф е й

(Полинику)

Я, Полиник, и раньше твоему не рад
Прибытью был; теперь же уходи скорей.

П о л и н и к

Увы, приход мой вправду незадачливый!
Увы мне, други! Вот как я окончил путь,
1400 Из Аргоса отправясь! О злосчастный я!
Так, что ни из дружины никому о том
Сказать нельзя, ни к дому повернуть назад.
Нет, молча надо повстречаться с участью.

(Антигоне и Исмене.)

О вы, сестрицы! Вас я,—дочерей его—
При ком отец жестоко проклинал меня,—
Молю богами: ежели исполнятся
Проклятия отцовы и обратнo вы
1410 Домой вернетесь—о, тогда не презрите
Меня, но положите в склеп, обряд свершив.
И похвала, которой удостоились
Вы от него за подвиг свой, не меньшую
Другую принесет вам—за услугу мне.

Антигона

Меня—молю я,—Полиник, послушайся!

Полиник

О дорогая Антигона, в чем?—Скажи!

Антигона

Войска верни ты в Аргос, и скорей притом
И сам себя и город не губи вконец.

Полиник

Нет, невозможно: как бы предводитель я смог
Опять войсками,—раз лишь трусость выказав?

Антигона

1420 Зачем ты рассердился, брат? Какой тебе
Прок будет, если разоришь ты родину?

Полиник

Но мне позорно бегство и подобное
От собственного брата посмеяние.

Антигона

Не видишь разве: напрямик пророчества
Идут,—отец сулил вам обоюдно смерть!

Полиник

Того желает,—нам же уступить нельзя.

Антигона

Увы мне, бедной! Кто ж, узнав, осмелится
Итти с тобою, если так пророчит он?

Полиник

1430 Вещать не будем про худое! Добрый вождь
О лучшем должен, не о худшем речь вести.

Антигона

Итак, бесповоротно ты решил, о брат!

Полиник

И не пытайся удержать. Мне в Фивы путь
Заботой станет гибельной и горестной:
Отец так волит и его Эринии.
А вам воздай Зевс, ежели то исполните
[Для мертвого: не ждите вновь живым меня].
Пустите ж и прощайте. Не придется вновь
Лицом к лицу встречаться нам.

Антигона

О горе мне!

Полиник

Ты обо мне не плачься.

Антигона

1440 Коль стремишься ты
К Аиду явно, кто стенать не станет, брат?

Полиник

Коль суждено, умру я.

Антигона

Нет, послушайся!

Полиник

Не убеждай в том, что не должно.

Антигона

Бедственной,—
Тебя лишившись,—быть мне вдвое!

Полиник

Бог решит,
Случится ль так, иначе ль; вам же,—сестрам двум,—
Богов я заклинаю—бед вовек не знать!
Всем очевидно, что страдать вам не за что.
(Уходит. На сцене воцаряется полная мгла.)

СЦЕНА II

КОММАТИК

СТРОФА 1

Хор

1450 Отныне новых тяжких вновь
Мне ждать многих бед от странника-слепца,
Ежель рок перемен нам не даст.
Затем, что мнимых нет решений у богов; и то сказать:
Блюдет, блюдет время волю их,—в ряде лет
Иль в миг краткий властно вознести горé!

(Молния и гром.)

В небе ударило, о Зевс!..

Эдип

О дети, дети, если бы из здешних кто
Вселучшего Фесея попросил сюда!

Антигона

Отец, с какою целью ты зовешь его?

Эдип

1460

Перун крылатый Зевса увлечет меня
Сейчас в Аид;—пошлите же скорей за ним.
(Молния и гром.)

АНТИСТРОФА 1

Хор

Смотри: великий с небеси
Упал гром, неслышанный удар! И всем
Поднял страх на головах власы...
(Молния и гром.)

1470

Трепещет сердце. Молния небесная пылает вновь.
Когда ж отпустит нас конец? Страшусь: огонь вотще
Не устремится и без беды не возгремит!
О небо великое! О Зевс!

Эдип

О дети, близко богом возвещенное
Моей скончанье жизни, и возврата нет.

Антигона

Как знаешь? И откуда заключил о том?

Эдип

Доточно знаю. Только пусть торопятся
Скорей страны владыку привести ко мне.
(Молния и гром.)

СТРОФА 2

Хор

1480

О! О! Вот гремит со всех вновь сторон
Пронзительный раскат.
Будь милостив, о бог! Будь милостив,—молю—
На наш край родной наслав мрак беды!
Ты окажись благим, чтоб я, его—проклятого—узрев,
Не принял бы теперь неприбыльный мне дар.
О Зевс—царь—молю!

Эдип

Он близко ли? Застанет ли он, дочери,
Меня живого, в обладанье разумом?

Антигона

Какой ему желаешь ты завет открыть?

Э д и п

1490 За все, что от него я видел доброго,
Сполна благодареньем, как сказал, воздать.

АНТИСТРОФА 2

И-о, сын, приди, приди!—Пусть теперь
Стоишь на крутизне
И Посейдону там, морей богу, сам
Святишь бычьих жертв очаг. О предстань!
Затем, что странник и тебя, и град, и нас готов
почтить,
Воздав днесь за все, что сам здесь обрел.
...Спеши, о царь!..

(Все внезапно проясняется.)

СЦЕНА III

Ф е с е й

(входит)

1500 Что здесь за клик всеобщий раздается вновь?
[И граждан явный и пришельца явственный?]
Иль молния упала, или с проливнем
Град выпал? Если так разбушевался бог,
То от него мы можем ожидать всего.

Э д и п

Царь, ты пришел—желанный, некий бог тебя
На этот путь направил нам на счастье.

Ф е с е й

Что нового случилось, Лая сын, опять?

Э д и п

Мой срок подходит. И, не обманув тебя
И их, в чем обещался,—умереть хочу.

Ф е с е й

1510 Но в чем ты полагаешь близкой смерти знак?

Э д и п

Гласят и возвещают сами боги мне,
И не обманут в знаменьях ниспосланных.

Ф е с е й

В чем, ты сказал, о старец,—это явлено?

Э д и п

В ударах непрерывных грома, в молниях.
Непобедимой дланью низвергаемых.

Ф е с е й

Меня ты убеждаешь. Вижу: многое
Пророчишь,—и не ложно! Что же делать нам?

Э д и п

Изволь, тебя наставлю, о Эгея сын,
В том, что не опечалит град твой старостью.
1520 Сам укажу тебе я, без вожатого,
То место, где я должен умереть. Но ты
Вовек из смертных никому не сказывай,
Где сокровенно, в местности какой лежит,
Чтоб от щитов премногих и наемного
Копья соседей вечно защищало бы.
А о неизреченном, что не терпит слов,
Сам ты узнаешь, коль придешь один туда.
Из граждан не сказал бы никому о том,
Ни даже детям двум моим, любимым мной.
1530 Храни же тайну. И когда подступишь ты
К кончине жизни, то поведай старшему,
И впредь передается пусть наследнику.
Тогда живи во граде, не боясь «Людей
Посева». Все же помни: градов множество
Хоть и живут прекрасно, вдруг заносятся.
Но боги, хоть и поздно, видят смертного,
Когда, отвергнув божье, он безумствует.
Да не претерпишь, сын Эгея, зол таких!
Однако учим мы того, кто сам учен.
Идем же—ибо нудит воля божия—
1540 Теперь в то место,—и не обернемся вспять.

(Идет сам. Обращается к Антигоне и Исмене.)

О дети, вслед идите. Я вожатым вам
Нежданном стал, как раньше были вы отцу.
Но подвигайтесь, не касаясь. Дайте мне
Святую ту могилу самому сыскать,
Где суждено у вас мне сокровенным быть.
Сюда идите, так, сюда. Ведет меня
Гермес-вожатый и теней Владычица.

(Поднимает руку к солнцу.)

О свет бессветлый, мне сиявший некогда,
1550 Меня—слепца—в последний раз коснулся ты!
К скончанью жизни я бреду—в Аид ее
Сокрыть.

(Фесею.)

Ты, милейший между чужеземцами,
Ты сам и край твой, и твои соратники

Благополучны будьте и, блаженствуя,
О мертвом пàмятуйте, вечно счастливы!

*(Уходит; Фесей, Антигона, Исмена и слуга Исмены
следуют за ним.)*

СТАСИМ IV

Х о р

СТРОФА

Коль нам можно ту незримую вовек
Деву в молитвах чтить и с ней
Тебя, царь теней,
1560 Адоней-бог! Адоней-бог!—Я молю: пусть снизойдет
гость,
От вас смерть прияв без скорбей, без труда,
В юдоль мертвых, вниз,—что скрывает всех навек—
В стигийское жильё.
Коль много понапрасну бед тебе повитерпеть при-
шлось,
Тебя возвысит снова справедливый бог!

АНТИСТРОФА

Земных девы недр! О ты, зверь, что там,
Непобедим, у гладких врат—
1570 Как говорят—лежишь
И рычишь—лют—из пещер тех—о Аидова обиталища
Необоримый страж—как вещает молва—
О Тартара дитя и Земли! Я зову
Тебя, дай сойти
Ты гостю новому легко туда, в подземный мертвых
дом!
Тебя я призываю, вечносонного!

ЭКСОД

СЦЕНА I

С л у г а И с м е н ы

(входя, хорю)

Сограждане, когда б я в речи краток был,
1580 Одно сказать я мог бы, что погиб Эдип.
О том же, как свершилось, передать нельзя
В словах немногих, ни о всём, что было там.

К о р и ф е й

Так он погиб, злосчастный?

С л у г а И с м е н ы

(Корифею)

Что покинул он
Свою вседневно бедственную жизнь, узнай.

К о р и ф е й

Как? Божьим ли веленьем и без болести?

С л у г а И с м е н ы

Оно-то и достойно удивления.
Как он пошел отсюда—сам при этом быв,—
При нем,—ты знаешь,—проводящих не было,
Он сам нам всем, напротив, путь указывал.
1590 Когда ж к крутому спуску он приблизился,
Где медные ступени под землей лежат,
Стал на дороге, где их две расходятся,
Вблизи глубокой котловины, в месте том,
Где Перифой с Фесеем клялись в верности.
Остановившись меж скалой Форикия,
Дуплистой грушей и гробницей каменной,
Там сел. Затем он скинул платье смрадное
И, дочерей окликнув, чистых струй принести
Велел—омыться и для возлияния.
1600 Они ж, на холм отправясь,—видный издали,—
Деметры благозлачной, волю отчую
Исполнили немедля и, омыв его,
В одежды облачили, как обряд велит.
Когда ж свершили все и стал он радостен,
И неисполненного не осталось,
Вдруг возгремел подземный Зевс, и девушки
Затрепетали, слыша. И, отца припав
К коленам, плакать стали, ударять себя
В грудь беспрерывно, и вопили длительно.
1610 А он, когда услышал горький голос их,
Сложив над ними руки, молвил: «Дочери,
Отныне нет уж более отца у вас,
Затем, что вот погиб я и вся жизнь моя,
И от забот тягчайших вы избавлены,
Жестоких,—знаю, дети. Но единое
Все те страданья слово разрешит мое:
Любви нет глубже той, какую видели
Вы от меня; но ныне, лишены ее,
Остаток жизни проведете, дочери!»
1620 И так, друг друга обнимая, вместе все
Рыдали слезно. А когда конец настал
Стенаньям и уже не подымался вопль,—
Молчанье было. И какой-то голос вдруг

Позвал его, и дыбом встали волосы
У всех внезапно, страха убоявшихся.
А бог взывает много раз и явственно:
«Эдип, Эдип, зачем же мы замедлились
Итти? Запаздываешь ты и так давно». 1630
А он, когда услышал, что от бога зван,
Предстать Фесея просит повелителя.
Когда ж пришел тот,—молвил: «О любезный мой,
Дай руку детям в знак старинной верности.
Вы, дети, также; подтверди кивком, что их
Не выдашь добровольно, но исполнишь все,
Благое мысля и всегда на пользу им».
А он, как благородный муж, немедленно
Дал, соглашаясь, клятву гостю сделать все.
Когда же согласился он, тотчас Эдип,
Детей рукой коснувшись слабой, молвит им: 1640
[«О дети, с твердым духом претерпел я все...]
Отсюда отойдите и не требуйте
То видеть, что не должно, и речам внимать.
Скорее удалитесь. Пусть Фесей один
Пребудет и познает, что свершается».
Как это говорил он, все мы слышали
И, слезы проливая, вместе с девами
Отправились. Когда же отошли едва
Оттуда, вскоре, обернувшись, видим мы,
Что он уже в том месте не находится... 1650
Фесей же, очи заслонив, у лба держал
Перед собою руку, словно встал пред ним
Страх некий грозный, нестерпимый зрению.
А после видим мы, в недолгом времени,
Что он к Земле с молитвой обращается
И к божьему Олимпу,—одновременно.
Какой же смертью он погиб, сказать того
Опречь Фесея из людей никто б не мог.
Затем, что никакая божья молния
Его не похищала, огненосная, 1660
Ни смерч морской, в то время вдруг поднявшийся.
Посол ли то богов был, иль земли под ним
Разверзлась благосклонно глубь бессветная?..
Так без стенаний, болестью не мучимый,
Исчез из глаз,—достойный удивления
Всех боле смертных. Если вам безумною
Речь эта мнится, вас сочту безумцами.

К о р и ф е й

А где ж девицы и друзья, их спутники?

С л у г а И с м е н ы

Тут недалеко. Звук их воплей слышится,
Нас извещая, что они сюда спешат.

(*Входят Антигона и Исмена.*)

СЦЕНА II

КОММОС

СТРОФА I

А н т и г о н а

1670 Увы! Увы! Ах!.. Вот когда нам
Выпала доля отцову родимую
Оплакать кровь проклятую—несчастливым двум,—
Из-за которой мы
Много терпели труда непрерывного!
Ныне же о несказанном поведем,—
Что зрели, как страдала я.

Х о р

Но что же?

А н т и г о н а

Можно догадаться, милые.

Х о р

Ушел?

А н т и г о н а

1680 Как пожелал бы для себя ты сам.
Иль не так?.. Арей
С ним не встретился, ни море,
Но незримою равниной
Был он взят, и подошла втайне смерть.
О горе! А на очи нам
Ночь зловещая упала!
Как теперь, где, в краях
Отдаленных иль по вóлнам
По морским скитаясь бурным,
Мы добудем трудный хлеб?

И с м е н а

1690 И не знаю. О когда бы
Мне послал Аид кровавый
Смерть с отцом родимым,
Несчастной! Ведь отныне здесь
Будет не в жизнь мне эта жизнь.

Х о р

Благих чад чета! Сносить, что поплют
Боги, должно нам достойно.
Горьких слез не лейте боле,—
Безупречно вы путь свершали.

АНТИСТРОФА 1

А н т и г о н а

1700 Томлюсь, должно быть, я о прежних бедствиях..
Часто бывало мне милым немилое,
Когда его держала я рукой своей.
О отец мой! О милый мой!
О облаченный подземною теменью!
Ты стариком для меня не возлюбленным
И для нее—не будешь!..

Х о р

Свершилось?

А н т и г о н а

Да, свершилось, как он сам желал.

Х о р

Но как же?

А н т и г о н а

1710 Где хотел он—на земле чужой,—
Умер тут. Сном почил
Вечным под благою навеки сенью
И оставил скорбь и слезы.
И о тебе, о отец, стон и плач
Очей моих,—и силы нет.
Как же, как теперь, несчастной,
Мне избыть эту скорбь?
О, увы, ты на чужбине
Умереть хотел и умер
Одиноким у меня.

И с м е н а

О несчастная! Какой же
Безысходный, одинокий
Ожидает...
Рок одиноких, без отца,
Тебя и меня, родная!

Х о р

1720 Но всё ж он конёц блаженно разрешил
Жизни, милые, своей.

Перестаньте ж' сокрушаться:
Не избавлен никто от горя.

СТРОФА 2

Антигона

Туда обратно, милая, пойдём!

Исмена

Зачем?

Антигона

Рвусь душой видеть.

Исмена

Что?

Антигона

Узреть его приют святой.

Исмена

Но чей?

Антигона

Отца. О, горе мне!

Исмена

Как это может быть? Ужель
Ты не видишь...

1730

Антигона

Попрекаешь?

Исмена

...что отец...

Антигона

О, что же снова?

Исмена

Без могилы умер, втайне.

Антигона

Отведи и там убей!

Исмена

Ай! Ай! Где ж, злосчастной, мне вновь
Одинокой, беспомощной
Влачить мой век страдальный?

АНТИСТРОФА 2

Х о р

Не трепещите, милые.

А н т и г о н а

Куда бежать?

Х о р

Раз побег спас.

А н т и г о н а

Когда?

Х о р

1740 Когда избегли смерти злой.

А н т и г о н а

Но я...

Х о р

Что замышляешь ты?

А н т и г о н а

Я думаю уйти домой;
Как,—не знаю...

Х о р

Полно думать.

А н т и г о н а

Скорбь во мне.

Х о р

Была и раньше.

А н т и г о н а

Было трудно, ныне ж—вдвое.

Х о р

Ваших бед велико море.

А н т и г о н а

[Так, так...

Х о р

Сам с тобой согласен.]

Антигона

Ныне, ах! Куда идти нам, о Зевс!
И к каким теперь надеждам
Направляет даймон нас?

1750

СЦЕНА III

(Входит Фесе́й.)

Фесе́й

Перестаньте, о дети, рыдать. О тех,
На которых Подземных лежит благодать,
Не должно скорбеть: нечестиво!

Антигона

О Эгея сын, припадаем к тебе...

Фесе́й

Что хотите, о дети, чтоб выполнил я?

Антигона

Одного мы хотим:
Самолично увидеть могилу отца.

Фесе́й

Не дозволено вам [туда подступать.]

Антигона

Что сказал ты, о царь, повелитель Афин?

Фесе́й

1760

О дети, он сам не велел, говоря,
Чтоб к этим местам никто из людей
Не дерзал приближаться и громко взывать
К святому приюту, где он сокровен,
И что если я честно исполню завет,
Мне вечно владеть беспечальной страной.
И даймоны наши внимали тому
Со всеслышащим Диевым Орком.

Антигона

1770

Но ежели в мыслях он это имел,
Того и довольно. А нас отошли
В древлезданные Фивы, коль можем еще
Помешать мы убийству, что ныне грозит
Нашим братьям родным.

Ф е с е й

Я исполню и это, и все, что могу
Вам на пользу обеим свершить, а ему—
Что в подземный приют недавно ушел—
На радость. Нельзя уставать мне.

Х о р

Итак, прекратите же обе теперь
Рыдания свои,
Ибо слово мое—нерушимо.

(Все уходят.)

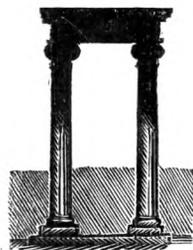

АНТИГОНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Креонт, царь Фиванский
Евридика, жена его
Гемон, их сын, жених Антигоны
Антигона } дочери прежнего царя Эдипа
Исмена }
Тиресий, слепой прорицатель
Мальчик, поводырь Тиресия
Страж
Вестник 1-й
Вестник 2-й
Корифей хора
Хор старейшин города Фив

*Действие происходит в Фивах Беотийских,
перед дворцом.*

ПРОЛОГ

Антигона

Исмена, о родная ты головушка!
Не знаешь разве, что при нас Эдиповы
Все бедствия доводит до скончанья Зевс?
Ведь нет такого горя или пагубы,
Позора и бесчестья нет, которых бы
В твоих я бедах иль в моих не видела.
Вот и сегодня что толкуют в городе?
Какой приказ владыка огласил Креонт?
Что-либо ты слыхала? Иль темна тебе
10 Беда, что ныне брату от врагов грозит?

Исмена

Нет, Антигона, радостной, ни горестной
Не доносилось вести до ушей моих
С тех пор, как сразу братьев двух лишились мы,
Рукой друг друга убиенных в день один.
Лишь знаю, что аргивян войско прочь ушло
Сегодняшнею ночью—и не более,—
И оттого не хуже и не лучше мне.

Антигона

Я так и знала. Для того и вызвала
Тебя из врат дворцовых, чтоб одной сказать.

Исмена

20 Что приключилось? Вижу, ты взволнована.

А н т и г о н а

Да, погребеньем одного почтил Креонт
Из наших братьев, у другого ж отнял честь,
Он Этеокла—говорят—как чин велит,
В земле скрыл, и Аида тот достоин стал.
Умершего ж злосчастно Полиника труп
Всем гражданам велел он чрез глашатая
Не класть во склеп—так молвят—и не выть о нем,
30 Чтоб не оплакан, не засыпан, сладкой стал
Он птиц добычей, пировать несущихся.
Толкуют, будто добрый сам Креонт тебе
И мне—о да, мне тоже!—возвестит о том.
И вот сюда идет он всем не знающим
Поведать ясно. А считает дело то
Немаловажным; и грозит послушнику
Смерть побиеньем всенародно камнями.
Так вот, теперь покажешь, благородна ль ты
Иль низкою от честных уродилася.

И с м е н а

40 Но что мне ныне делать—несчастливце!
Могу ль помочь я или воспрепятствовать?

А н т и г о н а

Смотри, подашь ли помощь мне? Со мной ли ты?

И с м е н а

В каком отважном деле? Что замыслила?

А н т и г о н а

Со мною вместе мертвого подынешь ли?

И с м е н а

Иль хоронить решила?.. Ведь не велено...

А н т и г о н а

Да, общего нам брата,—если даже ты
Не хочешь,—я не окажусь изменницей.

И с м е н а

О дерзкая!.. И против слов Креонтовых?

А н т и г о н а

Ни в чем Креонт не в силах мне помехой быть.

И с м е н а

50 Увы! Сестра, подумай, как отец у нас
Погиб, всем ненавистный, обесславленный,
Свои разоблачивший преступления,

Как вырвал оба ока сам рукой своей.
А мать-супруга—слово двуединое!—
Кончает жизнь со срамом в петле скрученной.
И, в-третьих, оба брата злополучные,
Убив друг друга, участь в день один одну
Себе рукой друг друга уготовили.
Теперь, одни оставшись, как мы бедственно
Погибнем—ты подумай!—коль, закон поправ,
60 Приказ владык преступим или волю их.
Еще же помнить надо, что мы женами
Родились и с мужами не вступать нам в бой
И что над нами властвуют сильнейшие;
Что мы во всем—и худшем—им покорствуем...
И потому к Подземным обращаюсь я,
Моля о снисхожденье,—подневольная.
Я буду подчиняться власть имеющим:
Что выше сил, нет смысла совершать того.

Антигона

Не предложу, когда бы и хотела ты,—
70 Была бы помощь мне твоя не сладостна.
Но будь, какую хочешь,—схороню его.
Умру прекрасной смертью, долг свой выполнив.
Мила ему, я лягу рядом с милым с ним,
Благочестиво прегрешив. Ведь больший срок
Мне угождать усопшим, чем живущим здесь.
Ведь буду вечно там лежать... А ты, сестра,
Не чти, коль хочешь, и богами чтимое.

Исмена

Всегда бессмертных чтила я, однако же
И против воли граждан не могу идти.

Антигона

80 Ты можешь уклоняться; я одна пойду
Могильный холм насыпать брату милому.

Исмена

Увы, страшусь я за тебя, несчастную.

Антигона

Нет, за меня не бойся. Береги себя.

Исмена

Не сообщай хоть никому о деле том,
Но потаенным сохраняй,—и я смолчу.

Антигона

Увы! Глази открыто! Ненавистней мне
Ты будешь много, коль не всем поведаеть.

Исмена

Все горяча ты сердцем, хоть и веет смерть.

Антигона

Уважу тех, которым угождать должна.

Исмена

90 О, если б!.. Но стремишься к невозможному.

Антигона

Нет, отступлюсь я только, если сил лишусь.

Исмена

За то, что невозможно, братья незначем.

Антигона

С такую речью ненавистна станешь мне
И ненавистна, поделом, покойному.
Ну, а моей дозволю ты безрассудности
Изведать этот ужас. Не могу стерпеть,
Чтоб смертью я погибла не прекрасною.

(Уходит.)

Исмена

Ну что ж, ступай, коль хочешь, но—безумица!—
Поверь, что близким ты близка по-прежнему.

(Уходит.)

ПАРОД

Хор

СТРОФА 1

100 Ты, луч солнца, проливший свет ныне на семиврат-
ный град

Фивы—краше стократ былых!—

Явил светоч свой, наконец,—око рдяного дня!—

Переступил ты через поток Диркейский

И аргосца с белым щитом, что предстал всеоружен,
Быстрым бегом назад погнал, уязвив узденицей!—

110 Мужа, коего в нашу страну Полиник,

В путь поднявшись, усобицы ради привел,

Над землей пропарившего, словно орел,

Издававшего клёкот пронзительный, грудь
Защищавшего снега белее крылом,—
С ним же рати пришли,
Как один—в конегривых шеломах.

АНТИСТРОФА 1

Вот, над кровлями став домов, прозявший кровавых
пик

120 Строем вокруг семивратных уст,—
Ушел, не успев напитать кровью нашу часть,
Раньше чем Гефестов огонь смоляный
Охватил сих башен венцы. Так Арей в тылу восшумел
Необорный ратям отпор, лютым данный Драконом!
Ибо Зевс—хвастунов громогласный язык
Ненавидит извечно и, их узрѐв,
Как широким потоком подходят они,
130 Златом в поле гремя,—за кичливую спесь—
Перуном свергает,—а тот уж мечтал
Со стены крепостной
Возгласить перед всеми победу!

СТРОФА 2

На землю, гулко взгремевшую, брошен, пал ниц
Пламя принесший в порыве безумном,—тот, кто,
Вакхом полный, здесь бушевал,
Словно вражьих натиск ветрѐв.
Но различен был удел,
И оделял разнo врагов, прочь их гоня, мощный Арей-
бог,

140 Милостив много!
Здесь семь вождей, пред вратами семью
Став в нечете равном, медяную дань
Оставили Зевсу, Смирителю бед,—
Кроме двух злополучных, кого родилá
Та же мать, у кого и отец был один,
Подъявших два двупобедных копьа,
Жребий смерти взаимно приявших.

АНТИСТРОФА 2

Но велеславная Ника пришла, в ответ дая
Улыбкой своей колесницами гордый Фивы град.
150 Эти войны ныне скончав,
Их забвенью мы предадим,
И к богам в храмы все
Хором всенѐчным снова пойдем! Фивами пусть,
землю бия, сам
Вакх руководит!

160 Но, взгляните, вот города нашего царь,
Менекеев Креонт,
Перед бедствием новым по воле богов,
К нам спешит; он с решением неким идет.
Потому и назначил, старцев созвав,
Совещание здесь,
Через глашатая оповестив их.
(*Входит Креонт.*)

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

Креонт

(*хору*)

170 Мужьи! Как ныне боги с осторожностью
Град потрясенный вновь на путь направили—
Я ото всех особо, через вестников
Велел притти вам, зная, как вы Лаеву
Всегда прилежно чтили власть державную,
А также помня, что, когда вознес Эдип
Наш град, а после сам погиб,—с детьми его,
Неколебимы сердцем, пребывали вы.
Итак—коль оба смертью двойной в один
Погибли день, сразившие и павшие,
Братоубийством руки осквернив свои,—
Державную приемлю я всю власть теперь,
Как всех ближайший по родству с погибшими.
Но трудно душу человека вызнать нам,
Намеренья и образ мыслей, прежде чем
Себя во власти и в законах выкажет.
180 Что до меня,—то всякий, градом правящий,
Коли советов добрых он не держится
И уст не размыкает, страхом скованных,
Всегда, и прежде, наихудшим мнился мне.
И тот, кто друга больше, чем отечество,
Чтит, то такого ни во что не ставлю я.
Затем, что сам—да знает Зевс всевидящий!—
Молчать не стану, видя, что ко гражданам
Спешит погибель вместо благоденствия.
И ввек я мужа, к родине враждебного,
В друзья не взял бы, зная, что она одна—
190 Благополучье наше и что с нею лишь
Плывя, прямой дорогой, обретем друзей.
Таких держась заветов, возвеличу град.
Теперь имею возвестить согражданам

136

О тех двух братьях, о сынах Эдиповых:
Эте́кла, что, за город этот ратуя,
Погиб, преодолевши всех копьем своим,—
Отдать могиле и обряд свершить святой,
Как достоин усопшим благороднейшим.
Его ж родного брата—о Поли́нике речь,—
200 Который край свой и богов отеческих,
Вернувшись из изгнанья, сжечь огнем мечтал
Дотла,—мечтал и братской кровью досыта
Упиться и рабами всех в полон угнать,—
О нем мы возвещаем граду,—мертвого
Не хоронить в могиле и не выть над ним.
Но так—непогребенным—хищным птицам в снедь
И псам его оставить, в безобразии.
Так порешил я, и злодей вовеки мной
Почтен не будет вместо справедливого.
Но тот, кто будет предан граду этому,—
210 Живой иль мертвый—будет мной всегда почтён.

К о р и ф е й

Ты в этом волен, Менекеев сын, Креонт,—
Решать о друзьях града и о недругах.
Закон какой угодно применять дано
Тебе к умершим и ко всем, кто здравствует.

К р е о н т

Как наблюдать могли б вы за предписанным?

К о р и ф е й

Кто помоложе, тем и труд нести вели.

К р е о н т

Но возле тела стражи уж поставлены.

К о р и ф е й

Так что ж иное приказать намерен ты?

К р е о н т

Не уступать тем, кто не повинуется.

К о р и ф е й

220 Безумцев нет, что умереть стремились бы.

К р е о н т

Да, смерть тому возмездьем... Все ж надеждою
Людей прельщая, к гибели корысть ведет.

(Вбегает страж.)

СЦЕНА II

С т р а ж

Царь, не сказал бы, чтобы скорым бегом я,
Запыхавшись, на легких прилетел ногах...
Затем, что медлил я не раз в раздумии,
В пути, тыл обращая, чтоб назад пойти.
Всё говорил я, сам с собой советуясь:
«Несчастный! Что бежишь ты?—Там ведь кара ждет!
Злосчастный, не остаться ли? А ежели
230 Весть от других получит, не восплачешься ль?»
Прикидывая, брел едва я, медленно.
А эдак длинным краткий путь становится.
Но наконец верх взяло всё ж: притти сюда,
К тебе; молчу покуда, но открою всё.
Затем, что не теряю ведь надежды я
Здесь претерпеть лишь то, что предназначено.

К р е о н т

Но что такое, перед чем робеешь ты?

С т р а ж

Скажу сначала о себе: я этого
240 Не делал и не видел тех, кто делали,—
Несправедливо, если б я в беду попал...

К р е о н т

Ты метко целишь, ловок выгораживать
Себя, однако ясно: скажешь важное.

С т р а ж

Ведь страшное внушает робость большую!..

К р е о н т

Ну, скажешь ты и, кончив, уберешься ли?

С т р а ж

Сейчас скажу: недавно кто-то мертвого
Похоронил и скрылся и землей сухой
По чину труп засыпал—и обряд свершил.

К р е о н т

Что говоришь? Из граждан кто ж дерзнуть посмел?

С т р а ж

250 Не знаю: и от топора там не было
Следов, ни куч от кирок,—но тверда земля,
Суха, без трещин вовсе, нет борозд на ней
И от колес: без следу дело сделали.

Лишь указал на это первым страж дневной,
Нашло на всех нас изумленье тяжкое:
Не виден, правда, но не погребен; на нем
Лишь тонкий—как от скверны—праха слой лежал.
И знаков зверя хищного, собаки ли
Бродячей, растерзавшей труп, не виделось.
260 Меж нас тут закипели речи бранные:
Страж уличает стража, и, дойди у нас
До драки, помешать ей было б некому.
Ведь все и каждый были в том виновники,—
Но ни один открыто; отпирались все,
И были мы готовы раскаленное
Железо брать руками, сквозь огонь пройти,
Богами клясться, что того не делали
И не были с другими в соучастии.
В конце же, как искать уж стало нечего,
270 Сказал один,—и сникли все от ужаса
К земле главою, и никто не мог из нас
Ни возразить, ни вздумать, как бы действовать
Получше,—а сказал он, что тебе открыты
Всё дело надо и скрывать не следует.
То мненье взяло верх, и бесталанному
Мне эта доля выпала веселая.
Пришел к недоброхотам, не охотою:
С дурным известьем никому не люб гонец.

К о р и ф е й

Царь, мне давно такая мысль на ум пришла:
Не от богов ли дело то ниспослано?

К р е о н т

280 Молчи, чтоб гневом я не преисполнился,
А ты безумцем не прослыл под старость лет!
Слова твои несносны,—будто Даймоны
Имеют попеченье о покойнике,
Или прикрыли, чтя, как благодетеля,
Его, который приходил затем сюда,
Чтоб храмы выжечь столпообнесенные
И разорить казну их, и закон, и край?
Иль видел ты, чтоб боги злых людей почли?
Не быть тому! Но на приказ мой в городе
290 Ворчат, им тяготятся, головой тайком
Покачивают, под ярмом, как следует
Не держа выю, мною недовольные.
Что ими *эти* склонены на дело то
За плату, понимаю превосходно я,
Затем, что хуже денег никакого нет
Установленья у людей. Крушат они

И города, и граждан гонят из дому,
И учат и склоняют благородные
Сердца к делам позорным и к свершенью их,
И указуют людям, как злодействовать
И в деле всяком совершать бесчестное.

(Стражу.)

Но кто за мзду работал, поступая так,
В свой день получит должное возмездие.
И если мною почитаем Зевс еще—
А это твердо знаешь,—я при всех клянусь,—
Что, если в погребении повинного
Найдя, пред очи мне его не явите,
Аид не дастся вам, пока той наглости—
Подвешены живыми—не раскроете.
Так, про барыш проведав—где нажать его,—
Пожалуй, там и грабьте,—только помните,
Что следует не всякий нам барыш любить.
Да, от презренных прибылей увидишь ты
Несчастья больше, чем благополучия.

Страж

Сказать дозволишь, или так назад итти?

Креонт

Не знаешь разве, как горька мне речь твоя?

Страж

А ухо или душу так язвит она?

Креонт

Что горю места ищешь точно,—где оно?

Страж

Виновник огорчает сердце, уши—я.

Креонт

Увы, как видно, болтуном родился ты.

Страж

Не я поступок тот свершил, поистине!

Креонт

Свершил и душу предал, деньги взял к тому ж.

Страж

Увы!

(В сторону.)

Ужасно думать так, при этом ложное.

Креонт

Знай разглагольствуй! Но коль вы виновников
Проступка мне не явите,—узнаете,
Что только беды причинит барыш худой.

(Уходит.)

Страж

Уж лучше б отыскался... Только будет ли
Он пойман, нет ли—это дело случая...
Нет, не увидишь, чтоб сюда вернулся я.
330 Теперь же, против ожидания спасшийся,
Я божествам обязан благодарностью.

(Уходит.)

СТАСИМ I

Хор

СТРОФА 1

Всяческих много в мире сил, но всех их человек
сильней.

Через море седое он в пору лютых ветров, зимой,
Едет смелый, переправляясь по ревушим вокруг волнам
И всех богов превыше—Гею—
340 Нудит несмертную он, неутомную,
Вдоль, поперек бороздя ее из году
В год плугом,—рядом в поле друг-конь.

АНТИСТРОФА 1

И легкодумных племя птиц, сеть накинув на них, берет:
Ловит диких зверей стада и пучины морскую тварь,
Снасть из вервий крепко скрутив, преискусный в деле
муж;

350 Он хитростью смиряет зверя
Горного или коня космогривого,
Он укрощает и неутомимого
Охватившим выю игом тура гор.

СТРОФА 2

И речь, и ветровую мысль,
И градоблюстительный пыл
Себе он усвоил, и как бежать
Хладных стрел морозной росы
360 И ливней, падающих с неба,—
Всеуспешен; неуспешен никогда,
Идет вперед,—Аида лишь
Избежать не в силах он,—
Хоть от недугов злых и зелье выдумал.

АНТИСТРОФА 2

Но мудростью—не упованием—
Богат, хитроумным искусством,
То к злу он, то к благу идет. Законы
Почитает страны родной,
Богов святой и правый суд—
370 Сильный в граде; жалок в граде тот, к кому
Худое льнет от дерзких дел.
Пусть пред очагом моим
Ни он не сядет, ни одно с ним мыслящий.

К о р и ф е й

Видя чудное чудо, с сомнением борюсь:
Как же,—зная,—могу отрицать я, что там
Не иной кто,—дитя-Антигона была?
Горемычная ты!
380 О Эдипа—отца-горемыки—дитя!
Неужели?.. Ведут не тебя ли за то,
Что ослушалась ты повелений царя,
Что в безумье то дело свершила?

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

СЦЕНА I

С т р а ж

(входя с Антигоной)

Вот та, что дело сделала. Схватили мы
Ее за погребеньем трупа. Где ж Креонт?

К о р и ф е й

Обратно он выходит кстати из дому.

К р е о н т

(входит)

В чем дело? Почему я вышел во-время?

С т р а ж

Царь, смертным нам ни в чем нельзя зарок давать:
Размыслишь,—и решение ложным кажется.
390 Я думал, что едва ли возвращусь сюда,
Угрозами твоими удручен совсем.
Однако радость, ежели не ждешь ее,
Куда сильнее любого удовольствия!
И я вернулся, хоть зарок дал; вот, веду
Ту деву, что за погребальным схвачена
Обрядом. Тут мы не бросали жребия,—
Моя находка, не другого,—дева-то.

400 Теперь, коли угодно, царь, бери ее
На суд и обличенье, я ж от бед своих
Освободиться вправе и избавиться.

Креонт

Но ты ее приводишь, как и где схватив?

Страж

Да прах тот погребала, всё ты знаешь сам.

Креонт

В уме ли ты и верно ль сообщаемь мне?

Страж

Да, ибо видел хоронившей мертвого
Против запрета—ясно ль говорю тебе?

Креонт

Но как ее застигли и схватили как?

Страж

410 Так было дело. Только удалились мы,
Твои угрозы выслушав ужасные,
Весь прах смахнули, покрывавший мертвого,
И, вовсе тело обнажив гниющее,
Мы наверху пригорка сели, за ветер,
Чтоб нам избегнуть смрада—не донесся бы,—
Друг друга бранью подбодря шумною,
Коль кто-нибудь к работе нерадив бывал.
Так время продолжалось, не взошел пока
Среди эфира солнца круг сияющий
И зной не распалился. И внезапно тут
Взвывает буря вихрь—беду небесную!—
Равнину застилая. Лист срывает весь
420 С лесов равнинных. Пылью наполняется
Эфир великий. Жмурясь, божий тершим гнев.
Когда же всё утихло—видим девушку,
Рыдающую горько, громким голосом,
Подобно птице, что постель птенцов своих
Нашла осиротевшей и пустым гнездо.
Так и она. Лишь голым увидала труп,
Вдруг завопила, плача, и проклятьями
Лихими проклинала совершивших то.
И, принеся тотчас же прах сухой в руках,
430 Подняв высоко медный крепкокованный
Сосуд, трикраты чествует умершего.
И, видя это, мчимся мы и вместе все
Ее хватаем, вовсе не сробевшую,

И уличаем в прежнем преступлении
 И в нынешнем,—она ж не отпиралася.
 И слушать было сладко мне и горестно,—
 Ведь самому-то избежать несчастья
 Куда как сладко, милых же в беду ввергать
 Всегда печально. Для меня беда ее
 Все ж меньше значит, чем мое спасение.

Креонт
 (*Антигоне*)

Ты, ты ответствуй, головой понижая!
 Что ж, подтверждаешь или отпираешься?

Антигона

И подтверждаю и не отпираюсь я.

Креонт
 (*страшу*)

Теперь, куда желаешь, отправляйся прочь.
 От обвиненья тяжкого свободен ты.

(*Антигоне.*)

А ты скажи в словах немногих, вкратце, мне,
 Того не делать повеленье знала ли?

Антигона

Да, знала. Как же иначе? Смысл ясен был.

Креонт

И все-таки дерзнула преступить приказ?

Антигона

Да, ибо то не Зевсом мне повелено,
 Не сопредостольной Преисподним Дикою
 Такой был установлен для людей закон.
 Не полагала, что твои всеильны так
 Веленья, чтоб законы божьи устные—
 Незыблемые все же—смертный мог попрасть.

Ведь не отныне и не со вчера живут,
 Когда ж явились, никому не ведомо.
 Из-за твоих же, не страшась чьего-либо
 Сужденья, не желала пред богами быть
 В ответе,—знала, что умру—не правда ли?—
 Хоть и не объявлял бы. Если ж ранее
 Умру я срока, выгодой и то почту.
 Кто, мне подобно, в бедах многочисленных
 Живет, тем разве умереть не выгодно?
 Ничто мне эта участь по сравнению

740

С моею скорбью. Но когда б сын матери
Моей был мной оставлен несхороненным,
О том скорбела б—только не об участи!
Коль это глупым ты сочтешь, едва ли я
Не перед глупым обвиняюсь в глупости.

К о р и ф е й
(*про себя*)

Суровый виден нрав отца сурового
У девы. Не умеет уступать беде.

К р е о н т

Но помни, что чрезмерно непреклонный нрав
Всего скорей сдается, что крепчайшее
Железо, от закалки затвердевшее,
Разбитым чаще видим мы и сломанным.
Уздечкой малой—знаю—самых бешеных
Коней смиряют. И не должен много мнить
Тот о себе, кто в рабстве у родных своих.

(*Корифею.*)

480

Она уж тем сумела наглость выказать,
Что прѣзрела законы прележащие,
Вторая ж наглость—после, сделав первую,
В глаза смеяться, хвастаясь, что сделала.
И не был бы я мужем, но она была б,
Коль ей пройдут без кары посягательства.
И будь она хоть сестрин отпрыск, ближе будь
И самого мне даже Зевса-Геркия,
Всѣ ж не избегнет ныне, ни сестра ее,
Участи злейшей; ибо я и ту равно
490 Виню, что порешила схоронить его.

(*Слугам.*)

И ту зовите. Я ведь видел только что,
Как, потеряв рассудок, там беснуется.
А сердце уличает вора тотчас же,
Коль что-нибудь неправо свершено во тьме...

(*Антигоне.*)

Да, ненавижу тех, кто, в преступлениях
Злых уличенный, их прикрасить пробует.

А н т и г о н а

Иль большего желаешь, чем убить, схватив?

К р е о н т

Нет, этого достигнув, я всего достиг.

Антигона

500 Чего же медлишь? Мне ведь все слова твои
Не по сердцу и будут впредь не по сердцу.
И ты моих, пожалуй, не одобрил бы.
Хотя откуда славу я славнейшую
Снискала б, если б брата я родимого
Не погребла? И это все одобрили б,
Когда бы языка им страх не сковывал.
[Но тирания в этом их счастливее
И может сделать и сказать, что хочется.]

Креонт

Одна из всех кадмейцев это видишь ты.

Антигона

И старцы видят, да не смеют рта раскрыть.

Креонт

510 И не стыдишься с ними мыслить розное?

Антигона

Нисколько не позорно кровных братьев чтить.

Креонт

Иль был не братом,—кто в единоборстве пал?

Антигона

Да, братом от одних отца и матери.

Креонт

Чтишь нечестивца? Оскорбляешь лучшего?

Антигона

Не засвидетельствует этих слов мертвец.

Креонт

Напротив, коль с безбожным равно чтишь его.

Антигона

Не раб какой-то, но родной мой брат погиб.

Креонт

Край разоривший,—тот же на защиту встал.

Антигона

Аид единых всё ж законов требует.

Креонт

Дурных и честных часть неодинакова.

Антигона

(указывая вниз)

Как знать, что благочестьем там считается.

Креонт

Вовек не станет другом и умерший враг.

Антигона

Не ненавидеть, но любить родилась я.

Креонт

(указывая вниз)

Коль должно, в землю идя, их любить, люби:—
Но я покамест жив,—не править женщине.

(Входит Исмена.)

СЦЕНА II

Корифей

Вот из двери Исмена выходит как раз,
Братолюбига, капают слезы из глаз,
И туча упала на лоб, исказив
Раскрасневшийся лик:
Орошает прелестные щеки она.

Креонт

(Исмене)

А ты, под кров мой, как ехидна, вползшая,
Меня, таясь, сосала, и не видел я,
Что два питаю лиха и двойной мятеж!
Ну, молви, в этом погребеньи часть твоя
Была, иль поклянешься, что не ведала?

Исмена

Свершила—если это признаёт она!—
И соучаствовала и вину несу.

Антигона

Нет, не допустит Дика: отказалась ты,
И не была мной принята в сообщницы.

И с м е н а
540 Но в злочлоченьях мне твоих не совестно
Сообщницей страданий ныне сделаться.

А н т и г о н а
Чьих рук то дело, знают Преисподние,—
Но мне не любя любящая на слове.

И с м е н а
Нет, не откажешь в чести мне, сестра моя,
С тобой погибнуть и очистить мертвого.

А н т и г о н а
Нет, не умрешь со мною, непричастная.
Своим чужого не считай. Одна умру.

И с м е н а
Но как, тебя лишившись, жить мне, милая?

А н т и г о н а
Спроси Креонта: ты его угодница.

И с м е н а
550 Зачем терзаешь, коль самой нет пользы в том?

А н т и г о н а
Но я ж страдаю, горько над тобой смеясь.

И с м е н а
Но чем тебе могла бы я полезной быть?

А н т и г о н а
Спасай себя,—не стану я завидовать.

И с м е н а
Увы мне, бедной! Я ль чужда судьбе твоей?!

А н т и г о н а
Но ты ведь жизнь избрала, я же—смерть себе.

И с м е н а
Не потому, однако, что молчала я.

А н т и г о н а
Одним ты правой, я—другим казалася.

И с м е н а
Но всё ж вина обеих одинакова.

Антигона

560

Смелее будь! Живешь ты, а моя душа
Давно мертва, и в пользу только мертвым я.

Креонт

(хору)

Я утверждаю, что одна безумствует
Недавно, а другая—с дня рождения.

Исмена

Природный разум невредимым быть, о царь,
Не может у несчастных, он теряется.

Креонт

Твой—верно, коль с худыми хочешь зло творить.

Исмена

Но одинокой без нее как жить могу?

Креонт

Не говори же «без нее»—уж нет ее.

Исмена

Ужель казнишь невесту сына милого?

Креонт

Пригодны нивы и других для пахоты.

Исмена

570

Не сыщешь столь удобной ни ему, ни ей.

Креонт

Невестку я дурную ненавидел бы.

Антигона

О милый Гэмон, как отцом унижен ты!

Креонт

Ты мне постыла со своею свадьбою.

Корифей

Ужели сына своего лишишь ее?

Креонт

По мне, их браку положил Аид конец.

Корифей

Предрешено, как видно, что умрет она.

Креонт

Для нас обоих ясно.

(Слугам.)

Так не медля в дом

Их отведите, слуги; обе женщины

Сидят пусть под запором, крепко-накрепко.

580

И храбрецы пытаются бегство, ежели

Они Аид увидят подступающим.

(Стражи уводят Антигону и Исмену.)

СТАСИМ II

Хор

СТРОФА 1

Блаженны меж смертными те, чья жизнь не знала зол.

Чей же дом по воле богов потрясен, беды

Никакие тех не минуют, и род их сгинет.

Так волны прядают морские

При задувших злобно ветрах

Фракийских, лишь подводный набежит мрак, —

590

И катят черный из морских глубин песок,

Бурей взбаламученный, —

И, отражая их прибой, гудят берега.

АНТИСТРОФА 1

Я вижу, как рушатся вечно на Лабдаков дом

Беды вслед за бѣдами тех, что погибли прежде;

И не избавят правнуки внуков, — их некий губит

Бог, и нет им избавленья.

Вот и ныне над последним

600

Побегом свет едва блеснул в Эдиша доме, —

Уже его кровавый серп богов подземных

Вновь срезает без пощады, —

И слов безумье, и затменный гневом дух.

СТРОФА 2

Твою, Зевс, моготу какая

Человеков гордыня сломит?

Ее не берет ни сон, что тела людские нежит,

Ни череда неутомимых

610

Месяцев; но свободен от лет, владыка, ты

Пребываешь в яснозарном Олимпа блеске.

В настоящем и в грядущем,

И в минувшем, смертным довлеет

Один закон: не быть тому

В жизни людей, чтоб не было вовсе в ней бѣд.

АНТИСТРОФА 2

Зане, ложью маня, надежда

Бывает смертным иным на пользу,

450

Но многим она—обман легкомысленных страстей.

К тем, кто неопытен, крадется,
Пока он ногй в горячем огне не обожжет.

620

Ибо мудро кто-то славное молвил слово:

Что дурное мнит благим

Тот, которого мысли бог

Направляет сам к беде,—

Тот будет недолго жить вдалеке от злых бед.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

СЦЕНА I

К о р и ф е й

То не Гёмон ли, отпрыск юнейший из всех
Детей твоих, к нам подходит, скорбя
О судьбе Антигоны, невесты своей,
Сокрушаясь, что их обманул брак?

630

(Входит Гемон.)

К р е о н т

(корифею)

Узнаем скоро лучше всех кудесников.

(Гемону.)

О сын, конечно, приговор услыша наш,
Из-за невесты на отца не гневен ты?
Как мы ни поступали б, милы ль мы тебе?

Г е м о н

Отец, я—твой, и, если мыслишь благостно,
Мои ведешь ты мысли, я же следую.
Любого брака для меня прекраснее,
Когда прекрасно мною руководишь.

К р е о н т

Вот это, сын, и должен ты в груди хранить,—
Что отступает всё пред волей отчею.
Того ведь ради, смертные, и молим мы
Послушливых потомков породить в дому,
Чтоб и врагу умели злом воздать они
И чтобы друга чтили так, как чтит отец.
А тот, кто бесполезных народит детей,
О том что молвить? Что родил обузу он
Да для врагов великое посмешище?
Итак, своим рассудком ради прихоти
Не помрачайся, сын мой, из-за женщины

640

650 И твердо знай: объятья хладны, ежели
Жена дурная в дом войдет супругою,—
А есть ли больше язва, нежели друг дурной?
Но, отвратясь от девы, как от недруга,
Ей предоставь в Аиде в брак с любим вступить.
Теперь, когда открыто я поймал ее,
Ослушницу из граждан всех единую,
Лжецом во граде я себя не выкажу,
Ее убью. На помощь кличет Зевса пусть
Родохранильца! Если воспитаю я
660 Родных в непослушанье, что с чужих спрошу?
Ведь кто в делах домашних беспристрастен, тот
И как правитель справедлив окажется.
А кто закон нарушит иль не выполнит,
Иль мнит себя имущим власть приказывать,
Тот похвалы не сможет получить моей.
Тех, кто поставлен градом, должно слушаться
И в малом, и в законном—и в обратном им.
Ручаюсь за такого, что отлично он
Сам правит и правленье любит доброе
670 И в буре битвы, близ тебя окажется
Надежным и отличным сотоварищем.
Нет зла на свете больше, чем безвластие;
Оно и грады губит, и дома в раззор
Ввергает, и, союзных войск погнав ряды,
Их разрывает; если же в порядке строй,
Так он спасен бывает послушанием.
Всем должно защищать, что установлено,
И женщине отнюдь нам уступать нельзя.
Ведь лучше—если нужно—мужа власть терпеть,
680 Но не считаться уступившим женщине.

К о р и ф е й

Нам—если только возраст нас не путает—
Весьма разумно говорящим кажешься.

Г е м о н

Отец мой, людям боги разум даруют,
Из всех, на свете сущих, благо высшее.
И если даже ты неправ в словах своих,
Я ничего об этом не смогу сказать.
Но и к другим приходят мысли добрые.
Взамен тебя мне узнавать естественно,
Что делают, толкуют и бранят кого.
690 Поскольку взор твой страшен горожанину,
Когда тебе бывает речь не по сердцу.
А я могу ведь слушать незамеченным,

Как о девице город наш печалится, —
Что из всех женщин самая невинная
Позорно гибнет за достойный подвиг свой,
Та, что не допустила брата, павшего
В кровопролитье и непогребенного,
От жадных псов погибнуть и от хищных птиц.
Златой достойна не она ли почести?..
700 Такая глухо молвь доходит темная...
Однако, если благоденствен ты, отец,
Приобретенья нет мне драгоценнее.
Что так отрадно детям, как цветущего
Отца благая слава? Иль детей—отцу?
Итак, уверенности не питай, что всё,
Что утверждаешь,—правда, и ничто кроме.
Ведь всякий, мнящий, что лишь он один умен,
Что красноречьем и отвагой всех первой,
710 Коль разобратся, вдруг ничем окажется.
Но мужу—как ни мудр он—не позор ничуть
Учиться много и упорным в меру быть.
Ты знаешь, в пору ливней зимних те древа,
Что гнутся долу, сохраняют ветви все;
Упорные же с корнем исторгаются.
Так точно тот, кто, крепкий корабля причал
Не уступая, правит,—вспять откинутый,
Корабль свой опрокинув, килем вверх плывет.
Так уступи и гнев свой укроти, затем,
720 Что если мнение—хоть мое, юнейшего,—
Что-либо значит, говорю: всего ценней,
Коль муж с рожденья полон знания всякого.
А если нет—бывает часто так!—тогда
Разумно говорящим хорошо внимать.

К о р и ф е й

Царь, ты бы должен—коль уместно молвить мне—
Ему внять тоже: хороша обоих речь.

К р е о н т

Мне, старику, неужто ж надо разуму
Теперь учиться у такого мальчика?

Г е м о н

Быть только справедливым. Хоть и молод я,
Но должно не на возраст, на дела смотреть.

К р е о н т

730 Ужели дело—почитать ослушников?

Г е м о н

Но я не предлагал ведь почитать дурных.

К р е о н т

Недугом тем же разве не больна она?

Г е м о н

Того не подтверждает наших Фив народ.

К р е о н т

Предпишет ли мне город, что приказывать?

Г е м о н

Не видишь разве, что, как мальчик, речь ведешь?

К р е о н т

Другому, что ли, в этом граде власть иметь?

Г е м о н

Не государство,—где один владыкою!

К р е о н т

Но разве государство—не царев удел?

Г е м о н

Прекрасно б ты пустыней управлял один!

К р е о н т

(хору)

740 Он, очевидно, дева той споборствует.

Г е м о н

Коль сам ты дева: о тебе ж забочусь я.

К р е о н т

О негодяй, бесстыдно на отца идешь?

Г е м о н

Противу правды, вижу, прегрешаешь ты.

К р е о н т

Тем прегрешаю, что свое господство чту.

Гемон

Не чтишь, когда почтенье ты к богам попрал.

Креонт

О нрав преступный, женщине поддавшийся!

Гемон

Ты не докажешь, что служу постыдному.

Креонт

Так иль иначе—лишь она в речах твоих.

Гемон

И ты, и я, и боги преисподние!

Креонт

750 Раб женщины,—не думай лестью взять меня!

Гемон

Ты говорить желаешь, сам не слушая.

Креонт

И всё же с ней живою ты не вступишь в брак.

Гемон

Умрет, но смертью причинит другому смерть.

Креонт

С угрозами ты выступаешь, дерзостный?

Гемон

Угроза ли—с пустыми спорить мнениями?

Креонт

Заплакав, вразумишься, сам умом пустой!

Гемон

Не будь отец ты, назвал бы глушцом тебя!

Креонт

Так? Но, клянусь Олимпом, безнаказанно
Бранить и насмеяться не посмеешь ты.

(Слугам.)

760

Ведите ж эту язву, чтоб при суженом

Здесь умерла тотчас же на глазах его!

Г е м о н

Нет, не при мне, конечно,—и не думай так!—
Здесь не погибнет, но и головы моей
Твои вовек не узрят очи;—стало быть—
Других для сумасбродства поищи друзей!

(Уходит.)

СЦЕНА II

К о р и ф е й

Царь, удалился быстро он, разгневавшись,
А скорбный в этом возрасте опасен дух!

К р е о н т

Пусть делает, злословит, на отца идет—
Но этих двух от смерти не избавит он.

К о р и ф е й

700 Обоих ли подвергнуть казни думаешь?

К р е о н т

Не ту, что непричастна. Слово дельное.

К о р и ф е й

А ту казнить какой же хочешь смертью?

К р е о н т

Ушлю туда, где ты не встретишь смертного,
Ее живую скрою в склепе каменном,
Но предложу ей пищи на один обряд,
Чтоб мог избегнуть оскверненья город наш.
И там Аиду, что один лишь ею чтим,
Молясь, от смерти, может быть, избавится
Или, по крайней мере, убедится там,
780 Что тщетный труд—Аида чтить насельников.

(Уходит.)

СТАСИМ III

Х о р

СТРОФА

О Эрос-бог, в брани могуч,

О Эрос-бог, грозный ловец,

На нежных щеках юниц ночь ночующий! Мчишься ты,
И, над морем перелетая, ты и в звериный входишь лог.
Из бессмертных тебя не избежит никто,

790 Ни из нас, краткодневных, но, почуяв тебя, ярятся все.

АНТИСТРОФА

Не раз сердца праведных ты
В неправду вел, к гибели их,
И ныне мужей вовлек в распрю—крови одной двоих.
Но сильней любовный в очах пыл целомудренной невесты,
Пресидящей от века вышним богов уставам,—
800 Ибо не обороть никак игры правящей Афродиты!

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА I

К о р и ф е й

Вот теперь я и сам, выходя за предел
Приличий, при зрелище этом, увы,
Потока слез сдержатъ не могу,—
Созерцающая, как в терем, покоящийся всех,
Дитя-Антигона отходит.

(Входит Антигона, ведомая стражей.)

КОММОС

СТРОФА I

А н т и г о н а

Смотрите все, града родного люди, как я в последний
свой

Путь иду и в последний раз
Зрю свет солнца, и никогда
810 Вновь не узрю; ныне Аид-всеуспокоитель меня
На брег Ахеронта
Ведет, чуждую песен брачных.
И в покой провожать не станут гимнами гости
Невесту-деву, но с Ахеронтом в брак вступаю.

К о р и ф е й

Но не славной ли ты, не стяжавшей хвалу
В обитель умерших нисходишь теперь,
820 Сраженной не будучи хворью злой,
Не приявшей и казни мечом?—Но жива,
По своей ты охоте, из смертных одна
В Аид всеприемный нисходишь.

АНТИСТРОФА I

А н т и г о н а

Слыхала я, как погибла горько фригийская древле
гостья,
Танталида вблизи Сицила:

Словно цепкий плющ, охватил
Её вкруг скалистый отрог. Чахнет, и ни струи дождя—
Молвят в народе, —
830 Ни снег не престают над нею.
Но вечно, из-под ресниц, всечасно плача, слезы
Льет на кряж, — вот так и меня кладет на одр бог.

К о р и ф е й

Но богиня она и дитя божества,
Мы же люди, и смертными мы рождены.
И тебе, погибающей, велия честь,
Что, живая, стяжала ты жребий богов
И теперь подвизаешься в смерти!

СТРОФА 2

А н т и г о н а

840 Смеешься ты! Что же меня—родные боги!—
Неушедшую, так терзаешь,
Зрящую свет дня?
О град мой и вы, мужи
Града, знатные люди!
И-о, Диркейский ток и роща
Колесницами славных Фив,—всех
В свидетели вас теперь зову,
Как без вопля близких—по чьим законам?—
К холму насыпанному я иду, к невиданной мо-
гиле—

850 И-о, бедняжка!—
Ни человек, ни почивших,
Ни живущих спутница, ни мертвых!

К о р и ф е й

До крайней дерзости дойдя,
Так о высокий Дики трон,
Дитя, преткнулась больно ты
И платишься за грех отца.

АНТИСТРОФА 2

А н т и г о н а

Коснулся ты скорби моей наитягчайшей,
Злополучной отцовой доли
И участи общей
860 Нашей семьи всей,
Славной ветви Лабдака.
Увы! Одр матери преступный,
Соложе с сыном родным, несчастной

Матери брак с моим отцом,
От коих, злополучная, родилась я,
К которым—проклята, безбрачна—ныне обитать иду.

870

И-о, в злосчастный
Брак вступивший брат мой,—сам
Себя сгубил ты и меня, живую!..

К о р и ф е й

Как благочестно мертвых чтить,
Так власть того, кто власть несет,
Переступать нельзя; тебя
Твой своевольный погубил нрав.

ЭПОД

А н т и г о н а

880

Без вошей, без друзей, безбрачна
Я, злосчастная, ухожу
В уготованный мне путь.
Солнца священное око вовек мне уже не зреть, несча-
стной!..

Неоплаканную участь
Не проводит милых стон!

(Входит Креонт.)

СЦЕНА II

К р е о н т

890

Иль неизвестно вам, что вопль и жалобы
Предсмертные всё длились бы, будь прок от них?
Скорее уведите и, под сводчатой
Сокрыв ее гробницей, как велел я вам,
Одну оставьте брошенную, пусть умрет,
Иль в той пещере браком сочетается!
Мы перед девой остаемся чистыми,—
Но здесь на белом свете ей не жить уже.
(Стражи берут Антигону.)

А н т и г о н а

О склеп, о брачный терем, о подземное
Жилище, сторож вечный,—ухожу туда
К своим, к погибшим, что в толиком множестве
В обитель мертвых Персефоной приняты!
Последняя меж ними, с худшей долею,
В Аид схожу, хоть жизни путь не кончился.
Однако верю крепко, что, пришед туда,
Отцу мила я буду и тебе мила,
О мать, я милой буду и тебе, мой брат,

900 Затем, что вас, умерших, я рукой своей
Омыла, обрядила и надгробные
Свершила возлиянья. А теперь, прикрыв
Твой прах, Полинник, такую получаю мзду!
Ты всё же—для разумных—хорошо почтён.
Ведь если б довелось мне быть и матерью,
Иль ежели супруг мой стал бы, мертвый, гнить,
На это против граждан не решилась бы.
Какому же закону угождаю я?
Другой супруг нашелся б после мертвого,
910 Бзамен дитя другое он принес бы мне.
Когда же скрылись и отец и мать в Аид,
Не будет брата, что возрос бы некогда.
Но, хоть тебя почтила я, закон блюдя
Такой, Креонту я кажусь преступницей,
На страшное дерзнувшей,—о родимый брат!
И вот меня уводит ныне, силой взяв,
Безмужнюю, без брачных песен, чуждую
Избранника, дитяти не кормившую.
Так, брошена друзьями, злополучная,
920 Иду—живая—к мертвым в подземелие,—
Поправ какую справедливость божию?
Что пользы горемычной на богов еще
Взирать? Кого мне звать на помощь, если я
Обвинена в бесчестье—благочестная?
Но если пред богами то благим слывет,
Согласна я, что, согрешив, беду терплю.
А коль и боги грешны, пусть не больше зла
Претерпят, нежели я несправедливости.

К о р и ф е й

930 И доселе всё тех же порывом ветров
Одержима она.

К р е о н т

Потому-то ее провожатым рыдать
И придется за то, что медлительны так.

А н т и г о н а

Увы! Это слово к кончине совсем
Приближает меня.

К р е о н т

Да, бодриться тебе не советую я,
Словно нами не так о тебе решено.

(Уходит.)

Антигона

О земли Фиванской родимый град,
Наших мест божества!
Вот уведят меня, и не медлю уже.

(Хору.)

940

На меня взор киньте, властители Фив,
[На последний отпрыск рода царей,]
Как от этих мужей я страданье терплю,
За то, что почтенье почтила.

(Антигону уведят.)

СТАСИМ IV

Хор

СТРОФА 1

Так же древле дева Даная муку терпела,
Как лишилась света небес в окованном медью

Покое; и во тьме сокровенна,

В том могильном тереме браком сочталась.

А из рода была знатнейшего,—о дочь, дочь!

950

И от Зевса плод понесла — павшего ливнем золото-
струйным!

Но судьбы роковая век необорна сила.

Ее ни злато, ни Арей, ни стены, ни солью шумящий
Черных строй судов не могут избежать.

АНТИСТРОФА 1

Связан был и вспыльчивый сын владыки Дрианта,
Оный царь эдонов, за то, что горд и кичлив он

Был, и вот самим Дионисом

Заточен в узилище он из груди камня.

960

Но вскоре, капля за каплей страшный и ярый бред
Бешенства излился весь: царь постиг, что он—в без-
зумье

Бога, бешеный, задевал поносящей речью;

Что гнал богом полных жен и погашал Вакхов огонь

И раздражал дудолубивых—дерзкий—Муз.

СТРОФА 2

970

Возле Синих Утесов у моря Двойного, там,
Где Босфора берега и фракийский дикий град

Салмидесс,—подгородный видел Арей у тех

Сынов обоих Финей

Язвы проклятых ран

Слепых—к Аласторам подъявших громкий вопль

Провалами очей—их мачехи лихой

Окровавленными руками, без копы

Нанесенных, но набилок ткацких острием.

980 Изнываючи, горькие в горькой недоме слезы
 Лили, матери в браке несчастной быв детьми.
 А меж тем и она от древлерожденных свой
 Род вела Эреxfидов.
 В дальних она пещерах
 Среди отцовых бурь взлелеяна была—
 Бореада—под крутым холмом, быстра, что конь,
 Дочь богов; но тоже супротив нее
 Воздвиглись Мойры вековечные,—о дочь!

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

СЦЕНА I

Тиресий

(входя с мальчиком поводырем)

990 Фив государи! Общим мы пришли путем—
 Два при едином зрячем,—ибо нам, слепцам,
 Дорога провожатым указывается.

Креонт

Что, о Тиресий, старче, приключилось вновь?

Тиресий

Наставлю, ты же слушайся гадателя.

Креонт

Ума и раньше твоего не бегал я.

Тиресий

Затем-то город ты и вел путем прямым.

Креонт

В том признаюсь, что приносил ты пользу мне.

Тиресий

Смотри, опять на лезвие судьбы стоишь.

Креонт

В чем дело?—Ибо трепещу от слов твоих.

Тиресий

Узнай, моей науки внемля знаменьям.
 В том древнем сидя зданье-птицезорище,

1000 Где у меня был всякой хищной птицы слёт,
 Пернатых странный слышу голос, в бешенстве
 Кричащих злобно и невразумительно;
 И что когтями друг друга рвут кровавыми,
 Признал я. Шум же крыльев не безначен был.
 Я в страхе тотчас стал гадать по пламени
 На алтарях зажженных, но от жертв моих
 Огонь не возгорался, и на уголье
 От бедер сало, растопляясь, капало,
 Дымилось и плевало, и, раздувшись, желчь
 1010 Вдруг брызгала, и вскоре, уж обтекшие,
 Лежали бедра без покрова тучного.
 От мальчика узнал я, что неясственных
 Тех тайнодействий гибнут предвещанья —
 Затем, что он—вожатый мне, как я—другим.
 От приговора твоего болеет град,—
 Ведь жертвенники все и алтари у нас
 Осквернены и хищных птиц и псов жратвой
 От трупа Полдникова злосчастливого.
 Уже и боги жертвенных от нас молитв
 1020 Не принимают, ни от бедер—пламени;
 И не кричит уж птица благовещая,
 Наевшись крови жирной убиенного.
 Итак, об этом, сын, ты поразмысли. Всем
 Нам, человекам, ошибаться свойственно.
 Но кто ошибся, тот не легкомысленен
 И не несчастлив, ежели, в беду попав,
 Поправится и дале не упорствует.
 А непреклонность—в глупости упрек влечет.
 Нет, мертвого уважь ты и погибшего
 1030 Не мучь. Иль доблесть—добывать умершего?
 Тебе на благо речь благая. Сладостно
 Благой внимать нам речи, коль на пользу речь.

К р е о н т

О старец, все-то, словно в цель стрелки, в меня
 Стреляете вы метко,—и в гаданиях
 Я не оставлен вами; а роднёй моей
 И продан и погружен я давно уже.
 Корыстуйтесь, сбывайте же электр из Сард
 Иль, коль угодно, золото индийское,—
 Его в могиле всё же не схороните.
 1040 Когда бы в пищу Зевсовы орлы его
 Восхитить захотели к трону Диеву,—
 Я и тогда, той скверны не бояся, прах
 Не допустил бы погребать; известно мне,
 Что человек не в силах осквернить богов.
 Но погибают, о Тиресий-старче, те—

И сильные из смертных—гнусной гибелью.
Кто гнусно краснобаит ради выгоды.

Тиресий

Увы!

Да разве знают люди, разве думают...

Креонт

Что выскажешь? Какую мысль ходячую?

Тиресий

1050 ...насколько лучше всех богатств разумие!

Креонт

Насколько безрассудность—величайший вред.

Тиресий

Ей-ей, недугом этим полн ты отроду.

Креонт

Не стану дерзко отвечать гадателю.

Тиресий

Сказал уж дерзко, молвив, будто ложь реку.

Креонт

Но все сребролюбивы прорицатели.

Тиресий

А все тираны любят злоторыстие.

Креонт

Так говоря, забыл ты, что правитель я?

Тиресий

Нет, спасши город, чрез меня царем ты стал.

Креонт

Ты—волхв премудрый, да неправду любящий!

Тиресий

1060 Меня побудишь высказать заветное.

Креонт

Открой, но не старайся ради выгоды.

Тиресий

Ее и не получишь ты, я думаю.

Креонт

Знай, не подкупишь никогда души моей.

Тиресий

Но знай ты тоже верно, что не многие
Еще исполнит Гелиос ристания,
А ты, меж тем, уж детища любимого
Отдавшим труп за трупы те окажешься,
Затем, что душу бросить в глубь Аидову
Живую хочешь и позорно в склеп вселил;
1070 Что здесь ты держишь у подземных отнятый,
Не схороненный и лишенный чести прах,—
Что ни тебе, ни горним не дозволено
Богам, но что насильно против них творишь.
Уж за тобою мстящие погибелью
Следят Аида и богов Эринии,—
Чтоб теми же ты был постигнут бѣдами.
И посуди, подкуплен ли я деньгами,
Так говоря. Всѣ явит чрез недолгий срок
Тебе мужей и женщин вопль в дому твоём.
1080 [Богам враждебны, грады потрясаются,
Где плоть растерзанную оскверняют псы
Иль зверь, или крылатый хищник, смрад неся
Нечистый в город к очагам хранительным.]
Такие—ибо оскорблен,—как лучник, я
Направил в сердце гневно стрелы верные
Тебе, которых жара не избежешь ты.

(Мальчику.)

О мальчик, отведи нас к дому—пусть на тех,
Кто помоложе, гнев теперь направит свой
1090 И пусть научит свой язык потише быть,
И здравомысленнее ум, чем был сейчас.

(Тиресий с мальчиком уходят.)

СЦЕНА II

Корифей

Он удалился, царь, вещав ужасное.
А знаем верно, что с тех пор, как в белый я
Стал облачаться волос вместо черного,—
Он городу ни разу не поведал лжи.

Креонт

И сам я знаю, и смущаюсь мыслями.
Но тяжко уступить мне; кто ж упорствует,
Над тем потом стрясутся беды тяжкие.

К о р и ф е й

Благой совет потребен, Менекеев сын.

К р е о н т

Что ж делать надо? Сказывай,—послушаюсь.

К о р и ф е й

1100 Иди и деву из пещеры выпусти,
Лежащего ж открыто ты земле предай.

К р е о н т

И это одобряешь? Уступить велишь?

К о р и ф е й

Да,—и скорей как можно: от богов летят
Зломудрые—ногами быстры—Пагубы.

К р е о н т

Увы, против желанья уступаю, но—
Не след бороться нам с необходимостью.

К о р и ф е й

Иди же, делай и не поручай другим.

К р е о н т

Итак, иду, сейчас же.

(Слугам.)

Вы скорей, скорей!

1110 Кто здесь, кто в доме, слуги! Колуны бери!
И к месту риньтесь, издалека видному.
А я—раз приговор мой изменился к ней—
Как сам связал, так сам пойду и выпущу.
И впрямь боюсь: законов становителям,
Не лучше ль в мире жизнь нам проводить свою?

(Уходит.)

СТАСИМ V

Х о р

СТРОФА 1

Многоименный, девы цвет Кадмейской,

Дия тяжкогромного сын!—

Достославную хранящий

Италию, ты, царящий

В долах всеприимных Деметры

1120 Елевсинской! Ты,

О Вакх!—Вакха дев

Во граде родимом, Фивах,
Живущий, возле текучих
Струй Исмена, там, где был сев
Лютого Дракона!

АНТИСТРОФА 1

Тебя со скалы двуглавой яркий видит
Пламень, Корикийские где
Девы носятся вакханки,
Где Касталийский ток.
1130 И тебя с Нисейских нагорий
Плющевые склоны
И зеленый брег к нам,
Лозообильный, шлют,—
Когда бессмертных «эва!»
Поднят клик, и, благодостный, ты
На Фив зриаешь стогна!—

СТРОФА 2

Кои чтишь превыше всех градов с матерью равно,
Убиенной Громовержцем!..
1140 И теперь, как поражен
Наш град тяжелым недугом весь,
Стопою очистительной к нам, бог, гряди
С крутых склонов или пролив пройдя стениащий!

АНТИСТРОФА 2

И-о, дышащих огнем звезд всех хороводитель!
Председящий кликам ночи,
Чадо, племя Зевса, днесь
1150 Проявись, царь, с толпами дев-сопутниц,
Фиадам, что тебя напролет всю ночь в безумье,
Кружась в хороводах, владыку славят, Якха!

ЭКСОД

СЦЕНА I

Вестник 1-й

(вбегая)

Все вы, кто в домах Кадма и Амфйона!
Такой нет жизни—ежель продолжается,—
Которую хвалить бы иль хулить я стал.
Возносит счастье и свергает счастье же
Счастливого и—равно—несчастливого,
1160 И нет у смертных тайновидца в будущих.
Креонт, казалось, зависти достоин был,—
И землю спас он от врагов Кадмейскую
И, полным над страную господином став,

Царил, посевам добрых чад обилуя.
 И всё теперь пропало, ибо, ежели
 Людей покинет радость, не скажу о них,
 Что живы, но живыми числю трупами.
 Копи себе богатство, заводи в дому
 Великую тиранов пышность; если же
 Отсутствует там радость, то и дыма тень
 За них не дам, коль говорить о радостях.

К о р и ф е й

Какую ты владыкам снова скорбь несешь?

В е с т н и к 1-й

Они мертвы; живые виноваты в том.

К о р и ф е й

Но кто ж убийцы? Кто погибший?—Сказывай!

В е с т н и к 1-й

Гёмон погиб; пролита кровь его рукою.

К о р и ф е й

Отцовой ли рукою или собственной?

В е с т н и к 1-й

Своей, во гневе на отца, за смерть ее.

К о р и ф е й

О прорицатель! Сколь правдива речь твоя!

В е с т н и к 1-й

Коль так, о прочем можно нам совет держать.

К о р и ф е й

Но вижу Евридику там несчастную,
 Креонтову супругу; из дворца она,
 О сыне слыша, иль случайно шествует?

(Входит Евридика.)

СЦЕНА II

Е в р и д и к а

О граждане! Чтò тут за речи слышу я
 У выхода, к богине направляясь в храм,
 К Афине-Деве для молитвы праведной?
 Едва засов я двери отодвинула,

Как о беде домашней слух к ушам моим
Доносится, и навзничь в страхе падаю
Я на руки служанок—пораженная.
190 Но что за разговор был—повторите мне:
Уже о горе зная, буду слушать я.

Вестник 1-й

Я, милая царица, очевидцем был
И всё до слова расскажу поистине.
Зачем тебя мне утешать, чтоб в будущем
Прослыть солгавшим? Истина всегда верней.
Я за твоим супругом шел вослед—слугой—
На дальнюю вершину, где безжалостно
1200 Лежал, разорван псами, Полиника труп.
И, умолив богиню придорожную
И Плутона на милость пременишь свой гнев,
Омыв святым омоем, мы останки те
На ветвях сожигаем свежесорванных.
И холм высокоглавый из земли родной
Насыпав, к деве в брачный терем, устланный
Камнями, в ту Аида яму шествуем.
Вдруг звук рыданий, возносимых издали,
Услышал кто-то в спальне той беспочестной.
К царю Креонту подбежал и знак дает.
К нему ж зловещий долетел уж воплей крик,
1210 Он поспешал всё ближе и, взрыдав, слова
Плачевные исторгнул: «О несчастный я!
Я разве прорицатель? Иль злосчастнейшим
Между стезями всеми я путем влекусь?
Меня ласкает сына голос. Быстрые,
Подите ж, слуги, наверх и, у склепа став,
Взгляните через брешь, где камень отняли,
Приникнув сверху к скважине, не Гёмона ль
1220 Я голос слышу,—иль обманут духами?»
Как повелел владыка, полон ужаса,—
Смотрели мы,—и в склепе, в глубине его,
Повесившейся деву мы увидели,
Лежащею с петлей, из редна скрученной;
Его же рядом, труп ее обнявшего,
О гибели невесты слезы льющего
Делах отца и ложе злополучном их.
И тот, едва увидев сына, страшный стон
Издав, к нему внутрь сходит и зовет, вопя:
«О ты, злосчастный! Что наделал? Помысел
Какой имеешь? Как пришел ты к гибели?
1230 О выйди, чадо! Я, пришед, молю тебя!»
Но, на него очами дико глянув, сын,
С презреньем и ни слова не ответив, меч

Двуострый извлекает. Но бежит отец—
И промахнулся Гёмон, и тотчас, взневаясь
Сам на себя, злосчастный, он налег,—как был,
И острие всадил в бок прямо, теплою
Рукой, еще в сознанье, обнял девицу.
И, захрипев, с последним вздохом—крови ток
На бледные ланиты испускает ей.
1240 И труп лежит на трупе, удостоившись—
Несчастный!—брачных тайн в дому Лидовом,—
Всем людям назиданье, сколь великим злом
Грозит нам смертным скорое решение.

(Евридика уходит.)

СЦЕНА III

К о р и ф е й

Что это может значить? В дом ушла жена,
Не молвив ни худого, ни хорошего.

В е с т н и к 1-й

И сам дивлюся, но надеждой льщу себя,
Что, о беде сыновней слыша, вопль сочла
Пред всеми непристойным, и внутри, в дому,
1250 Прислужницам предложит вместе с ней рыдать,
[Ведь, потеряв рассудок, может грех свершить.]

К о р и ф е й

Не знаю, но молчанье слишком долгое
Мне тяжело, как и долгий понапрасну вопль.

В е с т н и к 1-й

Сейчас узнаем, умысла сокрытого
Не затаила ль в сердце разволнованном,
В дом удалившись; справедливо молвил ты:
Есть тягость и в молчанье слишком длительном.

(Уходит.)

СЦЕНА IV

К о р и ф е й

А вот и сам царь подходит сюда,
Достоверную правду неся на руках.
Коль дозволено молвить,—свою он беду,
1260 Не чужую, несет, согрешивший сам.

(Входит Креонт с трупом Гемона. Позади несут труп Антигоны.)

КОММОС

СТРОФА 1

Креонт

И-о!

О ты, ум безумный, ты, тяжкий грех,
Смертей трех вина!

Вы, что вот зрите здесь
Убийц и убиенных всех сих, родных!
Увы мне! Беда от тех слов моих!

И-о, юный мой с юной смертью сын!

Ай! Ай! Ай! Ай! Ай!

Ушел, умер ты!

Моим, не своим сердцем слепым убит.

Корифей

1270

Увы, как будто поздно правду видишь ты.

СТРОФА 2

Креонт

Увы!

Всё понял я, злосчастный; на главу мою
Тогда, ах, тогда тяготу велию бог

Обрушил и на дикие толкнул пути,
Увы, в прах поправ всю радость и истребив!
Ах, ах, о многотрудный труд мук людских!

(Входит вестник 2-й.)

СЦЕНА V

Вестник 2-й

1280

О господин, от бедствий к новым бедствиям—
Одни свершились, а другие в доме ждут—
Идешь, как видно, и увидишь скоро их.

Креонт

Какая хуже может быть еще беда?

Вестник 2-й

Жена скончалась—мертвому мать подлинно,—
От ран недавних только что, злосчастная.

АНТИСТРОФА 1

Креонт

И-о!

И-о! Пристань всех, Аид, чуждый слез!
За что так казнишь?

(Вестнику.)

О лихих бед вещун,

1290 Какое же опять кричишь слово мне?
Ай, ай! Погибшим мужем чрез тебя я стал!
Что вновь молвишь ты? Что вновь мне речешь?
Ай! Ай! Ай! Ай! Ай!
Вослед тех утрат,
На нас свалилась смерть жены заклавшейся!

К о р и ф е й

Увидеть можно: из покоев вынесли.

(Открывается средняя дверь дворца. Виден труп Евридики.)

АНТИСТРОФА 2

К р е о н т

Увы!
Второе лихо, новое, несчастный, зрю.
Какой, ах, какой удел ждет меня?
В руках держал я только что дитя свое,
1300 И вот зрю, несчастный, пред собою труп.
Ах, мать! Ах, страстотерпица! Увы, дитя!

В е с т н и к 2-й

Лежит пред алтарями, тяжко ранена,
Закрыла очи темные—оплакав одр
Преславный Мегарея, ране павшего,
И вот его проклятья она на тебя,
Детоубийцу, напослед накликала.

СТРОФА 3

К р е о н т

Ай! Ай! Ай! Ай!
1310 Потряс страх меня! Почто грудь мою
Не мог чей-нибудь пронзить острый меч!
Беда мне! Ай, ай!
Бедняк, скован я крутой вновь бедой!

В е с т н и к 2-й

И в той, и в этой смерти, как виновник их,
Покойницей ты этой осуждаешься.

К р е о н т

Но как рассталась с жизнью, умертвив себя?

В е с т н и к 2-й

Ударив в сердце собственной рукой, едва
Узнала сына гибель многослезную.

СТРОФА 4

Креонт

Увы мне! Другим,—когда я виной,—
 Никто этих бед не может приписать!
 1320 Ведь я! Я тебя убил—страдный—я!
 По правде говорю. И-о! Слуги, прочь
 Ведите же меня. Скорей прочь отсель!—
 Увы! Сам теперь ничем стал Креонт.

Корифей

Была б в том польза, если в бедах польза есть.
 Кратчайшая всех лучше для тебя беда.

АНТИСТРОФА 3

Креонт

Приди! Приди!
 1330 Явись, краше всех смертей, смерть моя!
 Ведя тотчас мой с собой крайний день,
 Приди, о приди!
 Чтоб дня вовсе я другого не узрел!

Корифей

Грядущее покажет. О сегодняшнем
 Пекись. О том—кто должен—позаботится.

Креонт

Я все желанья в этой слил—одной—мольбе.

Корифей

Нет, не молися ни о чем, затем, что нет
 Спасенья смертным от скорбей ниспосланных!

АНТИСТРОФА 4

Креонт

Вести прочь отсель безумного, меня!
 1340 Не я ль, сын, тебя невольно умертвил?
 И тебя, жена,—злосчастнейший!—и нет,
 Куда б мог взглянуть, приклон где найти!
 И всё, чем владел, всё—прах, и на главу
 Мою пал мой рёк, и нет сил страдать.
 (*Склоняется над трупом Гемона.*)

Корифей

(зрителям)

Изначально мудрость—счастья залог
 1350 Самый первый. Богов же нечестьем нельзя
 Оскорблять никому, и надменная речь
 Гордецов ударом тяжелым,—тотчас,
 Им самим отомстив,—
 Под старость их мудрости учит!

КОММЕНТАРИИ

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОФОКЛА

I

Встреча Иона Хиосского и Софокла

«Я встретился с поэтом Софоклом в Хиосе, в то время когда он в качестве стратега плыл в Лесбос; был он за вином любителем шуток и занимательным собеседником. Его хозяином был Гермисилай, его личный друг и проксен* афинянин. И вот, когда отрок-виночерпий стоял у огня... Софокл заметил своему соседу:

— Как хорошо сказал Фриних:

Опять на пурпурных ланитах свет любви пылает**.

Ему, однако, возразил какой-то—не то эретреец, не то эрифреец—школьный учитель:

— Сам ты, Софокл, поэт хороший, но все же Фриних не совсем удачно назвал ланиты красавца «пурпурными». Ведь если бы живописец раскрасил пурпуровой краской щеки этого мальчика, он вовсе не показался бы нам прекрасным. Не следует, значит, сравнивать прекрасное с тем, что не прекрасно.

Софокл улыбнулся на замечание эретрейца и сказал:

— Значит, тебе не нравится и слово Симонида, пользующееся большим успехом у эллинов:

...дева песнь

Звонкую льет из уст пурпурных, теша нас***,

* «По-нашему—консул».

** Фрагм. 13, Наук.

*** Фрагм. 4, Диль.

да и тот другой поэт, что назвал Аполлона «златокудрым»*, ведь если бы живописец изобразил кудри Аполлона золотыми, он этим испортил бы всю картину. Не одобришь ты и «розовперстой»**; ведь если кто окрасит пальцы в цвет розы, он представит нам руки красильщика, а не прекрасной женщины. Тут все рассмеялись; эретрец нахмурился после этого урока»***.

Так рассказывает о своей встрече с Софоклом поэт Ион Хиосский. Мы приводим этот рассказ как единственное свидетельство современника о личности великого поэта, имея при этом в виду, что оно, вероятно, ретушировано эстетом Афинеем.

II

Рождение и воспитание Софокла

Софокл, второй из великих эллинских трагиков, родился в 497 (или 496) году до нашей эры, в аттическом деме Колоне—пригороде Афин, лежавшем в 10 стадиях к северу (приблизительно в получасе ходьбы) от столицы.

Его отец Софилл, родом из Флиунта, имел в Колоне промышленное заведение, в котором домашние рабы (а м. б. и наемные рабочие) выделывали ножи и другие медные и железные предметы. Он был богатым человеком.

Колон считался средоточием стародавних культов и местом, где жили связанные именами туземных божеств и мифических богатырей предания. Здесь были храмы Посейдона и Афины, святилище и роца Евменид, жертвенный алтарь Прометея-Огненосца. Неподалеку находился храм Деметры Зеленоплодой. Согласно преданию, в Колоне некогда заключил свой клятвенный союз с Лапифом Пирифоем древний общеэллинский герой Фесей. Здесь, согласно мифу, проживал и старинный покровитель страны—Колон-Конник (местный облик бога Посейдона). И наконец, здесь же, неподалеку от роци Евменид, показывали знаменитую пещеру—место ухода Эдипа в преисподнюю—так называемый «Медный Порог».

Та же старинная религиозность окружала Софокла и его семью: Софилл почитал бога-врача Асклепия (родовое жречество). Вся окружающая обстановка способствовала тому, что Софокл сделался человеком консервативным. Он считал Геракла своим особым покровителем и, как простодушно говорит анонимный автор его «Жизнеописания», был «боголюбив не в пример прочим».

* Пиндар, «Олимпийские оды», VI 71 (41), VII 58 (32), Шрёдер.

** Обычный эпитет богини Эос (Зари) у Гомера.

*** Афиней, «Пир мудрецов», XIII 81, стр. 603 Е. Кайбель.

Софилл, повидимому, не жалел издержек, и мальчик Софокл получил блестящее и разностороннее воспитание. Красивый, сметливый и проворный, он рано стал стяжать победные венки на музыкальных и гимнастических агонах. Шестнадцатилетним юношей, избранный запевалой благодарственного за саламинскую победу пеана, он плясал с лирою в руках во время торжественного хода процессии. Его учил музыке и пляске знаменитый тогда педагог Лампр. С ним и позднее Софокл не прерывал дружеского общения, советуясь при постановке новых трагедий на сцене. Хорошо известно также, что Софокл— в своей «Навсикае и Фамириде»—в роли Навсикаи восхищал зрителей искусной игрою в мяч. А в роли Фамириды—в том же спектакле—его увековечил на одной из фресок «Пестрой Стои» в Афинах великий живописец Полигнот.

Таким образом, еще в юности сказались в Софокле отличный актер, плясун и певец; несомненно, он хорошо освоил и тогдашнюю сцену.

В круг подлинной аттической образованности входило еще чтение древних поэтов—в первую голову Гомера и Гесиода, запоминание отдельных выигрышных отрывков наизусть и исполнение их под аккомпанемент лиры, затем счисление, начатки физических наук, борьба и гимнастика. Мы не знаем, кто обучал этому Софокла. Не знаем также, у кого он выучился искусству писать трагедии. Надо все же думать, что то был Эсхил.

О том, когда Софокл впервые выступил на театральных состязаниях, сведений не сохранилось. Но хорошо известно, что его театральные победы начинаются с 468 года. Тридцати приблизительно лет от роду Софокл выступает с трилогией—соперником законодателя тогдашней афинской сцены Эсхила.

III

Начало поэтической деятельности и драматургическое наследие Софокла

В состав этой—несохранившейся—трилогии входила пьеса «Триптолем». Сюжет ее Софокл заимствовал из аттических аграрных легенд, прославлявших в лице прекрасного юноши Триптолема блага земледелия и оседлой жизни. «Триптолем» взволновал зрителей—особенно сторонников вождя земледельческой партии Кимона, стоявшего тогда у власти.

«Когда Кимон вместе со своими товарищами выступил перед публикой, архонт не разрешил ему уйти и, взяв с них обычную клятву, усадил их на судейские места

и предложил решить спор, благо их было десять, по одному от каждой филы... Так-то этот агон и по обаянию судей превзошел все остальные; победа же была присуждена Софоклу» (Плутарх, «Кимон», гл. 8)*.

С тех пор следует ряд блестящих триумфов (24 по сообщению Свиды). Софокл вскоре становится любимцем умеренной, а впоследствии и сменившей ее радикальной афинской демократии**. Она высоко ценит его огромный художественный талант, снисходительно относится к его консервативной политической ориентации (панэллинские симпатии, дельфийская ориентация) и привлекает его к заведыванию общесоюзной Делосской казной. Софокл становится другом вождя демократии Перикла, примыкает к культурному строительству Афин, участвует в самосской экспедиции, дружит со знаменитым историком Геродотом. В течение почти 60 лет Софокл пользуется всеобщим признанием и всегда сохраняет венок победителя.

Древность насчитывала до 120 драм Софокла,—из них примерно 90 трагедий. Но из этой огромной творческой продукции до нас дошло только 7 трагедий, одна сатирическая драма и многочисленные фрагменты:

I. *Троянский цикл*:

«Аянт»—дата [?]

«Филоклет»—поставлен в 409 г.

«Электра»—поставлена в 419—415 гг. [?]

II. *Фиванский цикл*:

«Эдип-царь»—поставлен в 429—426 гг. [?]

«Эдип в Колоне»—поставлен после 406 г.

«Антигона»—поставлена в 443 г. [?]

III. *Аргосский цикл*:

«Трахинянки»—421—415 гг. [?]

IV. *Сатирическая драма****:

«Следопыты»—дата [?]

V. *Фрагменты потерянных трагедий*****.

Свои мифологические сюжеты Софокл заимствует не из всем известных «Илиады» и «Одиссеи», а преимущественно из «эпического цикла», содержавшего предания главным образом троянского и фиванского круга. Об этом ясно

* Суждение Кимона, повидимому, было направлено против аристократической группы зрителей—усердных почитателей Эсхила.

** Последняя впоследствии прощает Софоклу участие в неудачном заговоре «умеренных», подготовлявших сдачу власти в руки аристократии в 411 году.

*** Сатирическая драма, как имевшая особое происхождение, в предлагаемой статье не рассматривается.

**** Перевод всех сохранившихся трагедий и «Следопытов», а также попытка реконструкции фабул утерянных пьес даны Ф. Ф. Зелинским (Софокл, тт. I—III).

говорит Афиней («Пир мудрецов», I, стр. 277 E): «Софокл до того увлекался эпическим циклом, что даже целые драмы сочинял, следуя его мифологическому преданию».

IV

Нововведения Софокла

Софоклу принадлежат разные нововведения, благодаря которым аттическая трагедия достигла завершенной формы, «канона».

На первом месте надлежит отметить введение третьего говорящего актера. Это был важный шаг вперед. Он создал так называемую «перипетию» (дословно—«внезапная перемена»). Только теперь оказалось возможным, свободно варьируя давно известную всем фавулу, тормозить действие и отклонять его развитие от прямой линии, влекущей героя к финальной катастрофе («предварение катастрофы»,—см., например, вводную сцену с Тиресием в «Антигоне»). Экспозиция пьесы стала сложнее, занимательнее и действенней.

Но этого мало: в лице третьего актера Софоклом был введен еще один самостоятельный исполнитель, что значительно усиливало профессионально-актерскую часть постановки за счет хорового начала.

Вместе с тем Софокл увеличил число исполнителей хоровых песен с 12 до 15 человек. Хор у Софокла уже не является полноправным актером, как у Эсхила. Но, чтобы избежать резкого разрыва со старой драматургической традицией, Софокл, вводя третьего актера, усиливает хор и использует в нем фригийские мелодии и дифирамбическую форму.

Софокл, стремясь к более реалистической зрелищности и большим сценическим эффектам, вводит театральную живопись и пышные театральные одежды.

При этом Софокл идет совершенно сознательно по пути очеловечивания старой эсхилловской трагедии. Его герои уже люди, а не боги и титаны Эсхила. Однако делается это с большой осторожностью, и нигде нововведения не подрывают основных корней афинской сцены: ее обрядовой природы и реалистических установок.

Софокл в своих трагедиях дает социально уже не опасные—идеализованные образы старинного феодализма. И они спокойно и с удовольствием воспринимаются рядовым демократом-афинянином. Ведь он, кроме того, встречается их повсюду—и в архитектуре, и в скульптуре, и в храмах, и в своем повседневном домашнем быту (керамика). Льстит все это и старой аристократической партии, возводившей свои родословные к мифическим пер-

сонажам, нередко встречавшимся в тех или иных трагедиях Софокла («Фесей», «Алкмеон» и т. д.).

Софокл, в противоположность новаторам Еврипиду, Агатону и другим трагикам, в общем бережно сохраняет старое наследие трагиков. Все условности античной драматургии—непрерывное присутствие хора на сцене, закон триединства времени, места и действия и т. д.—остаются. Но там, где традиция уже не соответствует запросам эпохи, она осторожно заменяется новым—и всегда высоким—художественным достижением.

Софокл чутко прислушивается к сложным эстетическим запросам своего времени, к его изменившимся темпам и решительно отказывается от старинных, слишком прямолинейных и медлительных приемов Эсхила. Он освежает фабулу, сокращает длительность прологов, вносит излюбленные тогда у афинян «сопоставительные речи», доводит до высшего совершенства театральную выразительность стихомифий*, упраздняет старинную растянутую композицию первой хоровой части—парода (за исключением, впрочем, парода в раннем «Аянте»).

В его руках аттическая трагедия достигает предельного мастерства и формальной законченности. После Софокла—если не считать Еврипида, уводившего трагедию в сторону психологической драмы,—наступает длительный упадок трагедии как жанра.

V

Мифы и фабулы трагедий Софокла

Для предварительной ориентировки читателя мы приводим фабулы трагедий, а также сообщаем обстоятельства, лежащие за пределами той или иной трагедии, но тесно связанные с самим сюжетом**.

I. *Аянт*. Ахейские вожди под председательством Агамемнона и Менелая присуждают доспехи убитого Ахилла, выкованные Гефестом, Одиссею. Аянт, оскорбленный этим приговором, решает жестоко отомстить судьям. Но Афина помрачает его рассудок, и он ночью, напав на ахейских волов и овец, избивает их и пастухов, а часть уводит с собою. Утром он приходит в себя и сознает, что навеки опозорил свое славное имя этим безумным поступком. Не будучи в состоянии пережить срама, он закалывает

* Диалог, состоящий из отдельных, следующих друг за другом ямбических стихов (триметров).

** Изложение фабул заимствовано из разных комментированных изданий и представляет собой предварительную краткую сводку необходимых сведений.

вает себя мечом. Разгневанные Агамемнон и Менелай отказывают ему в погребении. Но тут вступается его счастливый соперник Одиссей, и атриды отменяют свое распоряжение.

II. *Антигона*. Креонт, к которому после смерти сыновей изгнанника Эдипа—Этеокла и Полиника—переходит фиванский престол, издает приказ о лишении Полиника (приведшего аргосские рати против своего родного города) погребения. Но сестра Полиника Антигона совершает надгробные возлияния над трупом брата. За это Креонт приговаривает ее к смерти. Гемон—сын Креонта и жених Антигоны—умоляет отца помиловать его невесту. Креонт отказывает ему, и Гемон в отчаянии убегает. Появляется слепой прорицатель Тиресий и сообщает Креонту, что боги восстают на него за этот бесчеловечный поступок, не принимают обычных жертвоприношений и не дают испрашиваемых пророчеств. Креонт решает уступить и направляется в склеп, чтобы освободить заточенную там Антигону. Но Антигона уже успела покончить с собою. Гемон, проклиная отца, на глазах у него закалывает себя мечом.

III. *Эдип-царь*. Согласно мифу, фиванский царь Лай похитил у Пелопа его юного сына Хрисиппа; за это его проклиная Гера. Она предрекает ему смерть от собственного сына. Лаю сообщает об этом дельфийский Аполлон.

Долгое время брак Лая с Иокастой оставался бездетным. Когда же у них родился сын Эдип, Лай вспомнил об оракуле Аполлона и, проколов младенцу ножки, велел своему любимому рабу-пастуху забросить ребенка на гору Киферон, на верную смерть. Пастух пожалел ребенка и подарил его своему другу, коринфскому пастуху, который отнес Эдипа бездетному коринфскому царю Полибу. Царь Полиб усыновил мальчика.

Однажды во время пирушки Эдип поспорил с одним коринфянином, и тот сгоряча назвал его подкидышем. Эдип обратился с расспросами к Полибу и его жене Меропе. Но те уверили его, что он настоящий их сын. Все же молва о «подкидыше» Эдипе росла, и Эдип, желая ее опровергнуть, тайно идет спросить дельфийский оракул Аполлона. Здесь прямого ответа на свой вопрос он не получает, зато узнает, что ему суждено убить своего отца и жениться на своей матери. Тогда он решает навсегда покинуть Коринф и отправляется по дороге, ведущей в Фивы. В ущелье, на перекрестке, он встречает повозку со стариком в сопровождении пяти человек. Возница грубо велит ему сойти с дороги; Эдип ударяет возницу, старик вступается за своего слугу. В конце концов Эдип в драке убивает всех, кроме одного слуги, спасшегося бегством.

Убитый старик был настоящий отец Эдипа—Лай, а бежавший слуга—тот самый пастух, который когда-то унес младенца на Киферон.

Фиванцы, встревоженные исчезновением своего царя, предпринимают напрасные поиски. Вскоре около фиванской дороги появляется крылатое чудовище, полуженщина-полульвица—Сфинкс. Оно предлагает путникам темные загадки, обязуясь умертвить себя, если загадка будет разрешена, а пока что пожирает через определенные промежутки времени кого-нибудь из фиванских граждан. Город—в отчаянии; Креонт, брат Иокасты, предлагает руку своей сестры и фиванский престол тому, кто избавит страну от ужасного чудовища.

Эдип разрешает загадку Сфинкса и убивает его. Он становится царем Фив и женится на своей матери—Иокасте. У них рождаются дети—Этеокл, Полиник, Антигона и Исмена. Смерть Лая до сих пор остается неотмщенной. Аполлон решает наконец покарать убийцу, и Фивы постигает чума.

Здесь собственно начинается действие Софокловской трагедии. Когда связанные с чумой бедствия достигают предела, Эдип шлет своего шурина Креонта в Дельфы спросить Аполлона о средстве, избавляющем от мора. Креонт приносит ответ, что подлинный виновник язвы находится в самом городе. Исподволь, шаг за шагом, идет разъяснение всех подробностей неумышленной, но тяжкой вины Эдипа. Трагедия заканчивается самоослеплением Эдипа и отказом его от фиванского престола в пользу своих сыновей.

IV. *Эдип в Колоне* целиком посвящен мифу о кончине Эдипа, изгнанного из своего родного города сыновьями и находящего конец долгим скитаниям в афинском предместье—Колоне. Здесь он примиряется с гневным дельфийским богом и чудесно исчезает от взоров людей в подземной пещере, чтобы навсегда остаться гением-хранителем гостеприимно приютившей его Аттики.

V. *Электра*. Сюжет ее в общем совпадает с Эсхилловскими «Хоэфорами». Орест, спасенный своей сестрой Электрой от неминуемой смерти, через много лет, став юношей, приходит в Микены и убивает свою мать Клитемнестру за то, что она некогда зарубила своего мужа и отца Ореста Агамемнона по наущению своего любовника Эгисфа.

VI. *Трахинянки*. Геракл благополучно закончил свой последний подвиг, разрушив город Эхалию, и возвращается к своей жене, Деянире, проживающей на чужбине у гостеприимного трахинского царя Кеика. Неожиданно она узнает, что среди пленниц, которых прислал ей Геракл,

находится эхалийская царевна Иола, возлюбленная Геракла. Желая вернуть расположение мужа, Деянира вспоминает о любовном средстве, завещанном ей кентавром Нессом. Она посылает Гераклу в подарок плащ, пропитанный ядовитой кровью Несса. Отравы поражает Геракла. Не будучи в состоянии вынести мучений, он решает сжечь себя на костре. Деянира, убедившись в своей ошибке, кончает самоубийством. Умирая, Геракл велит своему сыну Гиллу взять Иолу себе в жены.

VII. *Филоклет*. Филоклет, ужаленный некогда на острове Лемносе змеею и непрерывно оглашавший стан ахейцев своими воплями, отправлен обратно на этот остров. Там он много лет живет в глубоком одиночестве в пещере. Ахейцы посылают к Филоклету Одиссея и Ахиллова сына, Неоптолема. Они должны добыть у него волшебный лук—подарок Геракла, без которого нельзя взять Трои. Благодаря хитрости Одиссея план наполовину удается; лук в руках Неоптолема. Но прямодушный Неоптолем, которому претит коварство, возвращает Филоклету его оружие. Благодаря вмешательству своего покровителя Геракла Филоклет отдает им лук добровольно и вместе с ними едет в Троию.

VI

Стиль Софокла

В построении своего стиля Софокл отправлялся от стиля Эсхила, возникшего как результат перекрестных ионийских и дорических влияний, через посредство Фриниха и Пратина. Этот стиль характеризуется особым выбором диалектов и отдельных слов, сочетанием их между собой и синтаксической связью отдельных предложений (знаменитое «совершенное сочетание гармоний»).

Софокл, вначале подражавший Эсхилу, резко изменяет свою манеру. У него исчезают темные архаические речения и сложные новообразования. Тяжелая инверсия (необычная расстановка слов) применяется редко (см., например, «Антигона», стасим IV, антистрофа 2—где явная подтекстовка к музыке). Синтаксис становится прозрачно ясным. Софокл с необычайным искусством использует цезуру, в ямбическом триметре легко и свободно группирующую вокруг себя части стиха; разрывов ритмических или логических у Софокла не встретишь. Архаическая цезура после третьей стопы, делящая триметр пополам, совсем отмирает. На смену ей идет другая, музыкальная, после пятого или седьмого слога.

Софокл первый использует риторическое построение в речах. Диалектическая сноровка его стихомифий нисколько

не уступает тогдашней софистической (развиваясь, однако, независимо от нее, — см., например, «состояния» Креонта и Гемона в «Антигоне», 697—736). Но ни риторика, ни эристическая диалектика никогда не бывают у Софокла самоцелью. Это только одна из форм, необходимая для более глубокого сценического общения героя с прочими участниками. В образах Софокла прежде всего пленяет их ясность, но эта ясность — чисто пластическая; логическая убедительность, повидимому, отступает здесь на второй план.

Для стиля Софокла характерно богатое разнообразие. Язык героев — это стиль высокий, язык простого люда — вестников, стражей и т. д. — сниженный. Хоры же всячески архаизируются. Эту градацию стилей Софокл применяет последовательно и отступлений от нее не допускает. Часто встречаются афористические максимы (гномы), особенно в конце речей (например, в речах жреца Зевса в «Эдипе-царе» или Тиресия — в «Антигоне»). Гномы догматические выражают мнение самого поэта, агонистические — характеризуют только действующих лиц (эти встречаются реже). Стихомифии Софокл нередко строит симметрически. Речи, рассказы, монологи следуют закону «золотого деления», т. е. распадаются на две части, причем меньшая относится к большей, как большая к целому (аналогичное явление — в пластике и архитектуре). Тропы и фигуры можно найти на каждой странице, но никогда они не перегружают целого и, за редкими исключениями, отличаются тонкостью, изяществом и простотой. Лирические партии изобгуют эсхиловской пышности, темноты и нередкой вычурности. Дион Хризостом хвалит «их очаровательную сладость и величие» (речь 56). Афинский народ долго распевал их и после смерти Софокла.

VII

Драматургическое мастерство

Исследователи много писали о драматургическом мастерстве Софокла. Мы считаем, что прежде всего следует отметить необычайное разнообразие его персонажей. В сохранившихся семи пьесах перед нами проходят герои и героини, пленницы, дружинники, вестники, пастухи, кормилицы, воспитатели, слуги, вельможи, прорицатели, стражи, поселяне, подручные, врачи и т. д., и каждый из них наделен особыми присущими ему индивидуальными чертами, что являлось крупнейшим новшеством в драматургии древней Греции.

Именно эта особенность и придает действительную жизненность и художественную убедительность всем персонажам Софокла,—черта, которая не всегда присутствует в архаике Эсхила (единство характера, или характерология).

Следует еще упомянуть о моментализме—приеме, который состоит в замечательном умении подать катастрофу мгновенно, например в сцене очной ставки коринфского гонца и Лаева пастуха в «Эдипе-царе». Встречается и обратный прием: торможение возникающей катастрофы и снятие ее,—например, появление Фесея в «Эдипе в Колонах» на выручку Эдипу.

Часто встречается у Софокла еще одно драматургическое новшество: трагическая ирония героя над бессилием собственного разума (например, ирония Креонта в заключительном коммесе «Антигоны», Эдипа—в эклоге «Эдипа-царя»).

Но самое значительное нововведение Софокла—это почти полное освобождение трагической личности героя от традиционно установленных и освященных формул трагической вины (слепой причинности, эсхиловского «слепого рока») и перенесение драматических событий в область психологических конфликтов самого героя.

VIII

Последние годы жизни Софокла

Софокл был женат на афинянке Никострате, от которой у него было несколько сыновей. Старший—по имени Иофонт—был известным впоследствии трагическим поэтом. Женился Софокл, вероятно, лет 30-ти с небольшим, и не ранее 460 года.

Известна поздняя любовь Софокла. Уже в пожилом возрасте он полюбил проживавшую тогда в Афинах сикионянку Феориду, которая имела от него сына Аристона. По словам анонимного биографа, Софокл любил его больше других детей. Сын Аристона впоследствии также сделался трагическим поэтом.

Передают, что в одной из своих драм Софокл сказал о Феориде:

Мила ведь Феорида.

Здесь игра слов: Феорида значит «вакханка».

Существует также рассказ, будто Иофонт, домогаясь поскорее вступить в управление отцовским имуществом, подал в Совет фраторов (совет родового объединения) заявление, в котором утверждал, что его отец впал в стар-

ческое слабоумие. Вызванный на заседание этого совета Софокл сказал:

Коль я Софокл, нисколько я не слаб умом,
Коль слабоумен—не Софокл я боле,—

и прочел свой знаменитый первый стасим из «Эдипа в Колоне». Фраторы будто бы ответили рукоплесканиями, и клеветник-сын был объявлен безумным.

Рассказ этот, однако, мало достоверен. По Аристофану («Лягушки», 73), отношение Иофонта к отцу было безукоризненно. Аристофан же—свидетель в данном случае неоспоримый.

После смерти Никия и сицилийской катастрофы «умеренные» стали помышлять о государственном перевороте. Софокл присоединился к ним и стал членом «директории», подготовлявшей в 411 году до н. э. сдачу власти в руки аристократической партии. Попытка эта, однако, потерпела неудачу: демократия восторжествовала; виновные были преданы суду, в том числе и Софокл. Восемьдесятилетнего старика отпустили.

Софокл умер около 406 года, 90 лет от роду, при архонте Каллии, пережив всех своих друзей. Он был погребен в родовом склепе, находившемся на улице, ведущей в крепость Декелею.

Софокл был окружен таким почитанием, что легенда рассказывает—на похоронах поэта присутствовал сам бог Дидонис—покровитель трагических состязаний.

Софокл был впоследствии героизирован и почитался в аттических «святах» под именем Дексионна.

Весной 405 года комический поэт Фриних упомянул о Софокле в комедии «Музы»:

Счастлив Софокл, он долго жил и во-время
Покинул землю, не изведав вовсе зол!

В. Нилендер

ПОЯСНЕНИЯ К ПЕРЕВОДУ

Трагедии Софокла, образующие так называемый «фиванский цикл», неоднократно были переведены на русский язык. Естественно спросить, какими же соображениями мы руководствовались, предпринимая сызнова тяжелый, хотя и благодарный труд их перевода?

Наш перевод исполнен стих в стих, то есть число стихотворных строк подлинника и перевода совпадают не только в целом произведении, но и в отдельных его отрезках. Подобный принцип перевода вовсе не следствие педантизма или, что еще хуже, переводческого кокетства. Греческое искусство, быть может, более чем какое-либо иное, подчинялось математическим, выверенным соотношениям. Один закон «золотого деления», согласно которому вся трагедия в целом и ее отдельные части делятся таким образом, что меньшая часть относится к большей, как большая к целому,—достаточно тому доказательство. Греческая трагедия целиком проникнута духом музыки, искусства строго математического. Как могла она быть не закономерной в членении времени? В свете этого соображения число стихов представляется данным не случайным, но имеющим конструктивную значимость. Однако для соблюдения равности существуют и другие основания. Если содержание стиха подлинника не умещается в стих перевода, переводчик переносит часть содержания в следующий стих, но не заполняет его целиком. Приходится добавлять что-то от себя—либо допускать лишнее содержание, либо растягивать его общими местами. На это возразят, что при соблюдении равности может получиться обратное, то есть что переводчик утратит часть содержания. Подобная опасность, конечно, грозит, но опыт показал, что при переводе с греческого и латинского равности едва ли обедняет перевод. Наоборот, перевод приобретает доброкачественную сжатость. Насколько нам известно, наши предшественники по переводу Софокла не соблюдали требования равности. Исключение составляет В. Г. Зубков, который в своем предисловии к переводу «Эдипа в Колоне» указывает на равности как на одну из своих задач. В остальных переводах прирост стихов весьма велик: пятнадцать строк перевода на двенадцать подлинника—нередкая пропорция.

Перевод «размером подлинника» настолько приобрел права гражданства, что особо оговаривать наличие этого принципа и у нас не приходится. Однако необходимо помнить, что при передаче

«ипостась»), которые установились в русской просодии (как делаем и в триметре). По отношению к другим размерам, которые еще весьма сбивчивы для непривычного восприятия, мы этого избегаем.

Адекватность варианта и основной схемы нормируется временем. Как известно, строфа и антистрофа в хорах построены по одной и той же схеме, но с вариациями. Эти вариации, видоизменяя метрический узор стиха, не нарушают его временной насыщенности. Поэтому стих строфы и стих, соответствующий ему в антистрофе, могут быть различны по числу слогов, в редких случаях даже по образуящим их стопам, но уложатся в ту же самую общую схему, что позволит дать стиху строфы и стиху антистрофы одинаковую или соответствующую музыкальную интерпретацию. Поэтому, как ни покажутся иной раз строфа и антистрофа различными по своему ритмическому узору, они непременно будут подчинены одной и той же музыкальной системе. Есть данные думать, что трагик эпохи Софокла, сочинявший сам и слова и музыку хоров, сначала сочинял строфу, потом подтекстовывал антистрофу (или наоборот) под сложившуюся музыкальную схему. Основание так полагать дает встречающаяся иногда качественная разница выбора слов и выражений строфы или антистрофы и необычайно сложные иногда словосочетания, оправдываемые, повидимому, подтекстовкою (ср., например, «Антигона», стасим IV, строфа 2). Таким образом, перед нами стояла задача так выполнить строфы и антистрофы, чтобы они соответствовали одной и той же музыкальной системе. В этих пределах мы допускали вариации, сущность которых оправдывается законами греческой просодии. Они сводятся к пяти приемам. 1) Распушение—когда вместо ударного слога мы допускаем два неударных. Этот прием приближенно передает распушения подлинника (по-гречески— $\sim\sim$, по-русски— $\sim\sim$). 2) Стяжение—когда ударный слог поглощает следующий неударный. Этот прием, который в греческой просодии имеет совершенно реальную значимость ($\underline{\sim}\sim\sim=3$ моры или $\underline{\sim}\sim\sim=3$ моры), по-русски совпадает с паузирвкой, ибо мы не можем в чтении нормировать долготу нашего ударного слога; однако при музыкальной интерпретации этот прием может реализоваться. 3) Пауза—то есть беззвучное время, в данном случае включенное в просодический счет,—прием, имеющий по-русски ту же реальность, что и по-гречески. 4) Анакруза—соответствующая музыкальному загалку сверхсчетная величина в начале стиха, состоящая чаще из одного, реже из нескольких неударных слогов. 5) Видоизменение окончания стиха, которое мы, однако, допускаем лишь в пределах одного слога (усечение или дополнение).

Особенно много видоизменений претерпели в нашем переводе дохмии и ионийские стопы, чрезвычайно трудные для перевода благодаря постоянному столкновению (по-русски) односложных ударных слов. Таковы видоизмененные дохмии: $\sim/|\sim\sim/$, $\sim\sim/|\sim/$. Легко видеть, что эти распушения, совершенно законные, превращают русский дохмий в трехстопный ямб то с пиррихием на первой стопе, то с пиррихием на второй. Поэтому—чтобы у читателя оставалось впечатление именно дохмия—мы допускали подобные вариации в сочетании с дохмиями чистого вида; тогда слух, нормирующий ряд строк по основной дохмической схеме, и эти псевдо-ямбы воспринимает в дохмической динамике.

Примеры:

И-ò! У́жас мòй невы́раим для́ у́ст.
Неодоли́ма тьма́ непро́ницаемая.
(«Эдип-царь», 1314—1315)

Как видно, здесь лишь первая из четырех стоп дохмия имеет чистую форму. Конечно, остальные стопы легко сбиваются на ямбы.

Однако неизменность сильного момента на третьем (при разложении начала—на четвертом) слоге поможет читателю улавливать в них скрытый дохмический ход. В этой сбивчивости виноват не принцип распушения дохмия, а пиррихическая замена в ямбах, которая, конечно, не соответствует правилам античной просодии. Но к подобным формам ямба русское ухо приучено всей нашей поэзией. Пиррихические ходы явились следствием требований живой русской речи, и мы, как уже сказано, шли по пути этого классического—и единственно правильного—разрешения русского ямба. Если бы читатель напевал хоры, ему было бы много легче отличить распушенный дохмий от облегченного ямба, ибо, напевая стих трехстопного ямба, он растягивал бы (не ставя ударения) второй слог, а напевая дохмий, произносил бы все три неударные слога равномерно, устремляясь к сильному моменту на четвертом слоге. Форма распущенного дохмия \sim / \sim на ямб не сбивается, так как тот слог, который в ямбе был бы константой его, здесь безударен.

Зато, если распушенный дохмий попадает в группе точных его дохмическая природа ощущается гораздо яснее:

Теперь, бога чужд, преступницы дитя
Делил лже с ней, рожден ею сам.

(«Эдип-царь», 1360—1361)

На семь стоп дохмия—одна распушенная.

С иониками восходящими $\sim / /$ положение лучше. При разложении они легко приобретают схему \sim / \sim . Схема же $\sim \sim /$ у нас была неупотребительна, так как сильный момент должен музыкально быть на третьем слоге. Например:

И рычишь люд—из пещер тех—о Айдова обиталища
Необоримый страж—как вещает молва.

(«Эдип в Колоне», 1571—1572)

Второй стих этого примера представляет собою ямбо-подобный распушенный дохмий—двухстопный анапест.

Ионики нисходящие $// \sim$, чтобы сохранить свою нисходящую динамику, могут разлагаться так: $/ \sim \sim$. А при разложении \sim / \sim их уже нельзя отличить от разложенного в ту же форму ионика восходящего, который, кстати сказать, в этом изводе не теряет своей динамики восходящей.

Очевидно, что все указанные лирические размеры с их вариациями имеют смысл в сочетании с музыкой. Ключ к античным мелодиям утрачен. Но самые лирические размеры проливают некоторый свет на музыкальную композицию. Вот почему особенно желательно было их сохранить. Мы не скрываем от себя, что чтение хороших представит немалые трудности. Поэтому мы сочли нужным дать в примечаниях указания на лирические размеры и их возможные варианты (будут помещены в конце II тома).

Что касается трехдольного построения триметра, обозначающего тактовое начало в его движении, то мы эту трехдольность показываем лишь иногда, но не выявляем постоянно по-русски так называемых сильных и слабых мест стиха. В самом деле, по-русски, при неизбежном применении ударности для подчеркивания сильного тактового места, это привело бы к неизбежной монотонности, к однообразной трехчастной волне, противоречащей требованиям сценической речи. В некоторых стихах, следуя приему подлинника, мы позволяем себе применять гиперметрию там, где встречаются собственные имена.

При нашей работе мы постоянно имели перед глазами переводы наших предшественников. Немецкая школа перевода с античных языков допускает самое широкое заимствование из предшествующих достижений. Мы принципиально не отказались бы от этой практической системы, но фактически лишены были этих возможностей уже по одному тому, что наши предшественники переводили другими размерами. Поэтому заимствования поневоле ограничились где-то удачно найденным оборотом, где счастливо примененным словом. Более того, предшествующие переводы бывали порой для нас отрицательно поучительными. Приведем в пример переводы «Эдипа в Колоне». Оставляем в стороне прозаический перевод Мартынова, хотя в его наивной интерпретации иной раз попадаются счастливые выражения, какими часто дарит нас язык 30—40-х годов. В 1859 г. в «Журнале министерства народного просвещения» в № 1 появился «Эдип в Колоне» в стихотворном переводе В. И. Водовозова. Он исполнен не равнодушием, пятистопным ямбом с вольной передачей лирических мест. И, несмотря на это, в нем столько благородства в передаче греческих выражений, такая близость к подлиннику, такая доброкачественность русского языка, что к этому переводу можно относиться лишь с величайшим уважением. В предисловии (стр. 9) Водовозов говорит: «При переводе настоящей трагедии старался я, сколько дозволял дух русского языка, сохранить не только все образные выражения подлинника, но и характер греческой речи. Читателя не должно, например, удивлять такого рода сравнение:

Видишь сам,
Как прорицанья прямо в цель стремятся.

Сравнение взято от бега коней, порывающихся к назначенной мете». Можно не соглашаться с формулировкой, но самое стремление не руссифицировать греческого образа достойно подражания. Весьма бережно обращался Водовозов и с раздроблением подлинных периодов, делая это сознательно, как нежелательную, но неизбежную уступку русскому языку. И когда читаешь подобные строки:

...Скорей, о слуги, к жертвеннику! Весь
Народ понудьте, конных и неконных.
Оставив жертву, пусть несутся вскачь
Туда, где две спадаются дороги...

(«Эдип в Колоне», 897—901)

чувствуешь подлинный поэтический язык, не выветрившуюся традицию Пушкина. Приходится признать, что перевод Водовозова, хотя и шекспиризует Софокла своим пятистопным ямбом, тем не менее является одним из достижений русской передачи античной трагедии.

Перевод Водовозова не удовлетворил Зубкова. Он ставил Водовозову в упрек «недостаточную вообще близость... к подлиннику», «шероховатость языка и неровность стиха». Мы уже упоминали, что Зубков ставил себе почтенную задачу переводить стих в стих и близко к подлиннику. Это похвальное желание. Однако его смесь шести- и пятистопных ямбов несносна для слуха, и остается непонятным, почему он считал, что переводит «шестистопными ямбическими стихами, отчасти каталектическими, отчасти акаталектическими».

Близость Зубкова к подлиннику велика, есть у него отдельные удачи (например, некоторые места хоров), но в общем итоге перевода после Водовозова читать не хочется. «Шероховатость

и неровность» стихов Водовозова осталась непонятой Zubковым. Ему уже мерещится как некий идеал «гладкость» стиха. Большая поэтическая культура—в упадке.

Новый перевод «Эдипа в Колоне» был сделан Д. С. Мережковским пятистопным ямбом и издан в 1910 г. (т-во «Знание»). Идеал «гладкости» нашел свое воплощение. Но читатель с удовольствием вспоминает «шероховатости» и «неровности» Водовозова. Никак не узнаешь могучего подлинника в таких стихах:

Покорись, о бедный странник,
И, вступая в нашу землю,
Нам враждебное—отвергни,
Нам любезное—почти.

(Пафод, строфа 2, 10—13)

Модернизм и сентиментальность делают перевод Мережковского, при всех его достоинствах, чуждым нашему восприятию античного подлинника.

Но особенные возражения вызывает, как это ни странно, последний перевод «Эдипа в Колоне», а именно перевод такого высоконаучного авторитета, как проф. Ф. Ф. Зелинский (изд. Сабашниковых, 1915). Двойственное отношение к труду проф. Зелинского не прекращается при его изучении с первой до последней строки. С одной стороны, мы недоумеваем перед тем или иным разрешением какого-нибудь места по-русски, а с другой—должны признать, что к этому разрешению автора привела тонкая экзегеза или изысканное толкование, доступное только громадному ученому. Модернизация—принцип проф. Зелинского. Но модернизация его сомнительна тем, что она касается не отдельных выражений, ни даже языка, а самого характера чувств действующих лиц: Эдип, Антигона, Исмена переживают свои перипетии с пафосом французского романтика. Не будем голословны: напр., ст. 240 (слова Антигоны)

п о д л и н н и к	с м ы с л	З е л и н с к и й
Ω ξένοι αἰδούργους	о чужестранцы сострадательные! (дословно: с совест- ливым сердцем)	Где ж ваша кротость, друзья?

Переводчик мог усмотреть в Ω ξένοι αἰδούργους оттенок иронии, но перемена положительного обращения на вопрос и подобное обращение иронии—едва ли приемлемы.

Или ниже, ст. 263—265 (слова Эдипа)

п о д л и н н и к	с м ы с л	З е л и н с к и й
οὐ ἄρ δὴ τό γε σῶμ' οὐδὲ τ' ἄ ρ γα τὰμ'	...гбните, имени одного стра- шась, а не меня самого и не дел моих	...изгнать? Чего боитесь? Имени пустого! Иль образ мой смугил вас? Нет, не он...

Вероятно, проф. Зелинский считал, что подобная патетика будет доходчивей до современного читателя. Но едва ли подобный прием мирится с требованиями стиливого сходства с оригиналом. Приведем еще только один образец; ст. 382—383:

подлинник

смысл

Зелинский

ταῦτ' οὐκ ἀριθμὸς ἐστίν,
ὅτι τίς τερ, λόγῳν,
ἀλλ' ἐν γὰ θεῖνᾳ

Это не простое пере- Да, мой отец. Не
числение слов, отец слов лишь вереницы,
мой, но дела ужас- Нет, дел грозу я
ные... принесла тебе.

Не говоря об игнорировании фразеологической конструкции,— должно ли в поэтическую параллель ставить представления столь разного порядка, как «вереницы» и «грозу»? Можно ли, как в данном контексте, «грозу»—«принести»? Наконец, зачем нагружать простую речь Исмены этим образом, когда в подлиннике употребляется обычный эпитет «θεῖνᾳ»? Много раз в течение нашей долгой работы перевод проф. Зелинского давал нам ключ к пониманию того или иного оттенка подлинника. Мы все время чувствовали, что этот перевод—этап в русской переводной с греческого литературе. Тем острее была наша реакция против его внешне-театрального поэтического стиля.

Особой проблемой для нас была степень архаизации языка. Мы пережили целую скалу отношения к этой проблеме. Сначала, следуя отчасти стилю Вячеслава Иванова, мы пользовались славянизмами более широко, особенно в «Антигоне»; но затем, под влиянием основательной критики и викивания в язык подлинника, мы довели процент славянизмов до минимума, поставив, однако, правилом ббльшую архаизацию хоров, чем триметров, что ощущается и в подлиннике. Но и в триметрах мы не сводили языка до уровня современной разговорной речи, считая, что это было бы ложным вульгаризирующим приемом. Ведь и Софокл писал не на обиходном языке (κλιτή). Несколько ббльшую ноту просторечия позволяли мы себе в речах вестников и стражей, говорящих у Софокла чрезвычайно жизненно.

Перевод сделан в основном по изданию Masquegay (Paris 1925—26). Стихи, признанные непринадлежащими Софоклу, взяты в квадратные скобки, утраченные и восстановленные предположительно—в ломаные. Пусть читатель не смущается тем, что цифровые обозначения стихов не всегда совпадают с фактическим числом стихотворных строк: это объясняется традиционной нумерацией стихов, принятой в ученых изданиях греческого текста, согласно которой в некоторых случаях один стих считается за два, иногда за три.

Перевод наш не имеет специального редактора. Но сочувственно отнесшийся к нашему труду проф. С. И. Соболевский разъяснял нам некоторые сомнительные места, просматривал текст, давал советы, и мы выражаем ему нашу глубокую благодарность.

ПОСТРОЕНИЕ ТРАГЕДИИ У СОФОКЛА

І. Составные части трагедии

Трагедии у Софокла состоят из пролога, парода, нескольких эпизодов и эксода.

Каждый эпизодий (акт, действие) заканчивается стасимом (хорической песней).

1. В середине эпизодия иногда встречается коммос—большая вокальная переключка героя с корифеем (например, «Эдип-царь», 634—697).

2. Комматик—малая переключка (например, «Эдип-царь», 1197—1199).

3. Амейбейон—модификация коммоса или комматика, но с меньшей вокальной нагрузкой соучастников (например, «Эдип в Колоне», 833—886).

Во всех этих трех разновидностях хорической песни мы видим ее распределение между героем и хором (причем соблюдается строгое антистрофическое соответствие).

4. Эмелия—плясовая песня хора (например, «Трахинянки», 205—224).

5. Мелос—сольное выступление героя (например, песня Антигоны в «Эдипе в Колоне», 236—253).

Эксод (исход) обычно заканчивается френетическим погребальным коммосом (плачем)—пережитком древней ритуальной заплачки (см., напр., финальную сцену «Антигона»).

В прологе обычно дается завязка трагедии (например, «Электра», 47—50).

Парод—это первое выступление («парад») хора, представление его зрителям, связанное со сложным передвижением по всей сцене («оркестре»).

Стасимы (дословно: «песнь, исполняемая стоя»*) исполнялись на месте. Передвижения—если они и были,—вероятно, не выходили за пределы очень тесно очерченного круга. Все сопровождалось, надо думать, особо выразительной мимикой и игрой рук и пальцев (хиромомия); не исключена также возможность и богато группированных поз, которые в своем основном рисунке отражали, вероятно, тему 1-го актера (см. аналогичные сюжеты вазовой живописи).

* Так объясняет слово «стасим» античный комментатор к «Лягушкам» Аристофана (1281).

Эпизодии составляют непосредственное развитие завязки; в них, искусно варьируя давно известный всем сюжет, вплетаются «перипетии». Этой «обогатительной» тематикой Софокл владеет с необычайным искусством (см., например, перипетию в «Эдипе-царе», сцена с коринфским гонцом).

В конце последнего эпизодия нарастает трагическая катастрофа, которая завершается развязкой.

После заключительного эпизода следует эксод (исход, эпилог).

Что касается хоровых частей трагедии, то их составляют строфы и антистрофы,—иногда с заключительным эподом,—написанные лирическими, порой очень сложными, ритмами и, в противоположность аттическому диалекту триметрических частей, на дорическом диалекте. Каждая новая пара строф пишется и в новых ритмах (в отличие от хоровой до-стесихоровской лирики, где ритм строфы и антистрофы повторяется неопределенное число раз). Внутри каждой строфы и антистрофы мы видим постоянное ритмическое соответствие: схеме любого стиха в строфе соответствует точно такая же и в антистрофе (антифонное построение). Исключения встречаются не часто и, по видимому, стоят в прямой связи с утраченной инструментальной музыкой или с паузами, дополнявшими данный стих до полной временной схемы (исохрония).

Причины возникновения строфического соответствия в хорах весьма сложны и все еще требуют дополнительных исследований. Вероятно, строфическое соответствие восходит к изначальной составительной природе всякой песенной лирики—песенному составлению каких-либо двух хвойственных, спортивных, производственных, ритуальных и т. д. групп. Но впоследствии такая песня при различного рода передвижениях соучастников сценического полухора—во избежание беспорядочных скоплений или запаздываний на площадке оркестры—связывается точным учетом времени и, по видимому, рано становится своего рода замкнутой музыкальной системой. Антистрофа только повторяет найденную и освоенную ритмическую форму и часто развивает ее в более патетическом роде и даже противоположно по содержанию.

II. Монолог и рассказ

Монолог в собственном смысле этого слова, как речь действующего лица, обращенная к самому себе, как, например, «Молю бессмертных снять с меня труды сии» (Эсхил, «Агамемнон», Страж на крыше дворца), в дошедших до нас трагедиях Софокла имеется только в «Трахинянках» (см. пролог Деяниры). В эпизодах мы находим обычно речи героев и второстепенных соучастников, а в эксодах—рассказы очевидцев о событиях, случившихся за сценою.

Впрочем, рассказы очевидцев-героев и второстепенных персонажей нередко встречаются и в срединных эпизодах (например, рассказ Гилла о Кенейском жертвоприношении в тех же «Трахинянках»; Филоктета о нанесенной ему ахейскими вождями кровной обиде—в «Филоктете»; Тевкрова вестника о совете Калханта—в «Аянте»; стража о погребении Антигоною тела Полиника—в «Антигоне», и т. д.).

Рассказы очевидцев внутри эпизодов—это театрализованный эпический рассказ и вместе с тем органический пережиток той далекой эпохи, когда трагедия была только примитивом и не имела ни позднейшей богато расчлененной «стандартной» композиции, ни какого-либо постоянного и оборудованного театрального помещения.

Единственный актер—корифей (запевала, *ἑξάρχων*), которым являлся тогда сам поэт,—чем он мог быть, как не рассказчиком

о событиях, случившихся за пределами предоставленной ему утрамбованной площадки? Он обращался к хору со своим сообщением; хор отвечал на его слова. Затем следовал новый рассказ, новый ответ хора—и так, чередуясь, шло до конца. После заключительного возвещения, произносимого корифеем, следовало, надо думать, самое главное: появлялся долгожданный герой-победитель. Этим, повидимому, и заканчивалась одна из разновидностей архаической до-литературной трагедии—«трагедия-дифирамб», возникшая из культовых песнопений Дионису (до появления Фесписа; см. позднейшую стилизацию ее в Вакхилидовом «Фесее»).

Другая разновидность архаической трагедии—«трагедия-заплачка»—возникла, как можно предполагать, из «заупокойного плача» над погибшим героем, которому также предпосылался соответствующий рассказ поэта-корифея. Отзвук этой «заплачки» мы находим в типологических построениях «френов» позднейшей литературной трагедии (см. заключительный «френ» Креонта над трупами Гемона и Антигоны—в «Антигоне»). Обе разновидности—«трагедия-дифирамб» и «трагедия-заплачка»—носили, несомненно, импровизационный характер (*χὴτοςχεδὶκτικὴ*—согласно терминологии Аристотеля) и, стало быть, не были фиксированы письменностью.

Эсхил, вводя второго говорящего актера, сохранил традиционные рассказы очевидцев. Точно так же поступил Софокл, добавляя третьего такого же исполнителя. Традиция рассказов отлично крепил сюжет, внося в него стройность и богатое разнообразие. Оба трагика отлично сознавали необходимость отбора и строгой группировки предшествующих, непосредственно касающихся судьбы героев «событий-рассказов» вокруг единой трагической фабулы (см. Аристотель, «Поэтика», гл. 8).

Повидимому, на основе этой традиции—и притом весьма рано—развился один из трех великих законов античной трагедии—так называемое «единство действия».

Кроме того, рассказы очевидцев—при наличии второго и третьего говорящих актеров—давали и необходимое разнообразие исполнительского характера.

Так, у Софокла образ выступающего с рассказом очевидца явно типизируется. Это уже не безымянный, в общем, глашатай (вестник) Эсхила, но очень конкретно очерченная фигура—страж в «Антигоне», подручный Геракла, Лихас, в «Трахинянках».

На появление такого рода рассказов в экзоды повлияли еще и другие причины. Две из них мы можем указать точно. Дело в том, что в античном театре в эпоху перехода трагедии в специально оборудованное помещение отсутствовал занавес. Да и при нем перемена постоянной декорации—деревянного, а потом и каменного «проскения»—была бы невозможна. Применению же переносных декораций и перестройке их на виду у зрителей мешал, повидимому, сакральный, торжественный характер зрелища. Во всяком случае эта архитектурная особенность требовала сохранения единства места, а стало быть, и обязательного включения рассказов о происшедшем в экзоды. Так стало обязательным и соблюдение второго основного закона поэтической техники трагедии—«единства места».

Отступление от него в сохранившихся трагедиях Софокла встречается только раз—в раннем «Аянте». Все же и в «Аянте» перемены декорации в нашем смысле слова не было; на перенос места действия указывала «перьякта»—вращающаяся в виде пирамиды боковая кулиса, с навешенным на нее живописным ландшафтом.

Здесь можно напомнить и о третьем законе античной трагедии—о «единстве времени», согласно которому все действие представляется протекающим полностью в течение одних суток (см. Аристотель, «Поэтика», гл. 8. Впрочем, «единство времени» позднее

приобрело чисто условный характер. У Еврипида, например, между двумя моментами происходят иногда события, требующие времени более чем один день. Но у Софокла «единство времени» соблюдается всегда.

Другая причина появления в эксоды (а также и в эпизодах) рассказов о совершившихся после катастрофы за сценою событиях состояла в том, что реалистическая поэтика трагического—в отличие от комедийной—не допускала показа зрителям никаких натуралистических или клинических, а также фантастических сцен, например: самоослепления Эдипа—в «Эдипе-царе», самоубийства Деяниры—в «Трахинянках», Евридики и Иокасты—в «Антигоне» и «Эдипе-царе», убийства Гераклом жертвенных быков—в «Трахинянках», превращения Прокны в птицу—в утраченном «Терее». Это было бы неорганическим совмещением двух резко отличных художественных стилей и потому неприемлемо.

Так, по крайней мере, смотрит на дело Гораций в своей «Ars Poetica», имевший у себя не только подлинные образцы греческих трагедий, но и ряд теоретических трактатов:

Не представляйте на сцене того, чему лучше свершиться
Там, за сценой. Есть вещи, которых нам видеть не должно.
Пусть же о них в свое время свидетель скажет речистый.
Я не хочу, чтоб Медея детей убивала публично;
Чтоб нечестивец Атрей предо мной человечину жарил,
Кадм чтоб в змею превращался, а Прокна—в небесную птицу.
Сцены такие смотреть мне бывает смешно и противно.

Очевидцы у Софокла, рассказывая о чем-либо, всегда при этом преследуют определенную, узко личную цель; рассказчик, кроме того, всегда ярко характеризует себя (Лихас в «Трахинянках» выдает тайну своего господина, в корыстной надежде заслужить милость Деяниры; страж в «Антигоне» желает спастись от гнева Креонта и вместе с тем проявляет хитрую сметку; домоходец в эксоды «Антигоны» неподдельно скорбит, повествуя о смерти Гемона и Антигоны: он—верный слуга и не желает лгать Евридики).

Совсем другое мы видим в эпических рассказах у Гомера. Так, рассказ Главка Диомеду о Беллорофонте («Илиада», VI, 144—211) мог бы быть вложен в уста любого союзника или троянца, столь мало он выражает специфический душевный склад этого героя. Цель Главка—лишь ответ на вопрос Диомеда («Почто вопрошаешь о роде?», 145); какой-либо иной, своей, чисто личной движущей цели у Главка нет.

Рассказчик у Софокла всегда патетичен, и притом он—характерен: два условия, без соблюдения которых, говоря вообще, немислим никакой сценический рассказ.

III. Речь. Композиция речей и рассказов

Кроме рассказов, в трагедии Софокла мы встречаем еще и речи. Эти речи также представляют театрализованный эпос. Однако в трагедии речи проникают позднее рассказов—в прямой зависимости от постепенного усложнения первоначальной драматургической композиции (повидимому, начиная с эпохи введения 1-го актера при Феспие).

Трагические речи имеют исключительно важное значение. Это прежде всего—динамическое начало трагедии, они всегда выражают нечто глубоко личное и принципиальное. Именно в них высказываются те или иные моральные, социальные или религиозные взгляды и суждения (например, Креонтом в манифесте при вступлении его на престол, «Антигона», эпизодий I).

В речах герой обычно предпринимает те или иные важные

решения, которые вскоре и приводят его к роковому исходу—катастрофе (см., например, Эдипово «проклятие», в полном невении призываемое им на себя,—«Эдип-царь», манифест, эписодий I).

Этого рода речи также рисуют и сопутствующую общую обстановку (вступительная ситуация): чума в Фивах (см. речь жреца Зевса, «Эдип-царь», пролог).

Древние знали три рода красноречия: совещательный, торжественный и убеждающий.

Те из речей, которые носят характер убеждения, принадлежат к так называемому второму из трех родов аттического красноречия (увещательному) и имеют всегда чисто рассудочный характер, как, например, упомянутая выше речь Зевсова жреца. Они строятся по особому плану и показывают искусную риторическую отделку (см. прим. к «Эдипу-царю», 14—57).

Речи увещательные внесены были Софоклом в трагедии благодаря непосредственному знакомству поэта с широко развившимся тогда совещательным и судебным красноречием. Это было смелое нововведение, оно обогащало драматургическую технику и отлично отвечало пристрастью зрителей к обычным тогда выступлениям ораторов на агоре.

Но и в других речах—чисто патетического характера—мы также встречаем строго обдуманное построение. Однако оно намеренно уклоняется от совершенно неуместной в данном случае детальной риторической композиции. Так, в «Трахинянках» речь Деяниры, обращенная к Лихасу (эписодий I), явно подразделяется на две большие основные части, внутри которых нет никаких мелких риторических членений (подзаголовков).

И наконец, у Софокла,—если только это нововведение принадлежит ему, а не Еврипиду,—есть еще одна разновидность речей, относящихся к первому роду красноречия, судебному или составительному; например, в «Антигоне» (эписодий III) выступают именно с такими речами один за другим Креонт и Гемон («сторонь»). И в данном случае построение также уклоняется от строгой риторической композиции с ее «подзаголовками». (Речей третьего рода красноречия—торжественного—у Софокла не встречается.)

IV. Мимическое действие

Лукиан в своем известном трактате «О пляске» (31), говоря о сюжетах излюбленных тогда музыкальных «пантомим», сообщает, что сюжеты их были те же самые, как и в трагедии, с той разницей, что пантомимы допускают больше разнообразия, больше учености и бесчисленные изменения.

Это свидетельство представляет огромную важность. Оно, повидимому, означает экспозиционное разнообразие тем, стремление выбирать особенно занятные или малоизвестные варианты мифов и большую свободу трактовки сюжета (фабулы).

Не то, конечно, было в трагедии, где музыкальная пантомима не имела самодовлеющего значения, а играла лишь подсобную роль и не могла заслонять ни триметрической, ни лирической части (слова и песни).

У Софокла такая пантомима находится как раз перед началом пролога «Эдипа-царя», где изображен обряд «гикесий»—торжественного моления жрецов, старцев, юношей и детей перед дворцом Эдипа об избавлении Фив от чумы. Сакральный характер обряда не допускал, конечно, при сценическом его воспроизведении, ни «разнообразия», ни «учености», ни каких-либо искусных «изменений» традиционности,—все было, строго, скупое и благочинно.

ПРИМЕЧАНИЯ

Эдип-царь

ПРОЛОГ

Сцена I

Это—пантомима; она представляет так называемую «гикесию»—моление. Признаком священного характера моления служили шерстяные повязки, которыми обвивали принесенные ветви; эти повязки служили также отличительным признаком жреческого сана. Простители оставляли ветви на месте, если просьба их была отвергнута; в противном случае они уносили их с собой (143).

Сцена II

1. *О дети, Кады древнего побег молодой.* Кады, сын Агёнора, мифический основатель Фив.

5. Пеанами назывались молитвенные песнопения Аполлону с возгласом «и-о!». *Пеан*—неясное для нас прозвище Аполлона. Вступительный хор «Эдипа-царя» (парод) носит характер пеана.

14—57. Риторическая отделка этой речи вполне естественна: жрец Зевса, разумеется, заранее обдумал, что ему следует сказать царю. Речь эта принадлежит ко второму из трех родов красноречия (роды судебный, совещательный или увещательный и торжественный); это—увещательная речь на тему: «Избавь наш город от чумы». Обыкновенно увещательные речи распадаются на четыре части: вступление, данное положение, главная часть и заключение. I. *Вступление* (14—21): старец желает возбудить жалость царя. II. *Данное положение*, его описание (22—30): наша родина гибнет. III. *Главная часть* (31—51). Главная часть увещательной речи распадается обыкновенно на четыре основные части; оратор доказывает, что то, чего он требует,—справедливо (31—39), полезно, возможно (40—45) и достохвально (46—51). Вторая часть—«полезно»—в виду своей очевидности здесь пропускается. IV. *Заключение*: оно состоит из трех двустиший. Эта дистихическая форма сообщает ему успокоительный характер, вполне уместный после пафоса главной части. Первое двустишие повторяет мысль ст. 36—44, второе содержит новую, неоспоримую мысль, третья, как обыкновенно у Софокла, представляет общее место.

15—16. ...*восвели мы У жертвенников*. Перед дворцом Эдипа находились жертвенники богов, в том числе Аполлона.

19—20. ...*народ же... сидит... у Паллады, близ святилищ двух*. В Фивах были жертвенники или храмы Зевса, Гермеса, Артемиды и Афины (см. парод, строфа 1—антистрофа 1). Храмов Паллады было в Фивах несколько. Софокл имеет в виду два древнейших: из них один, без сомнения, храм Паллады Онки (неясное для нас прозвище), у Онкейских ворот; местоположение другого определить мы не можем.

20. *На рынках*. В Фивах их было по крайней мере два. Там также стояли изображения «богов-охранителей».

21. ...*возле вещей очагов Исменовых*. Исмен—бог реки, протекающей к юго-востоку от города Фив. Ему и Аполлону был посвящен храм с прорицалищем, где будущее предсказывалось по горению жертвы и ее внутренностям.

36. ...*вещунья... безжалостной*. Сфинкс—по-гречески женского рода. (О ней см. ст. 391.)

70—71. ...*Креонта... в Пифийское Послал жилище Феба*. В Дельфах, или Пифоне, находилось старинное прорицалище Земли-Фемиды с древним кумиром последней в виде округленного конуса (пуп Земли), хранителем которого считался герой-эпоним города Пифон, представляемый, подобно Кекропу Афинскому и др., в образе змеи. Впоследствии культ Аполлона распространился из Крита в Фокиде, и Пифонское прорицалище перешло к жрице Аполлона, называвшейся, однако, по-прежнему Пифией; это было облечено в мифическую форму: явилось предание, что Аполлон убил змея Пифона, которого похоронили под пупом Земли; последний имел подобие надгробного памятника.

71—72. ...*чтоб разведал он, Каким служеньем или мольбою град спасти?* Дельфийский оракул был ревнителем культа предков (-героев) и вообще умерших; этот культ получил самое широкое распространение. Очень часто получался ответ, что бедствие вызвано гневом героя, которого следует умиловить жертвоприношением, учреждением постоянного (нового) культа или обновлением старого, иногда—перенесением останков героя из чужбины на родину и т. п. Умиловление героя совершалось при помощи обрядов и молитв.

73—75. *И день уже подходит и тревожусь я, В чем дело? Потому, что много доле Положенного срока он отсутствует*. В Дельфах (как видно из пролога Эсхилových «Евменид») желающие воспросить оракула бросали жребий относительно порядка, в котором им следовало приближаться к богу; при большом числе вопрошающих и неудач в вынимании жребия Креонт мог быть задержан в Дельфах на несколько дней.

С ц е н а III

83. ...*лаврами увенчанной*. Возвращение паломника со священным венком на голове имело то же значение, как и возвращение гикета с молебной веткой в руке (см. сцену I).

85—101. *Феор*—паломник,—будучи допущен во внутреннюю часть храма, видел перед собою Пифию, сидящую на треножнике под расщелиной скалы, из которой поднимались одуряющие пары; рядом с ней стоял прорицатель. Паломник обращался к последнему; тот, прислушиваясь к бессвязным возгласам Пифии, старался извлечь из них указания для своего ответа, который был всегда в стихотворной форме; феор записывал этот ответ. Толковать ответ он должен был сам; некоторую помощь, впрочем, могли ему оказывать дельфийские толкователи.

101. ...*обуреваем*. В «Илиаде» (песнь I) Аполлон непосредственно наказывает ахейцев чумою; здесь, согласно более старинному преданию, оскорбленная душа убитого Лая мстит народу, среди которого безнаказанно проживает его убийца.

102—131. За исключением стихов 102 и 105, весь этот рассказ ведется в так называемой дистихомии (т. е. двойной стихомифии), что придает ему спокойный и деловой характер.

109. ...*преступленья давнего*. Со времени убийства Лая прошло 10—15 лет; этим фактом объясняются и дальнейшие расспросы Эдипа, которые Аристотель находит неправдоподобными («Поэтика», гл. 24).

110—111. В пределах наших, он сказал. Креонт отвечает на оба вопроса Эдипа, на первый—толкованием слов «в ней возросшую» (97), на второй—общим местом, доказывающим, что на этот счет ни оракул, ни толкователь не дали объяснения.

118—119. *Погибли, кроме одного; тот в ужасе Бежсал, — и знал и видел, да сказать не мог*. Креонт этим дает понять, сколь незначительны были улики против преступника. Креонт имел основания умалывать значение этой улики, так как до вступления на престол Эдипа обязанность отомстить за смерть Лая кровью убийцы лежала на нем; выставляя на вид незыблемость очевидца, он защищает косвенно и самого себя. Но Эдип дает его пониманию другое толкование. Еще раньше Креонт не хотел сообщать оракула в присутствии просителей (см. 91—92), теперь он как бы пытается схронить концы преступления; а с другой стороны, юридический вопрос о заинтересованности был, несомненно, против Креонта, который занял престол после смерти бездетного Лая и занимал бы его и поныне, не будь истории со Сфинксом. У Эдипа мелькает подозрение, не сам ли Креонт виновник смерти Лая. Пока он ограничивается намеками (124—125, 128—129). Эдип не без язвительности возвращает Креонту (121) его общее место: «Когда б надежды малость получили мы».

130. ...*Загадки певшая*. В подлиннике *Πυλφδοξ* (слово, встречающееся только у Софокла): «своей причудливую песнею»

ПАРОД

Хор состоит из созданных на вече по приглашению Эдипа через глашатая Кадмова народа—фиивцев. В действительности, это не весь народ, а только его представители, которые были «владыками», «басилевсами», подобно Эдипу, и повиновались ему как самому могущественному и богатому из своей среды; оттого-то Иокаста и называет их «Страны владыки», 911. О содержании манифеста мы можем составить представление по первым стихам вступительной песни хора (парод).

Обыкновенно такие собрания происходили на площади; здесь, в видах соблюдения единства места, поэт должен был собрать басилевсов перед дворцом Эдипа, что, по традициям гомеровских времен, является возможным. Так, Гомер («Одиссея», III, 406), говоря о Несторе, упоминает о

...гладких, широких

Камнях, у двери высокой служивших
седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом,
на них же
Прежде Нелей восседал...

Эти камни, очевидно, подобно отесанным камням на площади Феаков («Одиссея», VIII, 6), служили сиденьями для собиравшихся басилевсов. Такие же камни стояли полукругом перед дворцом Эдипа, так что сидевшие на них старцы-басилевсы имели перед собой изображения богов «покровителей собраний».

С т р о ф а 1 (151—158). По мнению древних, мысль, невольно зародившаяся у человека, который с надеждой и страхом ожидает великого события, считалась внушенной свыше, так что в известной мере каждый человек был прорицателем (ср. стасим III, строфа 1, 1086—1087).

152. ...*Пифона*. См. прим. к ст. 70—71.

154. *Деллец*—так как Делос был центром ионического (и аттического) культа Аполлона.

155—156. ...*по-новому ль Ныне внушаешь служить иль по-старому, В должные сроки*. Либо впервые (учреждение нового культа), либо вновь по прошествии многих лет (возобновление забытого культа).

— ...*внушаешь служить*. В сакральном смысле, см. прим. к ст. 72.

А н т и с т р о ф а 1 (159—167). Кроме Афины и Аполлона, изображения которых стояли перед дворцом в числе богов «покровителей собраний», старцы-басилевсы призывают еще Артемиду, которая под именем Евклеи (=преславной) имела жертвенник на круглой площади.

С т р о ф а 2 (168—178). Хор перечисляет бедствия в таком же порядке, как и жрец Зевса (25—30); отсюда вероятно, что под «земли порождения славной» (172) следует разуметь и растительность и стада.

172. ...*славной* своим плодородием; такой действительно была Беотия.

173. ...*вопят в мучениях*, сопровождаемых жалобными возгласами «й-ò», которыми призывался целитель больных Асклепий. В подлиннике—непереводимое прилагательное ἰσίων.

174. ...*быстрокрылою птицей*. Согласно верованиям, души умирающих, подобно перелетным птицам, стаями летели за океан, где, по представлениям Гомера («Одиссея», X, 509), находится «низкий берег и рощи Персефоны», жилище «вечернего», т. е. обитающего на крайнем западе, бога. Древние представляли себе души крылатыми.

А н т и с т р о ф а 2 (179—188). Описание чумы.

185. *пеан сияет*. Олицетворение умиловительного песнопения.

186—187. *Ради того, о золотая дочь Диева, Ясноликой встань защитой!* Эти два стиха по смыслу образуют начало следующей молитвы; *дочь Диева*—дочь Зевса Афина.

С т р о ф а 3 (189—202). По представлению древних, моровая язва распространяется невидимым прикосновением злого духа; следуя народным представлениям, Софокл называет злого духа Ареем, а чтобы отличить этого Арея от мифического бога войны, прибавляет эпитет «без медяного щита» (синекдоха), подобно тому как Эсхил в «Евменидах» (344) демона коварного убийства называет «ручным Ареем».

191. ...*молю!* Подразумевается: «тебя, Афина».

193—194. ...*огромный Терем Амфитриты*. Терем супруги Посейдона, т. е. окружающее Элладу море. Оно считалось родиной чудовищ, которых вскармливает эта богиня; см. «Одиссея», XII, 96:

Ловит дельфинов она [т. е. Скилла], тюленей и могучих подводных Чуд, без числа населяющих хладную зябь Амфитриты.

196. ...*Под прибой фракийский*. В бурную фракийскую пучину, так как воинственная Фракия считалась любимой страной Арея. Она, в противоположность евфемистическому имени «Евксинский Понт», т. е. гостеприимное море, называется «с негостеприимными стоянками», так как Черное море, воспетое в эпосе об Аргонавтах, продолжало внушать афинянам суеверный страх, несмотря на развивавшиеся торговые сношения с колониями на его побережье.

Представление об изгнании демона чумы в море имеет кроме поэтической и религиозную сторону: морю приписывалась очистительная сила, и страдавшие от чумы ахейцы, прежде чем принести Аполлону умиловительную гекатомбу,

Все очищались они и нечистое в море метали.

(«Илиада», I, 314)

203. *Ликийский*. По народным представлениям, отразившимся и в культе, светлая божественная чета, Аполлон и Артемида, обитали в «стране света», лежащей по ту сторону неприступных гор и населенной блаженным народом—гиперборейцами; отсюда они являлись к смертным. Таково первоначальное значение слова *Λύκιος*; со временем оно повело к недоразумениям. С одной стороны, ознаменовавшись с Ликией в Малой Азии, эллины стали отождествлять ее с мифическим царством Аполлона и признали в главном божестве этой страны, почитавшемся в Патаре, своего бога (Патарский Аполлон); с другой стороны, пастухи, почитавшие «Аполлона как покровителя стад», производили *Λύκιος* от *λύκος* («волкоубийца»). Поэты следуют всем трем объяснениям.

206. ...*свои... светочи*. Артемида нередко изображалась как «несущая светоч» (факел).

206—215. За Палладой, Зевсом и Аполлоном, к которым хор обращается во втором лице, так как их статуи стояли среди богов-покровителей, следуют отсутствующие там Артемида и Вакх; поэтому о них говорится в третьем лице. В переводе это не соблюдено.

209. ...*златоповязный*. Так изображается Вакх на мраморном бюсте в Лейдене: с золотой повязкой вокруг пышных кудрей.

210. ...*Краю давший имя*. Фивам, его родине (см. «Трахинянки» Софокла, 510).

211. ...*Винноокий*. Быть может, с ярким румянцем на лантах—признаком вакхического возбуждения.

212. ...*Восклицательниц Менад!* Оглававших воздух криками «эвоэ»—собственно: «благо ему». Так называет вакханок и Гораций («Оды», III, 25, 8).

214. *Ослепительной смолою*, то есть с горящими факелами Менад.

215. *В бой на духа, всех презренной из духов!* Таким образом, хор просит, чтобы Аполлон по всей площади (см. 203—205) города пускал свои стрелы, а Артемида и Вакх (206—215) со всей свитой вакханок бегом носились по ней, размахивая факелами. Это представление находит себе аналогию в «травле душ», совершаемой греками в праздник Анфестерий; души сначала угощали, а затем изгоняли ударами по воздуху палок, факелов и т. п., приговаривая:

Вон, души,—Анфестерии окончились!

Такая травля чумы тем более уместна, что моровую язву («огненный дух, мор...», ст. 27) нередко приписывали непосредственному вмешательству разгневанных душ; см. прим. к ст. 101 («зане обуреваем кровью город сей»).

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

С ц е н а I

216—275. У древних греков представители государственной власти не имели административного аппарата, для того чтобы самим вести розыск; они судили или назначали суд, но не иначе, как по представлении доноса со стороны третьего лица (обвинитель), которым мог быть любой гражданин. Если интересы государства требовали, чтобы виновники преступления были открыты и наказаны, оно могло содействовать появлению обвинения, назначая

награды (например, процесс Гермокопов в 415 г. до н. э.) или наказания—человеческие или «божеские»—за укрывательство. В данном случае оракул требовал не столько наказания убийц, сколько их удаления из Фиванской области. Вследствие этого манифест Эдипа, кроме вступительных слов (216—223), распадается на четыре главные части:

I, 224—232. Повелеваю всякому, кто может указать убийц, явиться ко мне с доносом.

II, 233—243. В случае если бы какие-либо причины побуждали вас умолчать об убийцах, повелеваю вам, по крайней мере, прекратить всякие сношения с ними, чтобы этим заставить их покинуть страну.

III*, 244—254; 269—272. Да будет проклят тот, кто откажется повиноваться этим моим словам; 255—268, парентеза.

IV, 273—275. Заключение.

229. ...*невредим уйдет*. Наградой за сообщение о своем собственном преступлении является более мягкое из наказаний, которых требовал бог, т. е. изгнание, а не смерть (см. 100).

236. ...*Приказываю*. Эдип говорит здесь, в противоположность ст. 223 («объявляю всем»), в повелительном тоне, так как даваемое им здесь приказание основывается на его царской власти.

240. ...*ж воде святой*. Вода, освященная погружением в нее взятой с жертвенника при жертвоприношении головы. Окропление такой водой служило знаком того, что окропленный принимался (в качестве домочадца или гостя) в семью хозяина.

242. ...*скверной*. Слово, заимствованное из самого оракула (см. 97).

248. *Пусть жалкий жалко горестную жизнь влачит*. Это самое страшное по представлениям древних греков проклятие: чтобы он влачил бездомную жизнь и погиб со всем своим родом, не оставив потомков, которые могли бы заботиться о его душе.

255—268. Отступление, имеющее характер юридического обоснования акта религиозной мести.

273—275. Манифест* заканчивается обращением ко всем законопослушным кадмейцам. В данном месте оно звучит расхолаживающе; но нет оснований, как делают это некоторые, переносить его выше (после 134).

275. *Правда*—богиня Дика.

С ц е н а II

Согласно мифу, когда Кадм по приказанию Паллады посеял зубы убитого им дракона, из зубов выросли вооруженные воины, которые тотчас вступили в бой между собою. В конце концов живыми остались лишь пятеро: это были «спарты»—посеянные. Одним из них был Удей (от слова—«почва»), от которого происходил Тиресий. Юношей он однажды на охоте нечаянно пришел к пруду, где купалась Афина с его матерью, нимфой Харикло. При виде богини он лишился зрения; зато Афина по просьбе Харикло наделила его даром прорицания. Он жил очень долго—пережил внуков Кадма, Лая, Эдипа и Этеокла; даже смерть не могла уничтожить в нем сознание. Про него Гомер сказал («Одиссея», X, 494):

Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия Фивского должно тебе спросить там.
Разум его сохранен Персефоной и мертвому; в аде
Он лишь с умом, все другие безумными теньми реют.

* Порядок стихов манифеста дается здесь согласно изд. Masquegaу; некоторые издатели предлагают перестановки в тексте.

Будучи по происхождению «анактом» (т. е. царем), как и Креонт, Тиресий своим даром прорицания возвышался над царем. Главной основой власти царей была вера, что они, происходя от богов, как «богорожденные цари», были их любимцами и естественными представителями общины перед ними. Но прорицатели не нуждались в посредничестве царей, имея якобы возможность вступать в непосредственные сношения с богами. На этом основывалась их независимость. В историческое время Тиресия почитали во многих местах Греции как героя. В Беотии существовал даже оракул его имени.

340. ...у вещей... птиц. Тиресий гадал по крику птиц и по пламени жертв (см. прим. к ст. 21), причем знаки сообщались ему мальчиком. Свое гадание он подробно описывает в «Антигоне» (999 сл.).

344—345. Характерный для Софокла прием заключения речи общими местами (ср. конец речи жреца Зевса, ст. 56—57).

327. ...все. Сила гикетии сказывается и здесь: Тиресий не осмеливается уйти.

350. О манифесте Тиресий узнал от вестников (ср. 305).

357—368. Далее следует древний (режиссерский?) вариант.

370. *Но не в тебе, который правды чужд,—затем.* Интересно проследить различное отношение Эдипа к Тиресию до и после этого откровения: ст. 322—344 и 345—355; 370—371.

377. ...*Но станет Аполлона, чтоб исполнилось.* — Аполлона, доказавшего своим оракулом, что он желает погубить убийцу Лая.

388. ...*Обманщика.* Собственно—юродивого. Так назывались нищенствующие, юродствующие жрецы некоторых божеств (главным образом малоазиатской Матери богов), собиравшие от имени этих богов подаяние, продававшие амулеты и предсказывавшие будущее суеверным людям, в особенности женщинам. В Пелопоннескую войну их расплодилось много.

391—392. ...*ты Хоть слово молвил во спасенье гражданам?* Тиресий должен был тогда молчать, так как не мог действовать наперекор замыслу своего бога. Но для хора причина его молчания непонятна.

410. ...*Локсию.* Локсий—темное по смыслу и происхождению прозвище Аполлона; оно может быть осмыслено как «изрекающий кривые [т. е. темные] оракулы».

411. *И к подзащитным не причтуть Креонтовым.* В Афинах обыватель, не имевший гражданских прав (так называемый метек), должен был иметь на суде своим представителем гражданина, в клиента которого он и вписывался.

415—416. ...*стал Врагом своим, здесь, на земле—Иокасты; ...там, внизу—Лая.*

418. ...*Ара грозноногая.* Грозноходящая, так как она, подобно Ате у Гомера («Илиада», XIX, 93), «по главам человеческим ходит». — Ара (проклятие)=Эриния.

421. *Киферон* был тою местностью, где пастух Лая должен был оставить малютку Эдипа на съедение зверям; туда же хотел отправиться Эдип оплакивать свою судьбу, когда узнал об ужасных преступлениях, совершенных им против воли (см. 1451—1454). Впоследствии, когда Софокл написал «Эдипа в Колоне» и ради единства нашей трагедии был дан другой конец, всю эту речь Тиресия заменили другой, которая в рукописях составляет ст. 447—462 (см. ниже).

425. *Что станешь равен сам себе и детям ты* — так как вследствие брака с Иокастой он поставлен на одну ступень со своим отцом (как муж его жены) и со своими детьми (как сын их матери). — Аллитерация подлинника частично передана в переводе.

447—462. Следует древний вариант.

449. ...муз. Перекликается—конечно, не случайно—со ст. 236: *его, кто б ни был он...*

С т а с и м I

463—464. ...*боговецей Дельфийской Скалою*. Дельфы были расположены на склоне горы Парнаса.

471. ...*Зевсов сын*. Аполлон — сын громовержца Зевса.

472. ...*грозны* — собственно не промахивающиеся, метко поражающие.

473. ...*Керы*. Первоначально Кера — душа покойника; в более обширном значении—вообще ларва, т. е. гибельный дух, почти Эриния. Предвидя близкое наказание убийцы, гневная душа Лая и Эринии сопровождают Аполлона, в котором они видят мстителя.

474. ...*воссиял*. См. прим. к ст. 185 («пеан сияет»); здесь «сияет голос».

475. ...*Снежного*, так как вершина Парнаса (более 3 000 метров) долго бывает покрыта снегом.

480. ...*как некий тур*. Софокл имеет в виду поговорку «пошел бык в лес» (т. е. «поминай как звали», так как бык, раз отбившийся от стада и вкусивший свободы, не возвращался).

482. ...*вещаний от пѳпа земли*. См. прим. к ст. 70—71; отсюда представление, будто Дельфы были средоточием земли, и предание, будто два орла, поднявшиеся одновременно с двух концов земли, встретились в Дельфах, где они и были изображены.

488. ...*Ни в минувшее, ни в грядущее*—так как откровения Тиресия касались и убийства Лая Эдипом, и ослепления, и изгнания Эдипа.

492—493. *Тут недостаточен Оселок, чтобы <доверяясь>*—собственно «ссоре, исходя от которой»=«которая могла бы служить мне надежным основанием (=оселком) выступить против». Стих фрагментарен в подлиннике.

А н т и с т р о ф а 2 (499—511). Здесь вынесен приговор Тиресию. Ср. 284—286.

500. ...*всех превзоцли, Не в согласии она с правдой*. Эти выражения заимствованы из области судопроизводства.

509—510. ...*все в нем увидели Мудреца*. Между тем как Тиресий никакого «основания» (здесь *Βάσις*—оселок—в другом значении, ср. 492—493) против Эдипа не представил.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

С ц е н а I

527. ...*не знаю, что за цель была*. Корифей и здесь, как в 523—524, хочет успокоить Креонта предположением, что царь проронил роковое слово нечаянно, не с целью оскорбить его. Для Креонта же честь—понятие внешнее; он считает ее запятнанной тем, что царь сказал, независимо от того, что он думал.

530—531. Корифей должен был бы ответить утвердительно, но он отделяется незнанием, не желая еще более возбуждать Креонта.

С ц е н а II

560. ...*пропал бесследно под ударом гибельным*. Эдип прибегает к описательному обороту, вместо ненавистного ему слова (евфемизм).

564. ...*в те годы*—подразумевается: когда это убийство произошло; везде Эдип избегает роковых слов и нарочно выражается туманно.

576. *Спроси. В убийстве ты не уличил меня.* В глазах Эдипа оправдание Креонта равносильно обвинению его, Эдипа.

583—614. Вопрос об отношении власти и личного счастья является предметом обсуждения «Горгия» Платона. Устами Креонта Софокл выражает собственные убеждения.

591. *...против воли.* Вместо «без страха» (евфемизм).

600. *Худым не станет разум здравомыслящий.* Эта мысль имеет основанием Сократово учение о том, что добродетели возможно научиться и что дурной человек прежде всего неразумен.

613—615. *...время лишь Нам указывает человека честного. Дурного же признаешь ты и в день один.* Заключение речи общим местом, как и в ст. 56—57, 314—315.

625. После этого стиха некоторые издатели (например Зелинский, Джебб) предполагают пропуск одного стиха.

Сцена III

641. Коммос I, эпиррема. Соответствие числа строк в антиэпирреме требует исключения этого (или предыдущего?) стиха.

660. *...богов бог бессмертных, Гелий-возмездь!* Гелиос называется здесь стражем (собственно «находящимся впереди»), так как он, находясь постоянно в небе, видит и слышит все происходящее на земле. Именно вследствие этого старцы призывают его в свидетели.

661. *...бога чужд—покинутый богами.*

684. *Да.* Собственно обвинял Эдипа в убийстве Лая не Креонт, а Тиресий. Но корифей не хочет произносить имя Тиресия в присутствии царицы, опасаясь дальнейших расспросов.

Сцена IV

724—725. *...если бог сочтет Что-либо нужным, сам объявит с легкостью.* Правouchение в заключении речи (см. выше, 613—614).

733—734. *...дороги там Три сходятся на Дельфы и на Давлию.* Название «пересекающаяся дорога» (*Συσταή οδός*) осталось за этим местом и впоследствии; при Антонинах (II в. н. э.) здесь показывали памятники Лаю и его слуге.

747. *Боюсь, чудесный зряч не оказался бы.* Эдип берет назад свой упрек, 370—371.

752—753. *Всего пять было, и меж них глашатай тот,—Сам Лай же ехал на возке единственном.* Глашатай нетрудно было узнать по особому жезлу. Его особа считалась священной. Глашатаев брали с собой в чужие страны, в видах личной безопасности, цари и—с разрешения царей—другие лица.

760. *...К моей руке припал он.* Более слабый вид «гикетий», чем тот, о котором упоминается в прологе.

763. *И не будь он раб.* Это сарказм. Как явствует ниже, слуга, о котором идет речь,—тот самый, который некогда по воле Лая взял из рук Иокасты ребенка и отнес его на Киферон. Понятно, что Иокаста его возненавидела и без труда давала ему «награду», о которой он просил ее, т. е. изгнание; по ее словам, он—насколько это может человек подневольный, исполняющий приказания царя,—заслуживал еще большей награды, т. е. смерти.—Эти слова подготавливают отождествление этого пастуха с тем, кто бросил младенца на Киферонскую кручу и о котором говорилось в ст. 719.

767—768. *Боюсь, жена, что слишком много в речи той Наговорил я, чтоб желать с ним видиться*—намеки на сказанные в манифесте (246—251, 269—272) слова.

769—770. *...но достойна знать И я, какой заботой угнетен ты, царь.* Иокаста уже не раз (739, 746, 748, 766) выражала свое беспокойство и желание узнать, что тревожит Эдипа.

774. ...*был*. Эдип рассказывает о своей юности; о смерти Полиба (ст. 959) он еще ничего не знает.

775. ...*дóрьянка*—из Дорида в Средней Греции.

777—778. ...*достойн был... недостойн был*. Распространенная эпанафора.

809. *Двойным стрекалом*. Бичом о двух стрекалах погоняли лошадей.

813. *И всех я убиваю*. О том, что один бежал, Эдип не знал.

817—819. Эдип приводит, хотя и не дословно, место из своего манифеста (236—241).

С т а с и м II

886. ...*богов престола*. Имеются в виду Дельфы.

888. ...*Пупу... земли*. См. прим., к 70.

899. ...*В храм... Абайский*. В Абах, в Фокиде, находилось очень древнее прорицалище Аполлона.

900. ...*в Олимпии страну*. В Олимпии производилось гадание при помощи сжигания жертвы старинным жреческим родом Иамидов.

906. Стих фрагментарен в подлиннике.

909. ...*И нигде не имеет чести Аполлон*. Это — последствие безнаказанности поступка Иокасты.

В этой песне, независимо от ее значения в рамке трагедии, поэт устами хора обращается к своим современникам, афинянам 429 г. Прославление законов должно было произвести большое впечатление во время чумы, которая, по словам Фукидида («История», II, гл. 53), «первая выявила в городе крайнее беззаконие». Защита оракулов была вызвана тем, что афиняне, отчаявшись в возможности спасения, перестали прибегать к ним (гл. 47, 4).

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

С ц е н а I

919. *Ликейский Аполлон*. См. прим. к пароду, антистрофа 3. — ...*ближайший нам*. Конечно, в нравственном смысле, как виновник всего происшедшего.

920. ...*дары*—фимиам.

С ц е н а III

1028. *Поставлен был я горные стада пасты*. Эти стада нужно было летом гнать на верхние скалы гор, которые тогда освободились от снега; здесь коринфский пастух легко мог встретиться с фиванским, так как хребет Киферон в своей западной части служил границей между обеими областями.

1036. *И назван сообразно этой части*. Имя «Эдип» означает: с опухшими ногами.

С т а с и м III

1096—1097. *О Феб-Милостивец, тебе честь! Ты ее приемли*. Хор обращается к стоящему тут же изображению Аполлона.

А н т и с т р о ф а (1098—1109). Греки, создавшие догмат о едином происхождении богов и людей из хаоса («Труды и дни», 108), верили в возможность божественного происхождения человека.

1099. ...*Из живущих долго*. Имеются в виду нимфы, которых представляли себе смертными, но живущими очень долго.

1100. *Пана ль, отца-гороходца*. Пан, бог дикой природы, навещал, по мнению греков, все гористые местности. Он назван отцом как бог.

1102. *Локсий*—Аполлон.

1105. *Повелитель...* *Киллены*—Гермес. Смотрящий с возвышенности на фиванской равнине на юго-запад видит Киферон по левую и Геликон по правую руку; между этими двумя высотами в светлые дни виднеется вдали третья, почти всегда покрытая снегом; это аркадская Киллена. Наряду с Паном и Аполлоном, которые вместе с Зевсом составляют троицу «богов высочайших», почитаемых на всех горах, хор называет Гермеса, почитаемого на Киллене, и Диониса, почитаемого вместе с Музами на Геликоне. Эдипа—по мысли хора—могла родить килленская нимфа от Гермеса или геликонская от Диониса; она бросила его, и его отец, приняв эту находку от матери (1107—1108), отнес его на Киферон, чтобы там исполнилась его судьба.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

1123. *Был раб ему, но куплен не был, в доме рос.* Положение раба, рожденного в доме своего господина, было почетнее.

1136—1137. *...три подряд, с весны И до Арктура, летних по-лугодия.* См. прим. к 1028.

— *...до Арктура*, то есть до раннего восхода этой звезды в первой половине сентября. Арктур—главная звезда в созвездии Боота; ее легко отыскать, мысленно продолжив хвост Большой Медведицы.

1138—1139. *Зимой же угонял я с гор свои стада В хлева, а он на Лаев скотный двор—свои.* Фивянин был рабом, коринфянин—свободным человеком, служившим за плату.

1145. *...дружнице.* В подлиннике *ῥάιν*, заимствованное из обиходной речи.

1160. *...увильнуть пытается.* Глагол *ἐλζούτιν*, означающий конную езду или греблю, часто употребляется в переносном смысле: медлить, увертываться.

1167. *Ну, знай, что был он домохозяином Лаевым.* Под этим неопределенным выражением разумеется Иокаста.

Стасим IV

1187. *...доколе вы живы.* Лишь после смерти можно сказать про человека, что он был счастлив; см. заключительные стихи трагедии (1524—1530).

1196. *...когтистую деву*—собственно «с кривыми когтями». Речь идет о Сфинксе.

1197. *...Тайнопевную*—певицу загадок: загадочную форму орაკулов здесь выражает слово *ὑποκόβη*.

1207—1210. *Принят был одной Пристанью любви Вслед отцу и сын, Чтобы, в брак вступиш, пропасть.* В подлиннике очень сложная конструкция. Дословно: «Ты, перед которым раскрылись двери ужасного терема, чтобы служить общему пристанью и для отца и для сына...»

1213. *Нива отца.* Старцы избегают имени Иокасты. Метафора объясняется употреблением глагола *σπείρειν* (сеять) в переносном значении *ἔγγυς* (рождать).

1216. *...ты—отец и сын.* В подлиннике один и тот же глагол: *τεκνοῦται καὶ τεκομένου* (породивший и вместе с тем—порожденный).

ЭКСОД

Сцена I

1227. *...Истр и Фасис*—Дунай и Рион; были известны афинянам из «Истории» Геродота; но представление о них—как доказывает само их сопоставление—было очень смутным.

1230—1231. *Из страданий же всех горше—добровольно понесенные.* Речь заключается общим местом.

1238. ...не видел ты. Логическое ударение.
1245. ...Супруга стала звать давно умершего, т. е. Лая, что-бы он пришел за ее душой.
1255. ...меч просил он дать. См. выраженное в ст. 1183 намерение.
- 1256—1257. ...ниву с семенем Двояким—дважды оплодотворенную (не поддается дословному переводу).
- 1261—1262. ...На дверь двустворчатую налетел, и ось из гнезд исторгнул и вломился в комнату. В отличие от наших дверей, двери в античной Греции вращались на осях, медные шпешки которых покоились в гнездах, выдолбленных в пороге и в верхнем косяке.
- 1268—1269. ...Сорвав с одежды царственной убор ее, Он золотокованную пряжку. В древние времена афинянки носили так называемый дорический хитон без рукавов, застегивавшийся посредством металлических пряжек на плечах.

С ц е н а II

КОММОС

Вступление (1297—1306).

1322. ...близкий... мне слуга—приближенный, среднее понятие между другом и слугою.
1331. ...глаз—дословно «очи погасить», антистрофа 1, 1382.

С ц е н а III

1376. ...как родились. Эдип хочет сказать: «от кровосмесительного брака» (род евфемизма).
1400. ...Вы, что испили кровь мою горячую—так как в жилах отца и сына течет та же кровь.
- 1405—1407. Воспринял то же семя, от которого—Отцы, сыны и братья—кровь родимая, Невесты, жены, матери. Ты сделал сыновей братьями своего отца, новобрачную женой и в то же время матерью своего мужа.
- 1413—1414. ...удостоите вы несчастного Прикосновеньем, не страшитесь. Скверна считалась заразной, прикосновения к оскверненным избегали; но Эдип замечает с горечью, что его зло уже вследствие своей беспримерности не может перейти к кому бы то ни было. Эдип требует, чтобы кто-нибудь увел его из Фиванской области, согласно изречению оракула, и затем предоставил собственной участи. На Кифероне он в проводниках не нуждался, так как направление пути было для него безразлично; но дойти до границ страны он без проводника не мог.

С ц е н а IV

Цель появления Креонта достаточно определяется тем, что он, как видно из ст. 1476—1477, заранее взял с собою обеих дочерей Эдипа. Он намерен честно исполнить обязанности родственника и сделать все от него зависящее, для того чтобы Эдип согласился оставаться в Фивах.

Креонт является на сцену, зная о том, что задумал Эдип. На вопрос, как он мог узнать об этом, поэт ответа не дает; древняя трагедия предоставляет зрителям самим восполнять такие пробелы. В данном случае можно предположить, что кто-нибудь из домохозяев и рабов, бывших свидетелями сцены II, известил об этом Креонта.

1427—1428. *Грех, которого Земля не примет, ни священный дождь, ни свет*—такое было мнение греков об отцеубийцах.

1445. *И ты поверить божеству готов теперь!* Этот стих вызывает на ст. 378.

1456—1457. *...умиравший, я Спасен бы не был.* Чудесное спасение считалось доказательством, что смерть потеряла власть над спасенным. По «Эдипу в Колоне», Эдип был живо поглощен землей.

1459—1460. *О старших детях, о моих сынах, Креонт, Не прилагай заботы,—возросли они.* Неприязненное отношение сыновей Эдипа, мрачного Этеокла и страстного Полиника, к отцу было отмечено давно и эпосом и фиванскими трагедиями Эсхила; в «Семи вождях» упоминается о проклятии Эдипом своих сыновей.

1490. *...празднества*—праздничные собрания в честь богинь (главным образом—Артемиды для девиц, Деметры для замужних).

1510. *Дай клятву, благородный, и рукой коснись.* Кивок обозначал не только согласие, как у нас, но и торжественное обещание перед богами. В «Илиаде» (I, 524 сл.) Зевс, обещая Фетиде исполнить ее просьбу, кивает головой. Для Креонта этот знак также равносителен клятве. Так как Эдип не мог видеть кивка, он просит Креонта коснуться его рукой.

Эдип в Колоне

ПРОЛОГ

С ц е н а I

16—17. *А место свято, несомненно: много в нем Маслины, лавра, винограда.* О святости места Антигона заключает по деревьям, посвященным Аполлону, Афине и Дионису.

С ц е н а II

40. *...Богинь ужасных, тех Земли и Мрака Дев.* Речь идет об Эриниях. Эта генеалогия принадлежит Софоклу. По Гесиоду («Теогония», 185), они—дочери Геи, рожденные от крови изувеченного своим сыном Зевсом Кроноса, так что своим происхождением они также обязаны нарушению кровных уз. Эсхил («Евмениды», 416) называет их дочерьми Ночи. У других поэтов они дочери Кроноса и Евриномы (или Евномии), или Эфира и Геи. Указание, что Эриний было три, впервые встречается у Еврипида; имена—их Алектро (Неуспокаивающаяся), Тисифона (Мстительница за убийство) и Мегара (Враждебная)—приводит лишь Аполлодор.

42—43. *Их здесь всевидящими Евменидами зовет народ, в иных же странах—иначе.* По Павсанию (описание Эллады, II, 11, 4), Евменидами Эриний назывались в Сикионе. По Эсхилу («Евмениды», 996), умилостивленные Эринии становились благосклонны, если преступник раскаянием или очищением смое с себя вину. Такими стали они, например, к Оресту, осквернившему себя убийством матери, Клитемнестры, но оправданному Ареопагом благодаря заступничеству Афины. Так объясняет миф евфемистическое название Эриний—Евмениды (Благосклонные). В Аттике они назывались «досточтимые». Другие их названия: Керы, Ары.

54—63. Колон был местом многих древнейших культов. Здесь почитался Посейдон-Конник, создатель коня, который уже в «Илиаде» (XXIII, 23, 307, 584) является правителем состязаний на колесницах и почитается покровителем Аттики, известной своими конями (см. стасим I, антистрофа 2); его алтарь близко от места дей-

ствия трагедии (см. 888). Здесь имел свой алтарь Прометей—сын титана Япета и Климены, похитивший огонь с неба,—как учредитель состязаний, состоявших в том, чтобы добежать до определенной цели, не погасив факела; он изображался с факелом в правой руке. Третий бог был Колон-Конник—местный аспект Посейдона.

56—57. *А место, где ступаешь ты, У нас Порогом Медным именуется.* По мифу, в скале, на которой находилась роща Евменид, была расселина; по ней прошли аттические герои Фесей и Пирифой, чтобы спасти похищенную богом подземного царства Аидом Персефону; этот спуск был устлан медными плитами. См. также 1590—1591.

63. *...Не по преданьям, а в святом общении,* то есть в живом общении с культом Колона-Конника.

66. *Кто-либо правит иль за большинством вся власть?*—Анахронизм: в архаическое время демократического правления нигде не было.

68. *Но кто ж тут словом властен и могуществен?* Намек на мифическое объединение Фесеем всех земель Аттики в одно государство.

Сцена III

87—88. *...То он, предрекиши мне страданий множество, Об этом упокое мне вещал.* Когда Эдип пришел в Дельфы узнать о своих родителях, Аполлон дал ему обещание, что некогда, по истечении долгого времени, он найдет у «достопочтенных богинь» в чужой стране гостеприимное пристанище—на благо тех, которые окажут ему гостеприимство, и на беду для тех, которые его оттолкнут, и что боги предзнаменованиями возвестят приближение его кончины. Исполнение этого оракула и составляет содержание «Эдипа в Колоне».

88—90. *...что в край Придя последний, через долгий срок, займу Честных богинь сиденье—место странничье.* В «Эдипе-царе» не упоминается об этой части предсказания (90); Феб предсказал Эдипу отдых от страданий, когда он достигнет места «честных» богинь. Это темное предсказание Эдип уразумел, лишь очутившись в роще Евменид, которые имели прозвание «честных».

100. *...вас, бесхмельных.* Евмениды назывались «бесхмельными», потому что им приносили возлияния из воды и меда, без примеси вина.

ПАРОД

124. *...свой не войдет сюда.* Мимо рощи Эриний обычно проходили молча, между тем как, проходя мимо святилищ других богов, к последним взывали.

158—160. *...Где обильно растет трава, Полн водою кратер и мед Смешан с ее струей.* Это место, как видно из 505—506, не находилось в отдаленной части рощи.

После ст. 181 выпало три стиха, после 186—один, восстанавливаемый нами предположительно.

195—196. *В стороне, где камня край, Рядом, там вон, присядь.* Эдип должен был сесть на краю камня, подогнув под себя ноги, чтобы не коснуться земли, принадлежащей Евменидам.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Сцена I

236—257. Песню Антигоны (сценический мелос) и четыре ямбических триметра (254—257) античная критика считает неподлинными.

250. *Чадам, супругой, имуществом, даймоном.* Этот стих, повидимому, является вторичной вставкой в древнюю интерполиацию.

270—271. *Но порочен ли я от природы, злом за зло воздавший им?* Родители Эдипа, желая избежать прорицания Аполлона, по которому Лай должен был погибнуть от руки сына, велели пастуху бросить младенца на гору Киферон.

287—288. *Свят и благочестья полн, Для пользы этих граждан дан я пришел.* Эдип «свят» потому, что после совершения умиротворительного возлияния находится под покровительством Евменид; «благочестья полн» потому, что пришел в рощу Евменид, исполняя прорицание Аполлона.

312. *На муле на этнейском подвезжает к нам.* Речь идет, повидимому, о сицилийском муле; на мулах ездили преимущественно женщины. На сцене, повидимому, мул не появлялся; предполагалось, что его передавали слуге за сценой.

313—314. *...и от солнца защищая, ей Лицо закрыла шляпа фессалийская.* Шляпа с широкими полями (петас); ее носили путешественники, крестьяне и пастухи.

С ц е н а II

327—331. Смысл требует перестановки этих стихов.

353—355. *А ты, о дочка, и в тот раз к отцу пришла, Таяся от кадмейцев, прорицания Несея, что были про него.* О прорицаниях, данных фиванцам, когда Эдип еще жил в Фивах, ничего не известно.

374—376. *И вот юнейший и поздней родившийся, Чем ранее рожденный Полинк, его Лишает трона брат, изгнав из родины.* Софокл отступает от обычной традиции, по которой Этеокл был старшим сыном.

378. *...В долинный Аргос удалясь...* Город Аргос в Пелопоннесе был окружен горами.

387. *Да, по недавним, о отец, вещаниям.* Оракул гласил, что благосостояние Фив зависит от Эдипа, живого или мертвого. Боясь принять изгнанного отцеубийцу, фиванцы хотя бы поселить Эдипа в окрестности Фив, чтобы после его смерти обладать его могилой.

388. *Каким? И что же в них предречено, дитя?* Эдип делает вид, что не знает предсказаний, чтобы подробней разузнать о своей судьбе.

402. *Твоя могила скорбная—беда для них—то есть фиванцы боятся внезапной смерти Эдипа во время его странствования в безвестной стране.*

427—444. В конце «Эдипа-царя» (1410), убедившись, что он убил своего отца Лая, Эдип требовал, чтобы его убили или изгнали из отечества; но Креонт отказал в этом, и Эдип был изгнан лишь впоследствии, уже против воли.

458. *...странодержиц трисвятыя богинь—Евменид.*

С ц е н а III

АМЕЙБЕЙОН

540—541. *...Дар, но его никогда терпеливцу мне Не надлежало принимать от города.* Место, заподозренное рядом критиков (Диндорф, Наук).

С ц е н а IV

562—564. *Я сам воспитан, как и ты, в дому чуждом, И больше, чем другие, по краям чужим Опасного свершил я для главы своей.* Согласно мифу, Фесей, сын Эфры, был воспитан у своего деда Питфея в Трезене. Отправившись через Исфм в Афины с целью найти своего отца, он испытал на пути много приключений в борьбе с раз-

бойниками и дикими чудовищами. Подобно Гераклу, Фесей был общеэллиническим национальным героем.

632—633. *Во-первых, наш соратничий Ему до века будет пусть родным очаг.* Указание на постоянное гостеприимство между фиванскими лабдакидами и афинскими эгеидами. О гостеприимстве Фесея и Полиника до его удаления в Аргос упоминает и Еврипид («Умоляющие», 930).

646. *Здесь тех я одолею, кто изгнал меня.* Победу над фиванцами, которые его изгнали, одержит не сам Эдип, а страна, которая оказала ему покровительство и защиту, т. е. Афины.

Стасим I

668. *...Доброконной страны...* Богатство конями составляло отличительную черту современных Софоклу Афин.

670. *...наш Колон белоснежный.* В Колоне было множество известковых и меловых скал.

679—680. *...многочисленным провождаем Хороводом богинь-кормилиц.* Нисейские нимфы, вскормившие и воспитавшие Диониса.

681. *И, небесной впоен росой.* Нарцисс и шафран росли на бесплодных скалах.

683—684. *...превеликих двух Стародавний венец богинь.* Нарцисс и шафран были посвящены богиням Елевсинских мистерий—Деметре и Персефоне. Елевсин находился неподалеку от Афин.

687. *...В вечном беге струя Кефис.* В отличие от других рек Греции эта считалась никогда не высыхающей.

690. *Страны сей двоегрудой.* Речь идет о колонских холмах.

С т р о ф а 2 (693—705). Посвящается прославлению маслины. Эти деревья произрастали только в Аттике и находились под покровительством Зевса и Афины. Согласно мифу, первую маслину произрастила на Акрополе Афина.

697. *...Враждебных устрашение копий.* Намек на спартанского царя Архидама II, который в начале Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.) вторгся в Аттику, но не решился тронуть священную маслину, опасаясь гнева Афины.

701. *Голубой маслины ветвь чадогранящая.* Ветвь маслины вешали у входа в дом; считалось, что она оберегает детей.

702—703. *...Ее ни юный властелин, ни старый ввек, Порубив, дланью не сокрушат.* Подразумевается нашествие персидского царя Ксеркса (490—480 г. до н. э.) и того же Архидама.

714—715. *...Как врачующую узду сам для коня ты Впервой когда-то изобрел при сих дворах.* Обычно Посейдону приписывали только создание коня, а укрощение его—Афине или сыну Посейдона, Эрихфонию.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

813. *Свидетельствуюсь ими, не тобой.* Предполагают, что это место испорчено.

С ц е н а IV

882. Стих фрагментарен в подлиннике.

887—890. Трохаческие тетраметры—единственные во всей этой трагедии.

947. *...Что столь премудрый и Ареопаг в стране.* Ареопаг—древнейшее афинское судилище и вместе с тем облеченный властью политический совет, близко связанный с культом Евменид, святилище которых находилось неподалеку (к западу от Акрополя).

982—984. Эти стихи прерывают последовательное развитие мысли и некоторыми исследователями считаются неподлинными.

Стасим II

1049—1052. ...где светы Честные, где Владычиц тайны правятся Для смертных,—ключ же их золотой Сослужащим евмолпидам заполосен на уста? Под «честными светами» Софокл прославляет Факельный берег, т. е. морской берег Елевсина, где на Фарийской равнине происходили ночные празднества при факельном свете в память того, как Деметра с факелами в руках искала свою дочь Кору-Персефону; речь, таким образом, идет об Елевсинских мистериях. «Ключ золотой»—метафора, намекающая на то, что участники елевсинского священнодействия были обязаны соблюдать строгую тайну относительно того, что видели и слышали при своем посвящении. Евмолпиды—должностные лица Елевсинских мистерий.

1059—1061. Или к западу, может быть, От снежной скалы они В округе Эатской мчат. Повидимому, речь идет о горе Эгилий, лежащей на половине пути между Афинами и Елевсином.

1072—1073. ...морского земледержца, милого Реина сына. Имеется в виду Посейдон.

1090. ...Сестра его—Артемида.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

1194—1195. ...близких увещания, Как заговор волшебный, исцеляют их. Разумеются так называемые «эподды»—песни, которые пелись при заговорах болезней.

Стасим III

Эпод (1248). ...То от рифейских полночных гор. Согласно мифической географии, к северу от Скифии (примыкавшей с севера к Черному морю) тянулись Рифейские горы; они составляли «естественный предел земли».

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена I

1285. Сперва же бога призову заступником. Полиник обращается к помощи Посейдона, у алтаря которого он только что сидел в качестве просителя—гикета.

1302. ...Адраста—аргосского царя, участника похода семи против Фив (миф).

1303—1304. ...что в земле слыгут Апейской в первых и копьем прославлены. Апейская земля—Пелопоннес.

1311. ...ныне с копыносцами. Копье было отличием полководца.

1311—1312. ...с копыносцами семью. Семь полководцев, имена которых почти сходны у Софокла, Эсхила («Семь против Фив», 377) и Еврипида («Умоляющие», 861; «Финикиянка», 1104), соответствуют семи воротам Фив.

1313. ...Амфиарай—сын Оикла, аргосский царь, прорицатель и герой. Согласно мифу, когда царствовавший совместно с ним Адраст предпринял первую войну против Фив, Амфиарай не хотел участвовать в ней, предвидя ее печальный исход. Но жена его Ерифила, подкупленная Полиником, уговорила мужа принять участие в походе.

1316. ...Тидей—сын калидонского царя Оинея и Горги, упоминаемый также в «Илиаде» Гомера.

1317. ...Гиппомедонта в бой послал отец. О Гиппомедонте упоминает и Эсхил в «Семи против Фив», 475 сл.

1318—1319. ...Капаней, что хвалится Разрушить город Фивы, их огнем спалив. Согласно мифу, при штурме Фив Капаней, взобравшись на стену, кричал, что даже молнии Зевса не сгонят его отсюда. За это Зевс молнией низверг его со стены.

1320—1321. ...Партенопей подымается, От матери — что в девах долгий срок была. Согласно мифу, быстроногая охотница Аталанта поздно вышла замуж за Меланиона, и от этого брака родился Партенопей.

1370. ...Поэтому и даймон на тебя воззрит. Речь идет о Зевсе.

1375. На вас и раньше призывал я Ар. Ары—враждебные преступникам демонические силы.

1381. ...Ежели в небе Правда есть исконная. Дочь Зевса Правда (Дика) восседает рядом с отцом как неумолимый судья проступков, нарушающих «неписанные законы».

1388—1389. Так проклинаю и зову из Тартара Отца-Эреба страшного приять тебя. Слово «Отец» в качестве определения Эреба указывает на космогоническое родство Эреба и Тартара.

1390. Зову и этих я богинь—Ар, см. 1375.

КОММАТИК

1497. Стих фрагментарен в подлиннике.

Сцена III

1520—1523. Сам указжу тебе я, без воззатого, То место, где я должен умереть. Но ты вовек из смертных никому не сказывай, Где сокровенно, в местности какой лежит. Место могилы должно было стать государственной тайной; отсутствие почестей со стороны фиванцев должно было усилить злобу покоившегося в чужой стране фиванского царя против соотечественников и тем обеспечить победу над ними в случае войны. Таким образом, после смерти Эдип стал афинским хтоническим тотемом.

1533—1534. ...не боюсь «Людей посева». Подразумеваются фиванцы: по преданию, предки их произошли от посеянных зубов дракона, убитого тирским пришельцем—героем Кадмом.

1547—1548. Ведет меня Гермес-воззатый и теней Владычица. Гермес сопровождал души умерших в преисподнюю, владычицей которой была Кора-Персефона (миф).

Стасим IV

1557—1558. Коль нам можно ту незримую вовек Деву в молитвах чтить. Дева—Кора-Персефона.

1560. ... Адоной-бог—трехсложная форма имени Аида.

1568. Земных девы недр! Подразумеваются Эринии, под покровительством которых находился Эдип.

— ...зверь. Подразумевается подземное чудовище—пес Кербер, охраняющий вход в Аид.

1573. О Тартара дитя и Земли! Обращение к Смерти—дочери Тартара и Земли (Геи)—с просьбой нового гостя в подземное царство.

1576. Тебя я призываю, вечносонного. Быть может, надо читать «вечно-спящая» и отнести к Смерти. Обычно относят к Керберу.

ЭКСОД

1593. ...Вблизи глубокой котловины. Герои Фесей и Пирифой заключили здесь клятвенный союз, идя на подвиг похищения у подземного бога Аида захваченной им Персефоны.

1595—1596. *Остановившись меж скалой Форикия, Дуплительной грушей и гробницей каменной.* Об этих предметах ничего неизвестно; неизвестна также и местность, носившая название Форик.

1600—1601. *...на холм отправясь,—видный издали,—Деметры благозачной.* Повидимому, речь идет о храме Деметры на возвышенности близ Колона.

1606. *...Вдруг возгремел подземный Зевс.* Подземный Зевс—Аид.

1632. *Дай руку детям в знак старинной верности.* Дело идет об установившихся издревле отношениях между лабдакидами и потомками Эгея, см. 632—633.

Сцена II

КОММОС

1679—1680. *...Арей С ним не встретился.* Он не погиб в сражении.

1681—1682. *...Но незримою равниной Был он взят.* Обычный образ, присвоенный царству Аида.

Сцена III

1767. *...Со всеслышащим Диевым Орком.* Орк—слуга Зевса.

Антигона

ПРОЛОГ

1—99. В прологе из разговора Антигоны с Исменой мы узнаем о событиях, связанных с походом против Фив. Эти сообщения подготавливают к событиям, составляющим основное содержание данной трагедии.

4—6. *Ведь нет такого горя или пагубы, Позора и бесчестья нет, которых бы В твоих я бедах или в моих не видела.* Речь идет о происхождении Антигоны и Исмены от запятнанного преступлениями отца.

9—10. *Иль темна тебе Беда, что ныне брату от врагов грозит?*—обобщающее множественное число,—разумеется один Креонт.

15—16. *...аргивян войско прочь ушло Сегодняшней ночью.* Согласно мифу, Полиник искал поддержки у аргосского царя Адраста.

23—24. *Он Этеокла—говорят—как чин велит, В земле скрыл, и Аида тот достоин стал.* Чтобы душа навсегда водворилась в подземном приюте, подобающем ей для посмертного существования, телу, с которым она оставалась связанной, надлежало быть прикрытым землею. Считалось, что у души, лишенной могилы, не было жилища. Она, скиталица, злосчастная, но и злоторная, не дает покоя живым, насыпает им болезни, истребляет их жатвы, мучит их страшными видениями, с тем чтобы они погребли ее тело, а вместе с тем и ее.

31. *...добрый сам Креонт...* Трагическая ирония.

32. *...И мне—о да, мне тоже!* Смысл: Креонт осмелился запретить погребение брата не только тебе, уступчивой и слабой, но и мне, которую он, видно, плохо знает (трагическая ирония).

37—38. *Так вот, теперь покажешь, благородна ль ты, Иль низкою от честных уродилась.* Веру в наследственность добрых и порочных свойств, связанную со знатностью происхождения, разделяет также и Софокл.

49—50. ...как отец у нас Погиб, всем ненавистный, обеславленный. Эдип умер, примирившись с богами и даже став героем-хранителем Аттики, но его грех и беславие перешли на его потомство.

77. ...*Не чти, коль хочешь, и богами чтимое* — то есть божеские, «неписанные» законы.

89. *Уважю тех...* — обобщающее множественное число — обычный у Софокла прием; в действительности речь идет об одном Полинике.

ПАРОД

100—101. ...*семибратный град Фивы*. Беотийские Фивы были окружены стеной, имевшей семь ворот. Отсюда их эпитет «семибратные» — в отличие от «стовратных» Фив в Верхнем Египте.

103. ...*поток Диркейский*. Дирка на западе и Исмен на востоке были важнейшими фиванскими источниками; они брали свое начало в предгорьях Киферона.

104. ...*И аргосца с белым щитом*. Предание о белом цвете аргосских щитов основано на этимологическом сближении названия Аргос ('Αργος) и слова 'αζυός («белый»). Речь идет не только о предводителе Адрасте, но и собирательно обо всем его войске.

111—112. ...*привел... орел* — созвучия в подлиннике.

121. ...*Гефестов огонь смоляный*. Гефест — бог огня. Речь идет о смоляных факелах.

122. ...*башен венцы*. Городские стены с башнями изображались в виде венка и в пластике, например в изваяниях Реи-Кибелы (Рим, Сарды, Ефес, Антиохия и т. д.).

— ...*Арей в тылу восшумел*. Арей, сын Зевса и Геры, свирепый и неукротимый бог войны и ратных подвигов, воплощающий воинское одушевление и вызываемое борьбой напряжение физических сил.

123. ...*Необорный ратьям отпор, лютым данный Драконом*. Дракон считался естественным врагом орла (см. «Илиада», XII, 200 сл.). В данном контексте орел символизирует аргивскую рать, а дракон — фиванскую, так как, по преданию, Фивы с кремлем Кадмеей были построены Кадмом при содействии богатырей, родившихся от посеянных в землю зубов убитого им Дракона (см. ниже, стасим V, строфа 1).

130—132. ...*а тот уж мечтал, со стены крепостной, Возгласить перед всеми победу*. Здесь разумеется Капаней, один из вождей аргивян, которого поэт не называет по имени, так же как и остальных предводителей неприятельской рати, за исключением Полиника (перечень вождей — см. «Эдип в Колоне», эписодий четвертый, сц. I, речь Полиника, 1310—1322).

— ...*Возгласить перед всеми победу*. В подлиннике глагол *ἀλλήλασι*: в знак победы почтить Арея боевым криком «а-ла-ла».

133—134. *На землю, вулко взгремевшую, брошен, пал ниц Пламя принесший*. См. «Эдип в Колоне», 1318—1319.

141. ...*в нечете равном*. Перед каждым воротами стоял один из семи вражеских отрядов со своим вождем во главе; защита ворот была организована по тому же принципу.

— ...*медяную дань*, т. е. свои медные доспехи, которые как трофеев были водружены победителями на месте победы. Отступившие аргосцы, согласно обычаю, тоже уделили часть своих доспехов на сооружение этого трофея.

142. ...*Смирителю бед*. В подлиннике «Отвратителю бед». Так назывались боги, обращавшие врагов в бегство и способствовавшие победе, особенно Зевс, Посейдон и Гера.

143—144. ...*Кроме двух злополучных, кого родила Та же мать, у кого и отец был один*. Разумеются Этеокл и Полиник, доспехи

которых не могли быть посвящены богу в качестве трофея: оба оказались победителями, так как пали от ударов друг друга.

148. *Но велеславная Ника пришла.* Ника, богиня победы, считалась дочерью мифического гиганта Палланта и изображалась в виде крылатой девы. По понятиям греков, она была кроме того помощницей во всяком трудном деле. Она пользовалась поклонением повсеместно, иногда в храмах других богов. Здесь она упоминается наряду с Зевсом (строфа 2, 134 сл.).

149. *...колесницами гордый Фивы град.* Изготовлением колесниц Фивы славилась в такой же степени, как Лакония, Сикион и Кирена. Это были центральные пункты шорного производства. Софокл имеет в виду военные колесницы.

154. *...Вакх.* Вакх, или Дионис, сын дочери Кадма, Семелы, и Зевса, бог вина и мистического экстаза; согласно мифу, он, воспитанный нимфами Нисейской долины, впервые взрастил виноградную лозу и научил людей готовить из ее плодов опьяняющий напиток. Возмужав, он, шествуя во главе преданных ему лесных и полевых божеств, распространил свой культ повсеместно не только по Греции, но вплоть до отдаленных пределов Индии. В Фивах ему как местному, туземному божеству воздавались особые почести.

155. *...вот города нашего царь.* О том, что на сцену выходит царь, зрители могли догадаться сами: Креонт выходил из среднего (главного) входа во дворец со скипетром в руках и в сопровождении почетной свиты; его одежды и маска также обличали царя.

156. *Менекеев Креонт.* Имя отца присоединялось к собственному имени в торжественных случаях.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

С ц е н а I

162—211. Креонт выступает как царь впервые. Он созвал городской совет не только для того, чтобы объявить свой приговор относительно Полиника, но также чтобы торжественно заявить народу о своих правах на царский престол (173—174), опустевший с гибелью последних Лабдакидов.

165—166. *...зная, как вы Лаяву Всегда прилежно чтили власть державную.* Лай—сын Лабдака, отец Эдипа, по неведению убитый последним на дороге из Давлии в Беотию. См. «Эдип-царь» (800—813).

174. *...Как всех ближайший по родству с погибшими.* Эдип, происходящий из рода Кадмова, был женат на Иокасте, сестре Креонта (миф).

196. *...обряд свершить святой.* Разумеется соокупность действий, которыми, по понятиям греков, живые обязаны были успокаивать тень мертвеца. На третий, девятый и тридцатый день по смерти на могиле совершались возлияния и жертвоприношения; и позже в определенные дни родственники должны были посещать могилу, украшать ее венками и приносить жертвы. Неисполнение этого вызывало гнев не только самих умерших, но и богов подземного царства. Кровь жертвенных животных выливалась в яму, выкопанную на месте погребения, мясо без остатка сжигалось, а пепел зарывался в землю. Так возлияния проникали к местопребыванию души покойника.

197. *...Как достоин усопшим благороднейшим.* В действительности на предание земле и установленные поминки имели право все мертвецы.

С ц е н а II

256. *...как от скверны.* Скверна требовала очищения. Скверной было бы оставить труп без погребения.

264—265. ...*И были мы готовы раскаленное Железо брать руками, сквозь огонь пройти.* Такое же испытание позже, в средние века, было известно под названием «божьего суда».

276. *Пришел к недобрехотам, не охотю.* Разумеется один Креонт.

309. *Подвешены живыми.* Особый род пытки, подобный древнерусской дыбе.

Стасим I

Строфа 1 (338). *И всех богов превыше—Гею.* Согласно мифу, Земля—Гея—возникла из первобытного Хаоса и породила Урана, от которого потом произвела на свет Кроноса, ставшего отцом Зевса и родоначальником других богов Олимпа. Земля почиталась как самое древнее и одно из главнейших божеств. Святилища ее находились в Афинах, Спарте, Дельфах, Олимпии и других местах. Прорицалище Аполлона в Дельфах первоначально было связано с ее культом (см. Эсхил, «Евмениды», монолог Пифии, начало).

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

427—428. ...*и проклятьями Лихими проклинала совершивших то.* Проклятья, или, вернее, заклятия, принадлежали наряду с молитвами, клятвами, очищениями, жертвоприношениями и т. д. к числу обрядов религиозного культа. Они состояли в призывании всяческих бед на голову виновного и даже иногда закреплялись на письме. Под их охраню находились частные и государственные договоры, разного рода учреждения и законы, а равно все священные места, кладбища, могилы и т. д. Снять проклятие можно было лишь при соблюдении некоторых церемоний.

430—431. ...*Подняв высоко медный крепкокованный Сосуд, трикраты чествует умершего.* Возлияние над могилами умерших делалось из медовой сыты, вина и молока, иногда заменявшегося маслом или жертвенной кровью. Все это выливалось на могилу или в смешанном виде, из одного сосуда, или же порознь; при этом самый сосуд, обычно богато украшенный фигурными изображениями, поднимали высоко над голозой и совершали возлияние в три приема (это число считалось священным).

438. ...*милых же в беду вергать...* Для стража, одного из рабов Эдипа, Антигона не была чужой.

451. ...*Не сопредельной Преисподним Дикою.* Дика — богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды, названа сопредельной подземным богам, потому что, как и Эринии, она карала за нарушение законов религии и нравственности.

456. ...*и не со вчера живут.* Иронический намек на недавнее происхождение Креонтовой власти.

487. ...*Зевса-Геркия.* Эпитет Зевса как охранителя дома и семьи; Зевс-Геркий имел свой алтарь во дворе каждого дома.

526—527. ...*раз... глаз—совзучия подлинника.*

Сцена II

Стасим II

588—589. *При задувших злобно ветрах Фракийских.* Отличаясь суровым климатом и бесплодием, Фракия считалась местопребыванием Борей (северного ветра).

593—594. ...*рушатся вечно на Лабдаков дом Беды вслед за бедами тех, что погибли прежде.* Разумеются Этеокл и Полиник, Эдип, Иокаста и Лай.

599—600. *Вот и ныне над последним Побегом свет едва блеснул в Эдины доме.* Разумеется надежда на новое, более счастливое поколение, которое могло произойти от брака Антигоны с Гемоном.

607. *...Ее не берет ни сон, что тела людские нежит.* Зевс один из всех богов противостоит власти сна и может спать или не спать по произволу.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

631. *Узнаем скоро лучше всех кудесников.* Поговорочное выражение.

658—659. *На помощь кличет Зевса пусть Родохранильца.* Эпитет «Родохранилец» тождественен с употребленным выше эпитетом «Геркий» (487). Самоуверенная речь Креонта граничит с «богохульством».

666—667. *Тех, кто поставлен градом, должно слушаться И в малом, и в законном—и в обратном им.* Креонт высказывается резко в духе тогдашних поговорочных изречений.

683. *...людям боги разум даруют.* Подразумевается: а не лезть или выгоды общественного положения.

711. *...упорным в меру быть.* Гемон парафразирует известное правило народной мудрости «ничего слишком», подобно Креонту, который также парафразирует в своей речи народные поговорочные изречения.

775—776. *...Но предложу ей пищи на один обряд, Чтоб мог избежать оскверненья город наш.* Обычай требовал, чтобы осужденные на голодную смерть получали небольшое количество пищи в запас; этим виновники их осуждения как бы освобождались от ответственности за смерть казнимых.

779—780. *...Или, по крайней мере, убедится там, Что тщетный труд—Аида чтить насельников.* Некоторые комментаторы относят эти стихи к подземным богам; в таком случае это—«богохульство».

С т а с и м III

781. *...Эрос.* По Гесиоду, Эрос — одно из древнейших божеств, возникшее в одно время с Землею и Тартаром; это—могучая сила, которая водворила порядок и благоустройство среди первоначального хаотического смещения элементов. Но в народе был популярен другой Эрос—сын Афродиты от Арея, прекрасный, влаткрылый отрок, вооруженный луком и колчаном, коварный и неукротимый, не знающий пощады и снисхождения, страшный своим губительным оружием Зевсу и даже самой Афродите (отзвук древнейшего космического понимания). Этот образ проник и в позднейшую поэзию.

799. *...Пресидящей от века вышним богов уставам.* Место, повидимому, безнадежно испорченное.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена I

КОММОС

811. *...На брег Ахеронта.* В эпоху Софокла греки представляли себе обитель Аида в виде обширного подземного царства, куда можно было проникнуть с земли через одно из глубоких ущелий (например, близ Тенара, у Гермियोны, у Кум в Италии). Это Аидово царство окружают три реки: Ахеронт, Пирифлегетонт и Кокит; последняя принимает в себя реку Стикс и образует вместе с ней Стигийское озеро. Тени умерших могут проникнуть в места своего загробного существования не иначе, как переплыв одну

из этих подземных рек на челноке, которым управляет старый перевозчик Харон.

812. ...*Ведет, чуждую песен брачных.* Вечером в день свадьбы жених торжественно привозил невесту на брачной колеснице, запряженной мулами, в свой дом. За ними следовала факельная процессия, участниками которой были родственники и знакомые брачующихся; они пели свадебные песни, так называемые «гимнеи». Слово «гимнеи» миф производил от имени Гимена, гения-покровителя брака.

813—814. *И в покой провожат не станут гимнами гости Невесту-деву.* Гости с пением гимнов провожали невесту в брачный покой, куда ее вводила сваха после свадебного пира.

823. ...*фригийская древле гостья.* Название «фригийская» вместо «лидийская» употреблено здесь, как и у Гомера, в более обширном смысле для обозначения Фригии вместе с сопредельной с нею Лидией.

— ...*гостья*—Ниоба, была супругой фиванского царя Амфиона, но лидианка по происхождению (миф). Ниоба и Антигона, стало быть, жили в одном и том же городе—Фивах.

824. ...*Танталида.* Речь идет о Ниобе (Ниобея). Согласно мифу, Ниоба—дочь Тантала и внучка Зевса—прогневала богиню Латону тем, что потребовала равных с этой богиней почестей, похваляясь количеством детей, которых у нее было в шесть раз больше, нежели у Латоны. Аполлон и Артемида отомстили за обиду, нанесенную их матери, истребив в один день все потомство Ниобы; сама Ниоба превратилась после этого в вечно плачущий камень (см. «Илиада», XXIV, 602—617). Человекообразная скала, составляющая отрог горы Сипил (в Лидии) и слышная в древности за окаменевшую Ниобу, существует и доселе (так называемый «Таш-Сурет»). См. Павсаний, «Путешествие по Элладе» I, XXI, 3).

833. *Но богиня она и дитя божества.* Ниоба была дочерью Плеяды (по другим версиям мифа—Гиады), а следовательно, богорожденною и богиней.

844. ...*Града, знатные люди.* Дословно: «городские весьма богатые люди»; этот украшающий эпитет характеризует социальный состав Креонтова «совета».

845—846. ...*Диркейский ток и роца Колесницами славных Фив.* Речь идет о роце Деметры и Кору, находившейся в предместье Фив, у Диркейских источников.

853—855. *До крайней дерзости дойдя, Так о высокий Дики трон, Дитя, преткнулась больно ты.* Своим сопротивлением Креонтову указу Антигона может прогневать ту самую богиню, во имя которой она действует (см. 451), ибо Дика считалась верховной охранительницей гражданского благоустройства.

869—870. ...*в злосчастный Брак вступивший брат мой*—Полиник, который является причиной гибели Антигоны. Не женись он на дочери аргивского царя Адраста, не было бы похода аргивян на Фивы, не был бы убит ни он сам, ни Этеокл, не было бы запрещения Креонта хоронить Полиника как врага отечества.

Э по д (876). ...*без друзей.* Антигона не видит возле себя единственно близких ей лиц—Исмены и Гемона.

С ц е н а II

894. ...*Персефоной приняты.* Персефона, дочь Деметры, похищенная Аидом и ставшая его супругой и богиней подземного царства (миф).

895. *Последняя меж ними.* Антигона уверена, что с ее смертью окончатся ужасные несчастья дома Лабдакидов и преследования рока не коснутся Исмены.

905—912. Гете считал это место «пятном на нашей трагедии» и выражал желание, чтобы «какой-нибудь сведущий филолог доказал подложность» его. Однако против этого говорит тот факт, что оно напоминает одно место из III кн. Геродота, «Истории» которого нередко служили Софоклу источником.

922—923. *Что пользы горемычной на богов еще Взирать?* Эти стихи не вяжутся ни с предыдущим стихом (921), ни с последующим (925—926); в предыдущем стихе прямо, а в последующем косвенно высказывается твердое упование Антигоны на богов и на то, что ее поступок угоден им.

941. *На последний отпрыск рода царей.* Об Исмене, остающейся в живых из числа потомков Эдипа, Антигона в этот момент не думает. Диндорф считает этот стих неподлинным.

Стасим IV

944—981. Обращения хора к Антигоне и самый характер песни, заключающей в себе утешение, говорят за то, что Антигона покидает сцену только после ее окончания.

По указанию Ф. Ф. Зелинского, в строфе 1, ст. 6 Софокл реэмирует содержание своего «Акрисия», в строфе и антистрофе 2—своего «Финея», в антистрофе 1 ссылается на «Ликургию» Эсхила, которая восстанавливается, главным образом, на основании этого места.

944. *Так же древле дева Даная муку терпела.* Согласно мифу, аргосскому царю Акрисию было предсказано, что у дочери его Данаи родится сын, от руки которого ему суждено погибнуть. Акрисий заточил Данаю в подземелье, куда, однако, в виде золотого дождя проник Зевс, прельщенный красотой девушки, и она произвела на свет знаменитого Персея. Несколько лет младенец рос в подземной тюрьме; когда царь услышал о его существовании, он велел заколотить мать и дитя в ящик и пустить в море. В конце концов Даная и Персей были спасены, и пророчество исполнилось. Хор ставит Данаю на первом месте: подобно Антигоне, она была царской дочерью, была молода и пострадала не по своей вине.

945—946. *...в окованном медью Покое.* Здесь, вероятно, разумеется подземное сооружение вроде Атриевой сокровищницы в Микенах, стены которой с внутренней стороны имели металлическую облицовку.

950. *...навешего ливнем златоструйным.* След спайки двух мифов: по другому мифу Даная была заточена в открытой башне.

952. *...Арей*—«открытый бой», «воинская сила».

954. *...сын владыки Дрианта*—фракийский царь Ликург. В мифах сохранилось указание, что иноземный культ бога Диониса распространился не без ожесточенной борьбы, и царь эдонян Ликург был одним из тех, которые особенно упорно сопротивлялись его введению. Разгневанный Дионис поразил своего гонителя лишением рассудка, а подвластные ему земли бесплодием. Ликург в припадке безумия совершил несколько преступлений, и возмущившиеся эдоняне заточили его в пещеру.

955. *...царь эдонов.* Эдоны обитали во Фракии, у реки Стримона.

957—958. *...и вот самим Дионисом Заточен в узнице он из груды камня.* Хотя Ликург был заточен эдонянами, виновником этого был Дионис.

962—963. *...Что гнал богом полных жен и погашал Вакхов огонь И раздражал дудолобивых—дерзкий—Муз.* Ликург мешал путникам и почитателям Диониса справлять обряды, не останавливаясь перед насилием в преследованиях «боговдохновенных

жен», т. е. менад или вакханок. Экстаз был особенностью всех мистических культов и в особенности дионисийского (вакхического).

— ...погасил Вакхов огонь. В Беотии, Фокиде, Аттике и во многих других местах совершались особые празднества в честь Диониса (так называемые «оргии»), главную часть которых составляла ночная факельная процессия. Чаще всего к участию в ней допускались только женщины. В одеждах нимф и ор (горных нимф), с распущенными волосами, при звуках флейт, криках «эвой, эвой!» и свете факелов, вакханки толпами устремлялись в горы, потрясая тирсами (остроконечными палками с надетыми на них сосновыми шишками) и распевая песни; встретив животное, они разрывали его на части, обливали себя его кровью и поедали его (обряд «омадии» или «омофагии» — «сыроядения»). Эти действия заключали в себе символический смысл и имели отношение к мифам о преследовании и убиении Диониса.

— ...дудлолюбивых ...Муз. Флейта считалась излюбленным инструментом Муз, а также сатиров, обычных спутников Диониса. Культ Муз был тесно связан с культом Диониса, на празднествах которого устраивались музыкальные состязания, послужившие основой для развития греческой драмы. В мифах Музы являются то кормилицами Диониса (см., например, «Эдип в Колоне», стасим I, строфа 1, конец), то его спутницами. У них он ищет прибежища от своих гонителей.

Строфа 2, так же как и антистрофа 2, посвящена мифу о Клеопатре, дочери северного ветра, Борей, и ее двух сыновьях — Пандионе и Плексиппе. Чтобы жениться на прекрасной сестре Кадма Идофее, фракийский царь Финей отверг свою супругу Клеопатру и заточил ее в темницу. Идофея возненавидела пасынков, ослепила их при помощи ткацкого челнока и приказала заживо похоронить в подземном склепе.

968—969. *Возле Синих Утесов у моря Двойного, там, Где Босфора берега...* Синие Утесы — два небольших острова при выходе из Босфора в Черное море, называющиеся также Черными Скалами, или Симплегадами. По преданию, эти скалы раздвигались и сдвигались; они стали неподвижны с тех пор, как мимо них удалось проскользнуть Аргó — кораблю Аргонавтов, плывших за золотым руном в Колхиду. Прилегающие к ним моря (Пропонтида и Понт) также назывались «Синие» или «Черные» моря.

— ...у моря Двойного. Симплегады находились как раз на рубеже двух морей.

969. ...дикий. Доступ со стороны моря к Салмидессу значительно затруднялся отмелями; в подлиннике — «негостеприимный».

970. ...Салмидесс. Салмидессом называлась береговая полоса Фракии к северу от Босфора Фракийского; впоследствии здесь возник город того же имени.

— ...подгородный видел Арей. Повидимому, речь идет о святилище Арея, находившемся подле города Салмидесса. Культ Арея, бога боевых схваток, был мало распространен в Греции; полудикая Фракия была одним из мест особенного его почитания. Арей недаром выбран свидетелем кровавого дела. См. характеристику Арея у Гомера («Илиада», V, 840; XXI, 391).

971. ...Сынов обоих Финей — Пандиона и Плексиппа (см. выше).

981—982. ...она от древлерожденных свой Род вела Эреxfидов. Мать Клеопатры Орейфия была дочерью Эреxfея, древнейшего аттического героя, сына Земли и питомца богини Афины, культ которой он, по преданию, первый водворил в Афинах (миф).

983—984. В дальних она пещерах Среди отцовых бурь влезлеяна была. Пещеры названы «дальними» ввиду их местонахождения в отдаленной Фракии.

985. *Бореада*. См. выше, строфа 2, вводное прим.

— *...быстра, что конь*. В подлиннике труднопереводимый сложный эпитет *ἄμιπτος*—«с лошадию состязающийся».

987. *Мойры вековечные*—богини судьбы. Чем Клеопатра прогневала Мойр,—миф не сообщает.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Сцена I

995. *В том признаюсь, что приносил ты пользу мне*. Советы Тиресия послужили к спасению города в тяжелые годы обществанных бедствий: при Лае, когда возле города поселилось крылатое чудовище Сфинкс; при Эдипе, когда фиванская земля была поражена мором; наконец, при сыновьях Эдипа, во время осады, когда гневный Арей требовал себе в жертву одного из потомков Кадма.

996. *...опять на лезвие судьбы стоишь* — поговорочное выражение.

999—1022. В первой половине речи Тиресия есть указания на технические приемы гадателей. У греков была распространена вера в знамения, посредством которых боги будто бы могут открывать людям по их молитвам или по собственному побуждению свою волю. Такие знамения подлежат истолкованию сведущих людей, преимущественно жрецов и гадателей. Символические указания на грядущие события якобы могли заключаться во всяком выходящем из ряда вон явлении—в особенности же в небесных явлениях (гром, молния, радуга, полет птиц и т. д.). Птицам предпочтительно перед другими живыми существами приписывалась способность постигать волю божества. Мало-по-малу выработалась целая наука о значении тех или иных действий птиц (крик, полет, посадка и т. д.). При этом не все птицы считались одинаково «вещими», а лишь те, которые летают особенно высоко и в одиночку, главным образом хищные: орел, ястреб, коршун, сокол, а также ворон и ворона.

Вторым не менее важным и распространенным способом гадания была «гиероскопия», или гадание по внутренностям жертвенных животных. Гиероскопия заключалась в наблюдении над различным состоянием печени, сердца, селезенки, желудка, легких и почек животных.

Тиресий говорит именно об этих двух видах гадания: орнито-мантии и гиероскопии.

999. *В том древнем сидя аданье-птицезорище*—в Фиванском кремле, между храмами Зевса-Аммона и ТЮхи. «Птицезорище» Тиресия показывали еще Павсанию, известному путешественнику II века н. э. Но обычно для птицегадания выбиралась свободная, незастроенная, открытая площадь, причем гадатель большей частью обращался лицом к северу; правая (восточная) сторона считалась благоприятной, левая (западная)—неблагоприятной.

1000. *...Где у меня был всякой хищной птицы слёт*. Гадатели прикармливали птиц, чтобы в случае надобности не испытывать недостатка в материале для гадания.

1001—1002. *...Пернатых странный слышу голос, в бешечестве Кричащих злобно и невразумительно*. Тиресию приписывали понимание птичьего языка. На этот раз птицы заговорили между собою на непонятном даже для Тиресия, «варварском», невразумительном наречии.

1005—1006. *Я в страхе тотчас стал гадать по пламени На алтарях зажженных*. Все, что выходило за пределы обычного,

считалось дурным предзнаменованием и могло возбуждать суеверный страх.

1031—1032. *Тебе на благо речь благая. Сладостно Благой внимать нам речи, коль на пользу речь.* Сочетание слов «благо», «облогать», «благой» имеет в устах гадателя не только риторическое, но и магическое значение, так как он и его слушатели верят в возможность влиять на будущее подбором «счастливых» слов. Двустипшие представляют собой обычное у Софокла общее место, заканчивающее речь.

1035—1036. ...*родней мой И продан и погружен я давно уже,* т. е. как корабль с товарами.

1037. *Корыстуйтесь...* Креонт подозревает, что Тиресий подкуплен (впрочем, Турнье полагает, что он имеет в виду в данном случае Антигону, Исмену и Гемона).

— ...*электр из Сард.* Электр—металлический сплав, в состав которого входили четыре части золота и одна часть серебра. Он представлял собой частью искусственный продукт, частью был найден в естественном виде и ценился высоко. Центром торговли электром были Сарды, столица Лидии, расположенная при золотосной реке Пактоле, по северному склону горы Тмола.

1038. ...*золото индийское.* Богатство Индии вошло у древних греков в поговорку. «В Индии,—говорит Геродот (III, 106),—огромное множество золота, которое отчасти добывается из земли, отчасти наносится реками или похищается» (якобы у муравьев колоссальной величины, выносящих золотой песок из-под земли на поверхность; подробный рассказ об этом см. там же, гл. 102—105). Полуостров Малакку греки называли «Златой Херсонес».

1040. ...*Зевсовы орлы.* Представление об орлах Зевса вызвано у Креонта сообщением Тиресия об осквернении алтарей птицами, поедающими труп Полиника. Это—новое «богоульство»; Креонт понимает, что зашел слишком далеко, а потому прибавляет: «Я знаю ведь, что человек не в силах осквернить богов».

1065. ...*исполнит Гелиос ристания.* Говорится о боге Солнца, Гелиосе, мчащемся по небу на колеснице.

1076. ...*Чтоб теми же ты был постигнут бедами.* Закон возмездия требовал, чтобы наказание вполне соответствовало преступлению. Креонт должен поплатиться уничтожением своего рода, последним представителем которого был Гемон.

1084—1086. ...*как лучник, я Направил в сердце гневно стрелы верные Тебе:* См. 1033—1034.

С ц е н а II

1104. ...*Зломудрые—ногами быстры—Пагубы.* Пагубы—Эринии.

1109. ...*Колуны бери*— для сооружения погребального костра.

1110. *И к месту риньтесь, издалека видному.* Действие трагедии происходит на Фиванском акрополе, возле царского дворца, на возвышенности.

1112. *Как сам связал, так сам пойду и выпущу.* Поговорочное выражение.

С т а с и м V

1115. *Многоименный.* У Диониса-Вакха было много имен: Иакх, Лисий, Эвий, Дифирамб, Фией, Бромий, Отрок, Загрей и т. д. Это частью названия местных божеств, впоследствии сближенных и отождествленных с Дионисом-Вакхом, частью эпитеты Вакха, которыми ранее характеризовались различные его функции.

...*девы цвет Кадмейской,* то есть Семелы, дочери царя Кадма (см. прим. к 1138).

1117—1118. ...*Достославную хранящий Италию.* Многие области Апеннинского полуострова, славившиеся виноделием, особенно Кампания, и Великая Греция с Тарентом и Фуриями чтили Вакха.

1118—1119. ...царящий В долах всеприимных Деметры Елевсинской. Елевсинские мистерии чтились по всей Греции.

1122—1123. Во граде родимом, Фивах, Живущий. Фивы были колыбелью Вакхова культа. Здесь, по одной из самых распространенных версий мифа, родился Дионис.

Вся строфа 1 построена по типу так называемых «призывных» гимнов и состоит из: 1) обращения к божеству и 2) наименования наиболее славных мест его культа. Прошение следует в конце строфы 2.

1126—1127. Тебя со скалы двуглавой яркой видит Пламень. Гора Парнас имеет две вершины. Эти слова могут относиться или к факельным огням ночных вакхических процессий или же к упоминаемому древними авторами огню, якобы появлявшемуся по временам ночью на вершинах Парнаса.

1127 — 1128. ...Корикийские где Девы носятся вакханки. Эпитет этот обязан своим происхождением сталактитовой пещере Корибион (ныне—Сарондавли), в одном из отрогов Парнаса, в которой и по сию пору сохранился античный жертвенник, посвященный Пану и нимфам.

1129. ...Касталлийский ток—источник близ Парнаса, возле Федрианских скал.

1130. И тебя с Нисейских нагорий... Название «Ниса» было очень распространено в странах древнего мира. Речь идет, видимо, о еврейской Нисе.

1138—1139. ...с матерью... Убиенной Громовержцем. Согласно мифу, Семела не вынесла близости Зевса, явившегося к ней по ее собственному требованию во всеоружии своих атрибутов, и погибла от его молнии.

1144. ...пролив пройдя стеньяций. Разумеется Еврип, отделяющий Евбею от материка.

1145. И-о, дышащих огнем звезд всех хороводитель. Это место говорит о космической природе Диониса. Соответствующие места имеются и в так называемых «Орфических гимнах».

1146. Председящий кликам ночи. Разумеются возгласы участников ночной процессии.

1150. ...Фидам—вакханкам.

1151. ...Якх—одно из многочисленных имен Диониса.

ЭКСОД

Сцена I

1155. Все вы, кто в домах Кадма и Амфиона. Имена Кадма, основателя Фив, и Амфиона, как зиждителя стен, часто сопоставляются.

1164. ...посевом добрых чад обилуя. Несмотря на множественное число, подразумевается один Гемон.

1170—1171. ...дыма тень За них не дам—поговорочное выражение.

1173. Они мертвы. Речь идет только о Гемоне.

— ...живые виноваты в том—говорится только о Креонте.

1176. Отцовой ли рукою или собственной. Вопрос корифея, не совсем уместный после предыдущего стиха, объясняется прежним заявлением вестника (1144).

Сцена II

1200. ...умолив богиню придорожную, т. е. Гекату, изображения которой ставились на распутях (см. Софокл, Фрагм. 492). Древнее божество луны, родственное Артемиде, первоначально благотворное, покровительница охоты и стад, мореплавателей и путников,—Геката мало-по-малу в представлении греков пре-

вратилась в божество мрачное и вредоносное. Это произошло под влиянием «орфических учений», сблизивших Гекату с божествами подземного мира. В ней стали видеть царицу духов и демонов, являющихся по ночам в виде выходцев из могил и привидений. Ее ведению подлежали чародеи, кудесники и колдуны. Статуи Гекаты с тремя обращенными в разные стороны лицами («Геката трехликая») ставились как «обереги» у домов, на улицах, рынках и перекрестках; женщины, выходя из дому, гадали по этим статуям о благополучном завершении своего пути. Здесь Геката—супруга Плутона и почти сливается с Персефоной.

1201. ...*Плутона*. Плу́тон—другое имя Аида, бога подземного мира.

1204—1205. *И холм высокоглавый из земли родной Насытав...* Древние греки предпочитали быть погребенными на родине.

1215 слл. Эту сцену следует представлять себе в следующем виде: Креонт послал слуг на вершину кургана к верхнему его отверстию—«устью», чтобы поднять закрывающий его ключевой камень. Когда это было исполнено, свет проник под купол гробницы, и они увидели описанное в ст. 1215—1217. Увидел это и Креонт (1226); по боковому входу он побежал в гробницу, дверь которой еще раньше была взломана Гемоном; между тем Гемон успел вынуть тело Антигоны из петли. Слуги остались наверху; поэтому они видели происходящее в гробнице, но не могли подать помощь.

Сцена IV

1258. *Достоверную правду неся на руках*. Тело Гемона изображал манекен.

Сцена V

КОММОС

1281. *Какая хуже может быть еще беда?*—поговорочное выражение. Диндорф считает этот стих вставленным позже.

1293. *Увидеть можно: из покоев вынесли*. В тех случаях, когда это по ходу действия оказывалось нужным, зрители при помощи особого механического приспособления, называемого «энкиклемою», как бы переносились за пределы сцены, туда, где совершались не видные их глазам, но ведомые с чужих слов кровавые события. Энкиклема, по всей вероятности, представляла собою деревянную платформу, выкатываемую на деревянных колесах из дверей дома или дворца. При посредстве энкиклемы перед зрителями появлялся и труп Евридики, изображаемый манекеном с соответствующей маской.

1302—1303. ...*оплакав одр Преславный Мегарей*. Старший брат Гемона, Мегарей, добровольно принес себя в жертву Арею, когда при наступлении вражеского войска Тиресий объявил, что Арей все еще продолжает гневаться за умерщвление его дракона Кадмом и требует себе в жертву одного из Кадмеидов (миф).

Строфа 4 (1328). *Кратчайшая всех лучше для тебя беда*—поговорочное выражение.

1334—1335. ...*О сегодняшнем Пекись*. Разумеется предание земле трупов Антигоны, Гемона и Евридики.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства VII

Трагедии

Эдип-царь	3
Эдип в Колоне	61
Антигона	129

Комментарии

Жизнь и литературная деятельность Софокла	177
Пояснения к переводу	189
Построение трагедии у Софокла	196

Примечания

Эдип-царь	203
Эдип в Колоне	215
Антигона	221

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>
VII	4 св.	подготавливаемом	подготавливаемого
51	3 св.	ложем, выла	ложем выла
98	91 св.	срором	скором
101	5 св.	язнал—поместный	я знаю—местный
190	17 св.	ассоциацию	ассоциацию с александрийским стихом.
197	2 св.	ἐξάρχον	ἐξάρχων
199	4 св.	по явления	появления
—	8 св.	при Фесписе	при Фесписе).
245	16 св.	Мегара	Мегера
230	4 св.	«облогать»	«благая»

*Редактор Д. А. Горбов.
Художественная редакция
М. П. Сокольников.
Лит.-техническ. наблюдение
А. А. Реформатский.
Тех. ред. Л. Фрязинова.
Наблюдение н/производстве
М. И. Козлов.*

*Сдано в набор 3. I. 35. Под-
писано в печать 7. X. 35.
Тир. 5300. Уполн. Главли-
та Б-11984. Зак. тип. № 35.
Зак. «Ас» 139. Инд. А—1.
Бум. 72×110—¹/₁₆. П. лист.
14³/₄+3 вкл. Авт. л. 13,4.*

*Отпечатано в 16-й типогра-
фии треста «Полиграфкни-
га», Трехпрудный, 9.*

*Цена Р. 6.50
Переплет Р. 1.50*

Дробоооооо

КЛУДН

Клудн

АГСТОНФАН

Клудн
н. 1 и 2

ВЕРУЛОН

Клудн и Турин

Клудн

ДВАН

Клудн

ВЛАД

Клудн

н. 1

СЕНКА

Клудн

ТОНЕР

Клудн

Клудн

ДУНАН

Клудн

н. 1

ДОН

Клудн и Турин

ДСХН

Клудн и Турин

ВЛАД

ВЛАД

Клудн

н. 1

ВСКОНФОН

Клудн и Турин

ВНАД

Клудн

ВСАДРФА

Клудн и Турин

ТРАГЕДИИ

СОФОКЛА

Трета на античната литература е гръцката трагедия. Тя е най-високият степен на античната литература. Тя е най-високият степен на античната литература. Тя е най-високият степен на античната литература.